ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОЭЗИЯ ОКТЯБРЯ

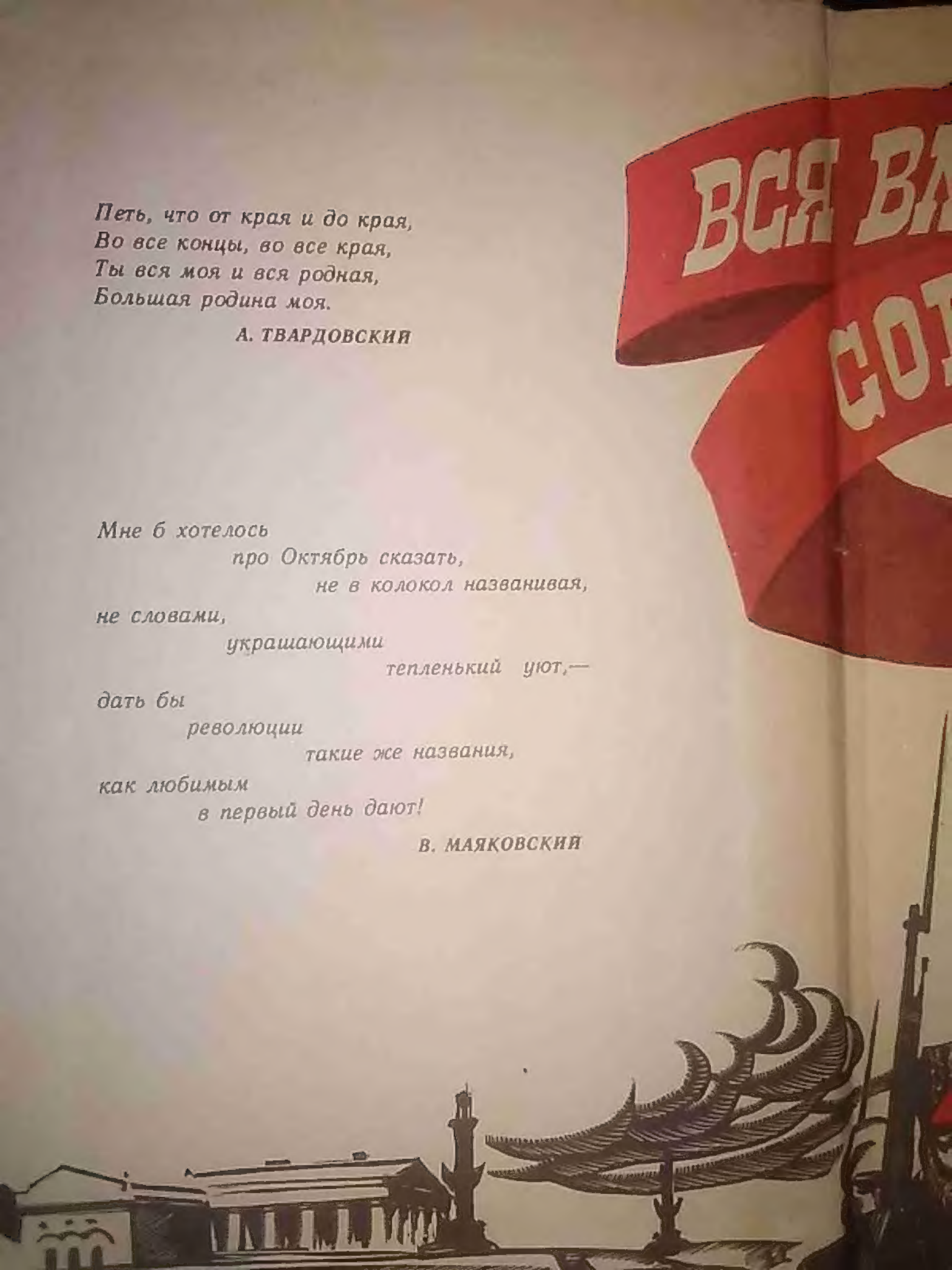
PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

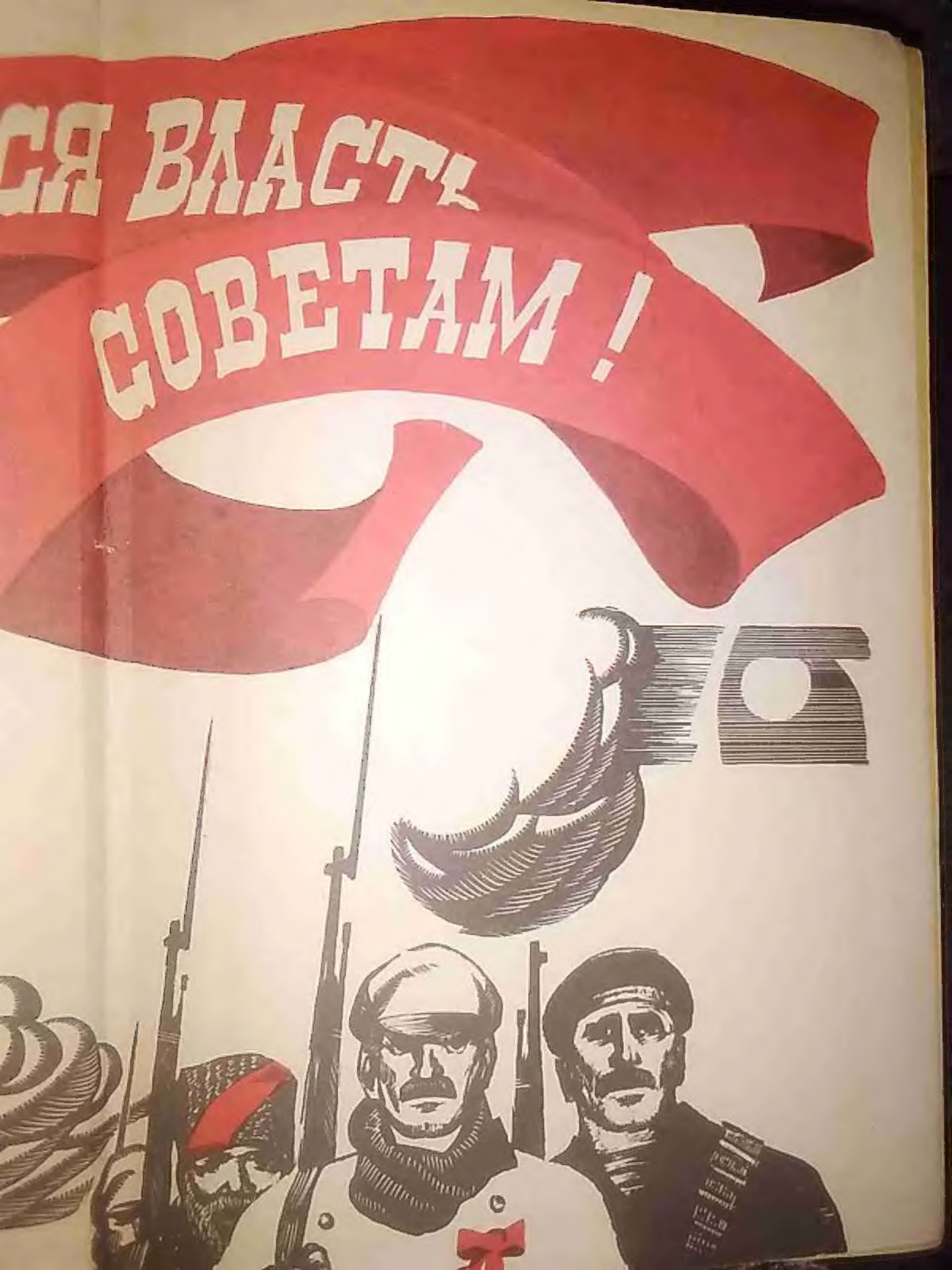
Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная,
Большая родина моя.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют,—
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!

В. МАЯКОВСКИЙ

СЯ ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ!

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОЭЗИЯ ОКТЯБРЯ

1917—1940

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1987

ББК 84Р7-5
П67

Рецензенты:
кандидат филологических наук *И. В. Скачков;*
методист Калининского РОНО г. Москвы *Г. К. Антиповская*

Составление и комментарии *Т. Ф. Прокопова*
Предисловие *Д. М. Молдавского*
Оформление художника *Б. А. Малахова*
Подборка иллюстраций *М. Б. Бурсы*

П67 **Поэзия** Октября, 1917—1940 / Сост. и коммент. Т. Ф. Прокопова; Предисл. Д. М. Молдавского.— М.: Просвещение, 1987.—319 с.: ил.— (Шк. б-ка).

В книгу вошли лучшие стихи и поэмы советских писателей, в которых отражена жизнь первой Страны Советов с 1917 по 1940 год. Книга предназначена для учащихся старших классов.

ББК 84Р7-5

П $\frac{4306020300—381}{102(03)—87}$ инф. письмо — 87

© Оформление. Предисловие. Составление. Комментарии. Издательство «Просвещение», 1987

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Антология «Поэзия Октября» составлена из произведений советских поэтов, созданных в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции — с конца 1917 до 1940 года. Именно в этот период происходит активное становление и утверждение литературы социалистического реализма, поэзии новой эпохи.

Поэты первыми откликнулись на главное событие XX века — нашу великую Революцию, и с этого времени октябрьская тема в творчестве советских мастеров слова — одна из ведущих. Она разрабатывается широко и весомо в самых различных формах и видах. Прочитав первые страницы книги, вы сможете убедиться, что вначале это одическое, подчеркнуто эмоциональное прославление Революции, подвига Ленина и партии коммунистов. Затем рождаются первые попытки философского осмысления небывалых по размаху социальных преобразований, происходящих в стране победившего социализма. Поэты стремятся ярко, масштабно запечатлеть в художественном слове то новое, что в ту пору каждодневно созидалось не только в жизни первого в мире социалистического государства, но и в судьбах, сердцах и мыслях советских людей. Преобразовывалась (и это мы можем проследить по страницам антологии) и наша многонациональная поэзия, в которой появляется все больше новых черт, потому что обновлялась и та действительность, которая стала объектом художественного отражения. Тема Октября, тема революционных преобразований явилась доминирующей в творчестве наших поэтов, о чем бы они теперь ни писали — о первом тракторе в деревне или о походе челюскинцев, о героике освобожденного труда или о любви.

Первая задача, которую пытался решить составитель сборника, — достаточно широко представить читателю (в первую очередь — школьнику-старшекласснику) круг поэтов, внесших наибольший вклад в создание литературы социалистического реализма, а также познакомить его с теми именами, без которых нельзя ныне изучать историю советской поэзии. Вторая задача, решавшаяся составителем, — представить творчество поэтов в их лучших образцах, то есть теми стихотворениями и поэмами, которые и поныне входят в золотой фонд нашей литературы, многократно переиздаются. И, наконец, третья задача — подчинить отбор лучшего в нашей поэзии четырем достаточно, как показалось составителю, емким и представительным направлениям, охватывающим темы ведущие, главные в творчестве советских поэтов двадцатых — тридцатых годов:

1) Великая Октябрьская социалистическая революция, героика гражданской войны;

2) жизнь-подвиг Владимира Ильича Ленина;

3) строительство социализма, созидательный пафос первых пятилеток;

4) интимный мир чувств советского человека.

В антологию вошли произведения более семидесяти авторов, из них немало таких имен, о которых читатель-школьник слышит впервые, о них он минимум сведений может получить в комментариях.

В основу расположения материала положен хронологический принцип (по годам рождения поэтов) — принцип, утвердившийся в современной издательской практике как наиболее рациональный. Вместе с тем составитель счел возможным допустить некоторые нарушения хронологического расположения материала: каждый раздел открывается произведениями крупнейших поэтов XX века — В. В. Маяковского, А. А. Блока, В. Я. Брюсова. Стихотворения и поэмы каждого автора в основном располагаются в соответствии с датами их написания или (если последние неизвестны) в соответствии с датами их появления в печати.

Стихотворные тексты печатаются по последним собраниям сочинений, изданиям «Библиотеки поэта», а также по тем сборникам, которые в текстологическом отношении наиболее авторитетны (в частности, поэтические антологии, включенные в состав «Библиотеки всемирной литературы» и «Библиотеки мировой литературы для детей»).

ПОЭЗИЯ ОКТЯБРЯ

В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский вспоминал:

Когда я
итожу
то, что прожил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.

Так началась новая эра в истории человечества. Так началась новая эпоха человеческих отношений, великих дел.

Идеи социализма. Гуманизм. Новые силы. Октябрь открыл новую страницу мировой истории. И новой социалистической культуры. И новой свободной литературы. Еще много-много десятилетий с удивлением и восторгом историки культуры будут обращаться к явлению, не имевшему равного в истории,— к фантастическому по своим масштабам, бурному, стремительному взлету культуры, который произошел в нашей стране.

Поэзия. Живопись. Театр. Все искусства, вдруг, ощутив свободу от сковывавших их веками цензурных установлений, эстетических догм, общественных предрассудков, словно корабли, в паруса которых подул счастливый ветер, вышли в плавание.

Советская поэзия возникла вместе с новым обществом. И непосредственными ее предвестниками были стихи, напечатанные в дни Октября поэтами — в основном рабочими — на страницах «Правды», опубликованная там же поэма Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю» и еще частушка Маяковского, о которой он с такой гордостью вспоминал много лет спустя — ведь с ней шли на штурм Зимнего питерские рабочие-красногвардейцы:

Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй.

А уже несколько дней спустя после победы Великого Октября в Смольный пришли в ответ на обращение большевиков лучшие представители интеллигенции, пришли, чтобы работать вместе с большевиками. Они ступали по широким мраморным лестницам, шли по бесконечным коридорам, поэты и художники, шли, чтобы навсегда протянуть руку революции. Это были Александр Блок, Владимир Маяковский, Всеволод Мейерхольд, Кузьма Петров-Водкин, Натан Альтман, Лариса Рейснер, Рюрик Ивнев... Новаторы русского искусства, мятежники, бунтари пришли в штаб революции.

Не легка и не проста была дорога этих людей — мы говорим прежде всего о поэтах. Никогда и никому новое, неведомое в искусстве, поиск, эксперимент не давались и не могут даваться просто. Впервые в истории человечества люди, ставшие у руководства великой страной, признали поиск нового пути как норму жизни.

И те из людей искусства, кто лишь впервые пришел в Смольный, и те, кто были уже давно связаны с В. И. Лениным, с партией,— все они могли бы повторить слова В. Маяковского: «Моя революция. Пошел в Смольный. Работал».

И в первые месяцы революции, и в последующие, когда начались навязанные советскому народу интервенция и гражданская война, русские поэты, как и поэты украинские, грузинские, армянские, татарские и многих других народов, ощутили свое право на разговор от имени революции, от имени народов. «Но ответ столетий несомненен, и исход сраженья предрешен. Ночь запомнит только имя ***Ленин*** и забудет прочее, как сон»,— написал грузинский поэт Тициан Табидзе ночью 25 октября 1917 года!

С уважением, бережно берем мы в руки большевистские газеты октябрьских дней.

В газете «Правда» печатались стихи и профессиональных поэтов и начинающих литераторов. Если просмотреть октябрьские номера газеты, напечатанные на дешевой бумаге слепым шрифтом, то мы найдем там произведения и А. Алтаева (М. Ямщиковой), и В. Кириллова, и Я. Бердникова и многих других. Были и стихи Н. Николаева, который в номере «Рабочего пути» от 9 ноября (27 октября) 1917 года напечатал строки:

«И вот свершилось. Пала власть из цепких рук слуг капитала», и Леонтия Котомки, который посвятил В. И. Ленину свое стихотворение «Твои речи — призывный набат богатырской руки и порыва!» (23 ноября 1917 года), и В. Кириллова, писавшего в стихах «Грядущее»: «Эту песнь зари грядущей я дарю вам, люди-братья...» (13 ноября 1917 года). Почти все эти поэты были связаны с традициями поэтов восьмидесятых — девяностых годов прошлого века, с их благородной мечтой о грядущем, размышлениями о добре и зле. Лексика упомянутого стихотворения В. Кириллова, где говорится о том, что «много тьмы глухой, гнетущей в наших думах... О, проклятье дням суровой рабской доли...», на фоне первых декретов Советской власти, боевых призывов и пламенных споров выглядела архаичной. Иначе звучали стихи Ильи Садофьева «Перед рассветом» («Рабочий путь», 23 октября 1917 года): «Будем день ковать, будем ночь ковать, а уж выкуем — свое счастье!»

Но, конечно, самым большим и значительным поэтом рабочей большевистской прессы тех дней был Демьян Бедный (после Октября он писал и под псевдонимом «Мужик Вредный»).

Значение поэмы Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю» выходит за пределы политической публицистики. Это сильное, своеобразное произведение. В отличие от стихотворений большинства рабочих поэтов Демьян Бедный, используя богатства русской классической поэзии — от Хемницера до Некрасова, от народной былины и частушки, создал необычайно гибкий стих. Вероятно, [illegible] о возвеличении этой поэмы на Двенадцатом [illegible] Маяковского первых послереволюционных [illegible] номера в номер в газете «Рабочий путь».

8 ноября Правда [illegible] обращением «К гражданам России!» и лозунгом «Вся [illegible] Советам Рабочих, Солдат и Крестьян! Мира! Хлеба! Земли!». Тем же были навеяны отрывки из поэмы: «Нет царя и барской воли. Но остались еще корни. Кем держался старый трон богачей именитых рода». 14 ноября (31 октября) была опубликована заключительная часть поэмы: «Люд рабочий да солдаты, окружив дворцы палаты, объявили власть свою!»

Для Александра Блока революция — «мировой пожар», великое событие, начало всех начал, символ грядущего освобождение всех угнетенных, «святыня», озаренная «божьим гневом». автор «Двенадцати» был убежден, что для русской интеллигенции и для всей России есть только один путь — с революцией. Отвечая на вопрос «Может ли интеллигенция работать с большевиками?», Александр Блок ответил: «Может и обязана». «Мир и братство народов — вот лик, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать», — писал поэт. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Со своими взглядами, со своими представлениями пришел к революции Н. Клюев. Гневные сатирические его строки революционных дней заставляют вспомнить «Двенадцать»: «Хлыщи в котелках и мамаши в батистах, с битюжьей осанкой купеческий род, не вам моя лира — в напевах тернистых пусть славится гибель и друг-пулемет!»

И не случайно Анна Ахматова, Андрей Белый, Осип Мандельштам и другие признанные поэты остались на Родине и каждый по-своему попытались разобраться в происходящем.

Отношение Владимира Маяковского к революции было безоговорочно определенным. «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и других москвичей-футуристов) не было. Моя революция». Так написал он в автобиографии, названной «Я сам», в разделе «Октябрь». Таким же было отношение Велимира Хлебникова, Василия Каменского, Николая Асеева. Все они безоговорочно признали Советскую власть.

Маяковский не просто стал поэтом социалистической революции. Он ощутил себя ответственным за судьбы революционной поэзии. В знаменитом «Приказе по армии искусства» он писал:

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады! —
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.

Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?..

Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.

Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы
барабанщики и поэты!

«Если песнь не громит вокзала, то к чему переменный ток?» - это значит, к чему все изобретения, открытия поэзии, если они не служат революции, не помогают народу в его борьбе. И молодые художники и поэты вышли на улицы, украшая их огромными плакатами, лозунгами и картинами и создавая те знаменитые народные действа и празднества, которыми восхищаемся мы и сегодня, найдя их описания в старых журналах. А жизнь была отнюдь не праздничной. И вместе с тем в людях жило чувство романтики.

Мы запомнили строки Валерия Брюсова о тех далеких временах: «Ломая кольцо блокады, бросая обломки вдаль, все вперед, за грань, за пределы алым великим знаменем!» И тюрьмы, и пророк, и безоружны, глаза обратив на Волгу, в Берлине, в Париже, в Нью-Йорке видят твои огненные слова». Это были стихи, овеянные высокой романтикой вселенского масштаба, как и многие, очень многие стихи тех лет. В них открылась вера в Октябрь, в победу революции, в победу народа.

«Трактором разума сердце свое вспаши целину. Взмахи в ряды построим. В вожаки пролетарские стихи!» - писал пролетарский поэт Владимир Кириллов, и его призывы: К нам, кто сердцем молод. Он ждал: «И мы плывем по рекам нашего века, плывем давно...»

Другой пролетарский поэт Михаил Герасимов говорил: Хочу я с млечной пылью... Пусть... Пусть... Пусть... Перекликает прозорливость... других... других... живших в голодной и полной... с... которого стали их... и... написанные ими поэмы... Владимира Маяковского... «Летающий пролетарий» кажутся вполне... вать об образцовом Сергее Есенине. Эх, россияне! Левша! Вселенной...»

Но все-таки для всех советских поэтов главной и ведущей была тема родной страны. Р... Владимир Маяковский, и Сергей Есенин, и Николай К... Василий Каменский и Николай Н... Вельмир Х... и Николай Клюев.

В деталях они видели это будущее по-разному. Но то, что будущее это — социализм, было ясно для всех!

Сила идей В. И. Ленина, авторитет вождя революции, его огромное человеческое обаяние были так сильны, что все революционные поэты пришли к созданию образа этого великого человека. Уже давно вошли в поэтическую классику строки стихотворений Маяковского «Владимир Ильич!», «Мы по Ленину» и многих других, где великий поэт революции провозглашал: Я в Ленине мира веру славлю и веру знаю». В конце 1924 года он создал эпическую поэму, большое философское произведение,

которое стало краеугольным камнем нашей Ленинианы — «Владимир Ильич Ленин», произведение, ставшее декларацией нашего понимания образа вождя революции. Кто не знает знаменитых строк из этой поэмы:

Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин.

Если для Маяковского в образе Ленина как бы сочеталась философская основа нашей революции ее гуманизм, то в стихах Валерия Брюсова — Ленин — один из величайших героев человеческой истории, один из тех, кто ведет человечество к солнцу, к счастью, к свободе. Для Сергея Есенина В. И. Ленин — «капитан Земли»: «Он — рулевой и капитан. Страшны ль с ним шквальные откосы? Ведь, собравшися с разных стран, вся партия — его матросы». Лиризм [illegible] его проникновенность — все это звучит в стихах о Ленине с чувством глубочайшего уважения и признательности; таков образ Ленина Демьян Бедный, нередко подчеркивая бытовые черты его образа.

В поэме Николая Тихонова «Сам» в стихах Николая Асеева, Эдуарда Багрицкого, Веры Инбер и других предстает человечный образ человека, с которым связано представление о новой жизни, о новой эпохе.

Образ Ленина, ощущение себя его современником способствовали сближению поэтов с революцией, с партией. И это было характерно для поэтов самых разных школ и направлений.

Началась гражданская война. Молодая поэзия Советской страны своим словом помогала бороться с интервентами. И здесь следует назвать, прежде всего, два имени — Демьяна Бедного и Владимира Маяковского.

Вряд ли в истории мировой литературы найдется еще один поэт, имя которого, как имя Демьяна Бедного, не сходило бы с уст многомиллионного народа в течение нескольких лет — и каких лет! — грозных, мятущихся, тяжелейших годов гражданской войны. Его декламировали, его пели, его строки выкликали на митингах. Листовки с его стихами сбрасывались самолетами за линию фронта, и они служили пропуском для перехода в Красную Армию. Стихи Д. Бедного писали на стенах броневиков,

их исполняли на импровизированных эстрадах и в воинских частях.

В докладе «Как писать стихи?» В. Маяковский вспоминал: «Какую силу представляет собой поэзия, стихи, можно видеть хотя бы на примере работы поэта Демьяна Бедного. Был такой случай. Генерал Юденич наступал на Ленинград. Впервые тогда появились танки. Эти танки наводили ужас. Наши красноармейцы боялись их как черта. Но достаточно было Демьяну обозвать в своем стихотворении танк Танькой, как сразу пропал весь страх перед этим чудовищем. «Танька» — это понятно, это не страшно, а наши красноармейцы научились брать эти «Таньки» чуть ли не голыми руками. Демьян Бедный был подлинно народным поэтом, во многом идущим от народной шутки и сатиры.

Огромна была работа В. Маяковского и его знаменитые «Окна РОСТА», и его «Мистерия-буфф» и его «150 000 000», и его стихи...

В годы гражданской войны и в начале двадцатых годов влияние Маяковского было очень велико. Он привлек к поэзии, к искусству, к творчеству целое поколение молодой интеллигенции республики. Революция и Маяковский слились воедино в представлении людей, влюбленных в творчество. Пожалуй, не было ни одной национальной литературы, куда не пришел бы Маяковский. Украинский поэт Павло Тычина много раз вспоминал в своих статьях, какое влияние оказал на него Маяковский.

Влияние Маяковского испытал и армянский поэт — Егише Чаренц, неутомимый искатель, экспериментатор, новатор. Поэтов Грузии Симона Чиковани, Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе связывали с Маяковским дружба и поиск новых путей.

Конец двадцатых — начало тридцатых годов были эпохой великого творческого взлета. Годами энтузиастов, строителей, величайших оптимистов.

Время порой меняет наше отношение к тому или иному явлению; то, что было когда-то нормой жизни, впоследствии может вызвать удивление, то, что было суровой былью и его реальностью, кажется фантастикой. Но как бы далеко мы ни отходили от первых пятилеток, от людей, которые создавали Магнитку и Днепрогэс, не исчезает и никогда не исчезнет наше восхищение той эпохой, ее людьми — строителями, творцами, энтузиастами.

Все это было в полной мере отражено в советской поэзии, и поэт обоснованно назвал нашу страну страной мечтателей, страной героев!

Поэзия конца двадцатых — начала тридцатых была героической в самой своей основе, глубоко оптимистической, полной настоящей озаренности. Поэты всех поколений создавали произведения, которые отражали величайший духовный подъем наро-

ла, невиданный масштаб работы, необыкновенную веру в будущее. Будущее казалось им стоящим рядом. «Ты рядом, ладь социализма»,— писал Борис Пастернак.

Перечитывая сегодня стихотворения тех лет, созданные Николаем Асеевым, Николаем Тихоновым, Ильей Сельвинским, Эдуардом Багрицким, Владимиром Луговским, Александром Безыменским, Александром Жаровым, Алексеем Сурковым, мы ясно ощущаем звучащее в них светлое восприятие жизни, энергию, энтузиазм, черты, которые всегда определяли и будут определять звучание молодости.

А к этим именам можно было бы добавить и имена тех, кто вошел в советскую литературу несколько позднее: и Михаил Исаковский, и Михаил Светлов, и Леонид Мартынов, и Павел Васильев, и Иосиф Уткин. Для всех них чувство оптимизма, ощущение будущего и его реальности было глубоко органично. Им казалось, что они уже вступают в это будущее, что оно — это будущее — рядом, что одним рывком можно достигнуть всего, о чем тысячелетиями мечтало человечество. А далее идет плеяда поэтов, с которыми связаны годы «весны республики» — тридцатые годы: Александр Прокофьев, Ярослав Смеляков, Борис Корнилов. Их безграничная любовь к социалистической Родине, их убежденность в прекрасном будущем нашего общества были безграничны. [illegible] роль поэта как одного из мастеров строительства нового общества. «Механики, чекисты, рыбоводы, я ваш товарищ, мы одной породы...» — восклицал Эдуард Багрицкий.

Новые человеческие отношения и новые индустриальные пейзажи входили в стихи поэтов [illegible] тридцатых годов. Нет, они, конечно, не позабыли [illegible] зори, или весеннего утра в степи, или вечную красоту северной [illegible]. Все это было. Но все это стало аккумулятором [illegible] молодости, наполнявшей душу и судьбы людей, [illegible] борьбе и строительству. Шел спор о романтике — старой и новой.

В этом споре приняли участие многие поэты. Здесь и стихи спор Э. Багрицкого и Н. Дементьева, и стихи о герое Алексея Суркова («Он ходил в рядовых при большой революции, подпирая плечом боевую эпоху»), и Александра Прокофьева:

Я славил Красную Армию, калену сталь штыков.
Слава, слава, слава идет во веки веков.
Она опоясала небо, она достает до дна.
Слава, слава, слава [illegible] во веки веков одна.

Романтика то оказывалась в числе, казалось бы, отжившими понятий, то поднималась как знамя, как утверждение нового эпоса. Недаром М. Горький, говоря о том, что мы живем в стране и в атмосфере, для которых характерна именно «романтика, а не мрака», справедливо называл поэмы и имена значительных масте-

ров, в том числе «Думу про Опанаса» Э. Багрицкого, поэмы Н. Асеева «Семен Проскаков», И. Сельвинского «Улялаевщина», стихи Николая Тихонова, как утверждающие героическое начало нашей литературы в целом.

Легендарные командиры и комиссары гражданской войны входили в стихи и поэмы и продолжали свой бой, начатый два десятилетия назад. Впрочем, стихи тех лет нельзя измерять обычными временными единицами. Поэзия конца двадцатых — начала тридцатых годов продолжила ту устремленность в будущее, которая была начата поэтами первых послереволюционных лет, но при этом придала этой целеустремленности конкретные очертания. Конкретные, но не приземленные, определенные, но не ограниченные рамками быта или конкретных повседневных задач! Разумеется, иногда поэтов тех лет можно было упрекнуть в наивности, недооценке сил врага и трудностей, стоявших перед ними. Но все это искупалось их юношеским горением, их презрением к снобизму, равно узкому, приобретательству. Нет, стихотворения поэтов начала тридцатых не были ни аскетичны, ни отвлеченно фантастическими, наоборот, это были яркие жизнелюбивые стихи, многокрасочные, очень разнообразные по форме. Это были стихи-репортажи о великих стройках, стихи строящихся городов, совхозов, комбинатов, гидроэлектростанций.

Павел Васильев, Василий Саянов, Борис Ручьев, Виктор Гусев... Карта всей страны — от северных границ до Тихого океана — загоралась в стихах. И это была карта лирическая, где реки романтики и энтузиазма омывали безбрежный фронт работ.

Вспоминая свои путешествия по Закавказью и горам Средней Азии, Николай Тихонов писал: «Почти ежегодно я проникал в самые отдаленные районы гор, пробирался по тропам пешком, иногда верхом в высокогорные селения и аулы и с тетрадями накопил огромный материал, который и до сих пор не весь использовал. Я проходил ледяные и снежные перевалы, пересекал первобытные леса, всходил на вершины, спал за горных хатах, жил с горцами их простой и суровой жизнью».

В. Луговской, побывав в республиках Средней Азии, издал цикл стихов «Большевикам пустыни и вершин». И Сельвинский, участвовавший в знаменитом походе Чапаева, назвал свой «Челюскинианой».

И снова поэзия обращается к образу вождя революции. Джамбул Джабаев, и Якуб Колас, и Муса Джалиль, размышляя о современности, советовались с Лениным. С его именем связывались победы революции и гражданской войны, с ним связывались и победы будущего. «Все было в нем: поля, и семьи, и наш исход из вечной тьмы,— так дуб не держится за землю, как за него держались мы», — писал Александр Прокофьев. Поэты Максим Рыльский, Борис Пастернак, Семен Кирсанов, Инге и

Ленине высочайший критерий человечности, принципиальности философского видения будущего.

Все новые и новые поэтические имена приковывали внимание читателей — Дмитрия Кедрина, Степана Щипачева, Петра Комарова и других...

На Украине к именам Павло Тычины, Владимира Сосюры, Миколы Бажана, Максима Рыльского прибавились имена Леонида Первомайского, Андрея Малышко и ряда других; в Белоруссии к именам Янки Купалы и Якуба Колоса — имена Аркадия Кулешова, Петруся Бровки, Петруся Глебки... Голоса азербайджанцев Сулеймана Рустама и Самеда Вургуна, армян Наири Зарьяна и Ашота Граши, грузин Галактиона Табидзе и Карло Каладзе сливались в один хор. Звучали стихи таджикские — Абулькасима Лахути и Цайрава Сулеймани, узбекские — Гафура Гуляма и Хамида Алимджана — многонациональная советская поэзия вступала в новый этап своего бытия.

Уже на Первом съезде советских писателей (1934) шел разговор о связи с жизнью страны, о грандиозных планах созидания и об опасности фашизма, о предстоящей войне.

«...Участие в бою, участие в каждодневной схватке, стычке, в каждодневной, повседневной работе диктовалось... страной, — сказал Н. Асеев. — Если ты поэт, если ты участник своей эпохи, то в этом волнении, которое сотрясает весь огромный океан страны, ты обязан принять участие, не отсиживаясь под перевернутой лодкой своего одиночества».

Воспитание нового человека было было неизменной и постоянной задачей советской поэзии. Это характерно и для поэзии второй половины тридцатых годов, для стихотворений и поэм, появившихся уже после Первого съезда советских писателей.

В этот период, когда в результате коллективизации и индустриализации резко изменился социальный состав населения страны, функция литературы как педагога и воспитателя особенно возросла. Вчерашние крестьяне впервые вошли в цеха, в городские дома, в новый еще не до конца освоенный быт; им надо было преодолеть многое и определить свое отношение к новому коллективу, к понятиям «мое» и «чужое». И перед работниками идеологического фронта, и в том числе перед прозаиками и поэтами, встала задача помочь этим людям сохранить лучшее, что дала им история — богатство языка, художественную яркость песен и легенд, высокую мораль народа, и одновременно помочь избавиться от предрассудков, собственнических инстинктов. Потребовались совершенно новые художественные произведения, очень отчетливо и ясно связанные с доступной всем этим людям устно-поэтической стихией, но разрабатывающие новые темы и новые проблемы.

Советская поэзия ставила перед собой совершенно определенную, конкретную, партийную задачу. И решать ее в первую оче-

редь пришлось поэтам, связанным с народным творчеством, с песней, утверждающим высокую простоту как основное качество в поэзии.

Это был период мощнейшего расцвета жанра советской песни. Разумеется, песни всегда сопровождали наш народ на всем его пути — по песням можно написать историю нашей революции. Но такого взлета песни, какой возник в начале тридцатых годов, а потом так явственно и ощутимо прозвучал в военные годы, наша история не знала. Из первых звуковых фильмов, с эстрады, со сцен театров уходили к слушателям слитые накрепко мелодия и текст. В фильме «Встречный» зазвучала «Песня о встречном», написанная Д. Шостаковичем и поэтом Б. Корниловым: «Не спи, вставай, кудрявая! В цехах звеня, страна встает со славою на встречу дня!»

И вслед за ней в устное бытование вошли десятки песен, созданные в содружестве композиторов и поэтов.

Кто — во всем мире! — не знает «Катюшу» Михаила Исаковского; кто в те предвоенные годы не знал его песенных строк «И кто его знает...» и многих других. Имя Михаила Исаковского встает в ряд с именами самых больших мастеров стиха.

Кто и сегодня не произносит с гордостью стихотворные строки В. Лебедева-Кумача: «Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» — и многих-многих его песен.

Кто не припомнит десятки песенных строк А. Прокофьева, В. Гусева, А. Суркова, М. Голодного, М. Светлова?

Конечно, страна пела и старые песни: «Как родная мать меня провожала...», созданную Д. Бедным, «Марш Буденного» Н. Асеева, песню «Мы кузнецы» Ф. Шкулева или песню «Мы молодая гвардия» М. Третьякова и др. Созданные в двадцатые годы, они воспринимались как память о суровом и мужественном подвиге. Но новое время вызвало к жизни новые песни.

Песни тридцатых годов были самые разные: здесь были песни героические, и песни, полные самых нежных чувств, и песни иронические. Но все это были песни борьбы, активного восприятия жизни, веры в нее. Песня наложила отпечаток на всю советскую поэзию предвоенных лет.

Безусловно, с песней была связана не только несколько ранее написанная поэма Александра Жарова «Гармонь», но многие стихи А. Прокофьева, М. Исаковского, А. Твардовского и др. Уходила своими корнями в песни, и в первую очередь в песни народные, поэма Александра Твардовского «Страна Муравия» — легендарная в своей основе и современная по сюжету и проблематике. Ее строки, связанные с русской поэтической сказкой, с миром некрасовских и кольцовских песен, с массовой поэзией гражданской войны, были понятны и просты. Поэму отличает ясность сюжета, просветленность образов героев.

Успех поэзии А. Твардовского, некоторых других поэтов предвоенных лет - М. Исаковского, Н. Рыленкова был связан с поисками доступности, массовости, простоты.

Работая над поэмой «Страна Муравия», Твардовский заново прошел школу Некрасова, Бунина, Бедного. Еще более сложным путем двигался М. Исаковский — его ранние сборники несли в себе уроки Маяковского, русской сатирической поэзии и фольклора.

Очень характерны два произведения из множества - поэтический рассказ Александра Твардовского «Ленин и печник», где рассказывается о встрече Владимира Ильича с мастером-печником, и созданная Михаилом Исаковским «Дума о Ленине» — поэтическое размышление о судьбах страны. «Он стал и надеждой и правдой России, и славой ее и счастливой судьбой. Он вырастил, поднял могучие силы и сам их повел на решительный бой». Народное творчество (в основном конца XIX века) не просто обогащало поэтов, оно стало их опорой и образцом. Народные сказки и сказания, народные предания легли в основу поэм и стихов таких мастеров старшего поколения, как Янка Купала и Якуб Колас, в известной мере Павло Тычина и Максим Рыльский, а также молодых поэтов - тогда вступающих в литературу.

Развитие советской литературы отражало сложные процессы жизни нашего общества - борьбу за ..., за индустриализацию страны, за коллективизацию сельского ... Вдохновленные перспективами строительства, поэты искали новые методы изображения социалистической действительности. В творчестве некоторых из них можно было ощутить и черты художественной практики таких поэтов, как Д. Бедный, С. Есенин, Н. Тихонов, Н. Асеев, А. Безыменский и др. Но все эти имена не исключали гораздо более мощного, действенного влияния - влияния Маяковского.

В одной из своих статей М. Бажан писал: «Молодая украинская советская поэзия крепла под его влиянием. Я помню эти годы. Из украинского села, с хутора, из степи только что покинутой школы приходили юноши и девушки. Они приносили с собой тетради, куда были старательно вписаны заветные слова, которые так хотелось поскорее передать своей стране, своему народу, своим братьям и сестрам. Вчитываясь в их слова, написанные то волнующейся коломыйковой строфой, то стремительной «лесенкой», мы узнавали те два имени, которые были наиболее дороги молодому начинающему поэтическому сердцу. Шевченко и Маяковский! — какими несовместимыми казались тогда близорукому рифмоведу и крохобору эти два имени!»

Несомненное значение в развитии украинской советской поэзии сыграло стихотворение М. Бажана «Смерть Гамлета», нанесшее удар по всем тем, кому «легче зубами вцепиться в собственный локоть», чем идти одним путем с народом, всем тем,

кто, засев в «башне из кости слоновой», притворяется, что он сохраняет свою творческую независимость.

Утверждая ленинскую правду как единственную правду подлинного гуманизма, М. Бажан подписывал в этом стихотворении приговор всем «принцам Терпимости», пытающимся уйти от основных тем современности, найти какую-то лазейку между новым и старым. Поэт призывал

На место свое
не вслепую брести,
А твердо к нему идти:
Учиться у класса любви и ненависти,
Учиться у класса — расти!

Перевод П. Антокольского

Особое место в многонациональной поэзии страны сыграла книга Павла Тычины «Чувство семьи единой», где поэт воспевал великую семью советских народов. По-разному звучат слова на языках народов нашей Родины, но «хоть слово и звучит иначе, да суть-то наша остается!» В этой книге П. Тычина запечатлел образы М. Горького, Ф. Дзержинского, украинского философа Г. Сковороды, М. Коцюбинского, грузинского поэта Д. Гурамишвили, сына молдавского народа полководца Г. Котовского и др.:

Ты, страна моя, под крыльями знамен,—
каждый труд благословен в краю великом!
Выступаем мы в строю многоязыком
русский, украинец — дружба наш закон,
утвержден семьей народов он,—
потому-то и страна сияет светлым ликом.

Перевод Н. Ушакова

В конце тридцатых годов появилась плеяда молодых поэтов. Запомнились мужественные боевые строки Константина Симонова, стали известны первые стихотворения Сергея Наровчатова, Михаила Луконина и ряда других. Прозвучало имя Максима Танка — белорусского поэта, имя молдавского поэта Емельяна Букова. В этот период много и активно работали Г. Леонидзе, И. Гришашвили, Муса Джалиль, Самед Вургун.

Многонациональная поэзия Советской страны утверждала современность и, обращаясь к истории, во главу угла ставила борьбу за свободу и независимость.

Огромный труд проделали славные советские поэты, выступая как переводчики; среди них были Н. Тихонов, Ь. Пастернак, П. Антокольский, С. Маршак, Н. Заболоцкий, А. Гарковский, А. Ахматова, В. Звягинцева и многие другие.

Вопросы боевой готовности, бдительности встали перед совет-

ской литературой. А. Сурков заявлял: «Давайте не будем забывать, что не за горами, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек. Будем держать лирический порох сухим!»

Шла мобилизация внутренних духовных ресурсов нашей страны.

Тень войны приблизилась к нашим границам.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа. Начались бои. Шла мобилизация. Но советская поэзия к этому времени была в боевом строю. Вся — от первых строк Демьяна Бедного и Владимира Маяковского до строк солдатской песни Алексея Суркова: «Песня — крылатая птица — смелых скликает в поход. Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

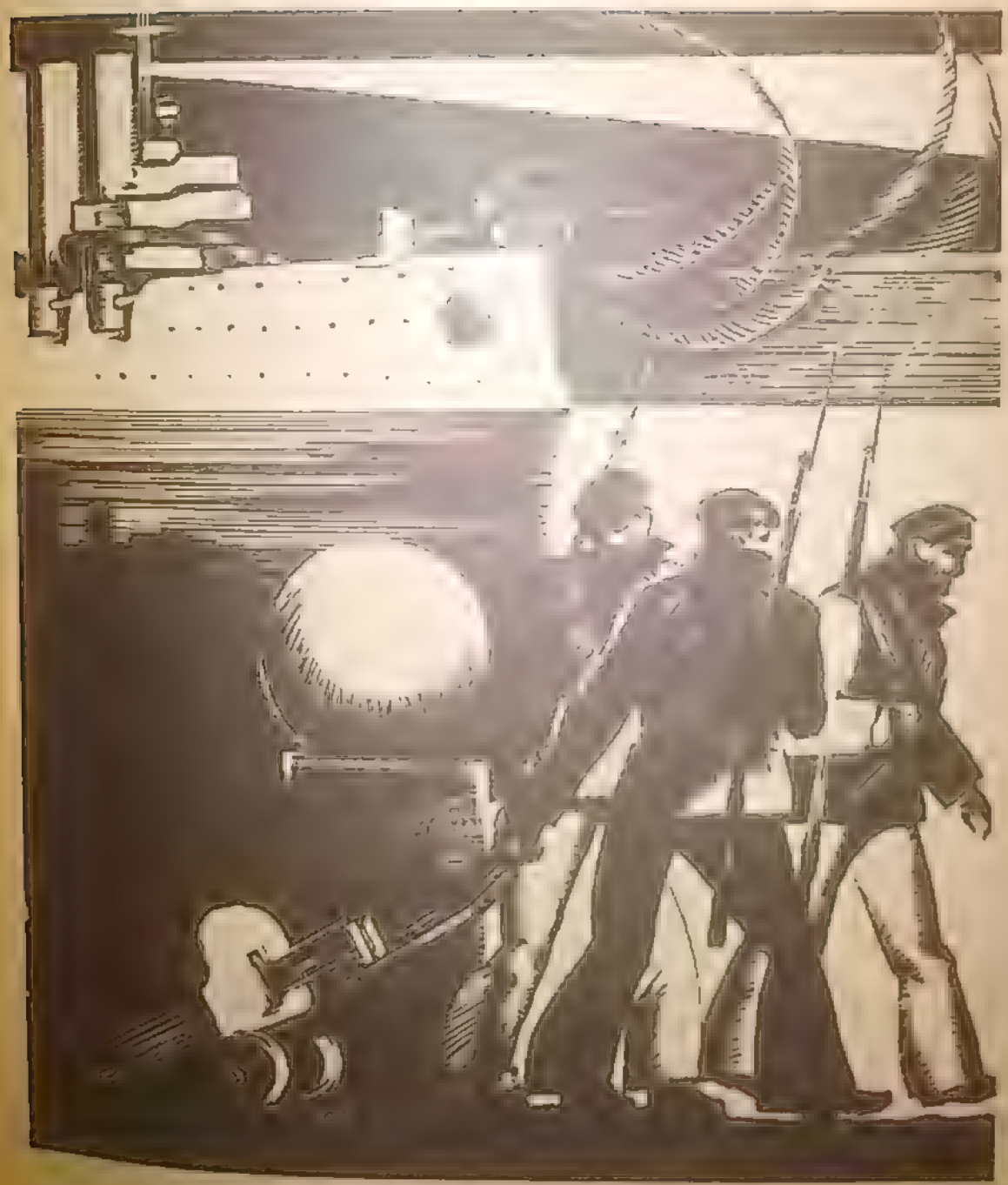
Советская поэзия, согласно великому завету: «И песня и стих это бомба и знамя» — шла в сражения.

Дм. Молдавский

I

Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это
единственная
великая война
[illegible]

В. Маяковский

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человечий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава».
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе

ШТУРМ ЗИМНИЙ [illegible]

Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу в[illegible]
Тебе обыва[illegible]тельское
о, будь ты [illegible]клята трижды!
и мое,
поэтово:
о, четырежды славься, благословенная! —

1918

ЛЕВЫЙ МАРШ

(МАТРОСАМ)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР. Худ. М. М. Левитов.

Клячу историю загоним
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами го́ря
солнечный край непочатый.

За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат на́нятой,
стальной изливаются ле́евой, –
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед, братва!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!
1918

Александр БЛОК

ДВЕНАДЦАТЬ

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!
Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.

На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!
Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.
А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...
А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало,
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!
Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию».

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико
Но мне ласкает слух оно

Владимир СОЛОВЬЕВ

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века наш старый горн ковал
И заглушал грома́ лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады..

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет,— нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где лязгнет интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

Валерий БРЮСОВ

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть,—
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет.

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в гоще вседневной
Шум ее, и гул, и гам
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ
ИНВЕКТИВА

Еще недавно всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица;
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий

Вам были любы — трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись «бренность»
И в новых ликах живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле..
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий
Упиться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль — март 1919

* * *

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих

Но смутно слышались мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год Пятый прошумел далекий,
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли

Март 1920

Андрей БЕЛЫЙ

ХРИСТОС ВОСКРЕС

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

16

Жел[illegible] иноземная
Линия...
Красные, зеленые, синие
Огоньки,
И взлетающие
Стрелки

Все, все, все
Сулит
Невозможное ..

Первый
Гомосапиенс
Вдали паровики

Убегающие
По линии:
«Да здравствует Третий
Интернационал!»

Мелкий
Дождичек стрекочет
И твердит
«Третий
Интернационал».

Выкидывает телеграфная лента:
«Интернационал»...

Железнодорожная
Линия,
Убегающая в сети
Гуманов –
Голосит свистками
распропагандированного
Паровика
Про невозможное.

И раскидывает свои блески —
За ветвями зеленеющего тополя..
Раздаются сухие трески
Репольперных переливов.

17

А из пушечного гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастого, расслабленного
Интеллигента
Вида.
Мохнатая голова,
Произносящая
Исследующие
Слова

О значении
Константинополя
И проливов,
В дующие
Пространства
И в сухие трески
Револьверных взрывов

На мгновение
Водворяется странная
Тишина,—
В которую произносятся слова
Расслабленного
Интеллигента

23

Россия,
Страна моя —
Ты — та самая,
Облеченная солнцем Жена,
К которой
Возносятся
Взоры...

Вижу явственно я:

Россия,
Моя,—
Богоносица,
Побеждающая Змия...

Народы,
Населяющие Тебя,
Из дыма
Простерли
Длани

В Твои пространства,—
Преисполненные пения
И огня
Слетающего Серафима

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

Апрель 1918
Москва

Демьян БЕДНЫЙ

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся,
Без тебя большевики
Обойдутся

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине
Лучше б ты женился, свет,
На Арине

Молодой бы жил женой,
Не лёпился!»
Тут я матери родной
Поклонился

О КРАСНОЙ АРМИИ Худ. П. В. Оприкин

РОЖДЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ
Худ. В. К. Дмитриевский, И. В. Евстигнеев, Г. Н. Прокопицкий

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Чтоб осталось от Москвы,
От Расеи?

Всё пошло б на старый лад,
На недолю
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю

Сел бы барин на земле
Злым Малютой
Мы б завыли в кабале
Самой лютой

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком
Вся беседа
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

1918
Свияжск

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

ПОЭМА

1917—7/XI—1922 г

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы,—
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры

— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут?
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они! Видите?.. Вот они, тут!
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилося вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче державная,
Властной угрозой сковала ее:
Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани и снедь, и питье,—
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи

Мрамор и бронзовых статуй литье,—
Это — мое!!

Воем ответила Улица Главная
Стал богатырь. Загражден ему путь
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ощетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканьем конским и дробью копыт
Прыснули злобные, пьяные шайки
Из полицейских жандармских засад.

— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!!
— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
— Татарщина!..
— Азия!
— Хамы!..
— Мерзавцы!..
— Скоты!..
— Подлецы!..

— Вышла на Главную рожа суконная!
— Всыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
— Да, ядовитые!
— Черни отступала, заметьте, грозя.
— Правда ль, что есть средь рабочих убитые?
Жертвы... без жертв, моя прелесть, нельзя!
— Впрок ли пойдут им уроки печальные?
— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные,
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерных огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,

Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...
Снова.
Бьет роковая волна...
Гнется гнилая основа...
Падает грузно стена.
— На!..
— На!..
— Раз-два,
Сильно!..
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
Грянул семнадцатый год!

— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: «Стой!»?
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
— Кто там виляет умильно?
К черту господских пролаз!
— Раз-два,
Сильно!
— Е-ще
Раз!
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз два,
Дружно!
— Раз-два,
В ход!!
Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!

Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

ЭПИЛОГ

Петли, узлы — колен исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц»
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катилися вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту ту-тум!
Трум-ту ту тум!

Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся.
Поступью гулкою грозно идут.
Грозно идут.
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!

Джамбул ДЖАБАЕВ

ГИМН ОКТЯБРЮ

В руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен — домбру,
В сторону гляну — и песни мои
Льются, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим,
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн,
Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, который дает
Славу поэту, а песне полет.
Этот источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем...
Помню я горькие дни в пустырях.
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И как иссохшее русло реки
Песня была. Помутнели лады...
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно, и мне суждено
Где-то украсить голодную степь
Белым своим ожерельем костей.
Громами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган...
Радостен в радостной песне Джамбул
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд.
В песне народные думы живут.
Если источник на свет не прошик,
Разве струится гремучий родник?

ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ЗИМНЕГО. Худ. И. М.

Если прилив не зальет берега
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в стени не прорыть
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земли
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем!

6 ноября 1937

Анатолий ЛУНАЧАРСКИЙ

МАРСОВО ПОЛЕ

Надписи на памятнике
борцам революции

Не жертвы – герои
Лежат под этой могилой
Не горе, а зависть
Рождает судьба ваша
В сердцах
Всех благодарных
Потомков
В красные страшные дни
Славно вы жили
И умирали прекрасно

К сонму великих
Ушедших из жизни
Во имя жизни расцвета

ЗА ДЕЛО РЕВОЛЮЦИИ. Худ. Н. И. Дмитриев

Героев восстания
Разных времен
К толпам якобинцев
Борцов 18
К толпам коммунаров
Ныне примкнули сыны
Петербурга

По воле тиранов
Друг друга терзали
Народы
Ты встал трудовой
Петербург
И первый начал войну
Всех угнетенных
Против всех угнетателей
Чтоб тем убить
Самое семя войны

Против богатства
Власти и знанья
Для горсти
Вы войну повели
И с честью пали
За то чтоб богатство
Власть и познанье
Стали бы
Жребием общим

Со дна угнетенья
Нужды и невежества
Поднялся
Ты пролетарий
Себе добывая
Свободу и счастье
Все человечество
Ты осчастливишь
И вырвешь
Из рабства

1917—1918

Вписали в анналы
России
Великую славу
Скорбные светлые годы

Посев наш
Жатвой созреет
Для всех населяющих
Землю

Бессмертен
Павший за великое
Дело
В народе жив
Вечно
Кто для народа
Жизнь положил
Трудился боролся
И умер
За общее благо

Не зная имен
Всех героев борьбы
За свободу
Кто кровь свою отдал
Род человеческий
Чтит безымянных
Всем им в память
И честь
Этот камень
На долгие годы
Поставлен

1919

Василий КАМЕНСКИЙ

ЧУДО-РЕСПУБЛИКА – РОССИЯ

Настало заветное:
На улицах публика
Флаги как маки горят
И я рвусь
Да строится новая Русь,
Человеческая Чудо-Республика

Я, весенний, кую
И весенне пою:

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Худ. И. Л. Б[illegible]

Звени, весенняя Россия,
Цвети, венчальная страна
Цвети, встречальная свобода,
Звени, звучальная струна

Как ярко-радостные дети,
Мы все ликуем и зовем
И торжествуем марсельезно,
И революцию куем

Мы стали вдруг навек друзьями,
И каждый волен и здоров
И каждый творчески настроен
Семья одна — единый кров

Какое счастье быть Поэтом
И сердцем чуять солнцевсход,
И слышать, как цветет рассветом
Освобожденный наш Народ

Какое счастье быть Поэтом
И гражданином в эти дни,
Когда на улицах приветом
Горят рубинами огни

Живи, Народ! И весни пой,
И грудь открой шестнадцатой
Красноименную Судьбу
Покрой на счастье славой

Ведь настало лицетное
На улицах публика,
Флаги как маки горят,
И я рукоплещу,
Да строится новая Русь
Человеческая Чудо-Республика.

1917

ВСТРЕЧАЙТЕ УТРО РЕВОЛЮЦИИ

Встречайте приветно друг друга улыбками,
Сердцем венчайте цветы,
Расцветно мечтайте над детскими шапками,
Где на розовых лентах сияют кресты.
Будьте поэтами дней неустальными
И утренними в крови,
Бросайте от сердца словами хрустальными
В сердце любви.
Летайте привольными звонкими птицами,
Вейте гнезда на розах зарени,
Весенними, ясными, юными лицами
Улыбайтесь в сирени.
Пойте, как солнце, стихами лучистыми,
Колокольте днями веселий,
Звените, играйте, ребятами чистыми,
Живите для новоселий.
Какое раздолье сердца нечаянно
Чудесные встретить напоры,
Революцию славьте раскатно, отчаянно —
Пускай удивляются горы.

Между 1917 и 1919

Велимир ХЛЕБНИКОВ

ВОЛЯ ВСЕМ

Вихрем бессмертным, вихрем единым
Все за свободой — туда
Вслед с крылом лебединым
Знамя проносят труда
Жгучи свободы глаза,
Пламя в сражении — холод,
Пусть на земле образа!
Новых напишет их голод
Двинемся вместе к огненным песням,
Все за свободу — вперед!
Если погибнем — воскреснем!
Каждый потом оживет
Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам,
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам...

1921

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые струги
Кто со мною в полет?
А со мной — мои други!

Февраль 1921

Анна АХМАТОВА

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара,
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Николай АСЕЕВ

КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот
и красный — на площади Красной —
народ.

У нас пирогами
изба красна,
у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь..
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд —
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнею спесью
наш разум строг,
но новые песни
все — с красных строк

Гляди ж, дозирая,
веков Калита
вся площадь до края
огнем налита!

ПЕРВЫЙ ЛОЗУНГ Худ. И. Б. Т[illegible]

Краснейте же, зори
закат и восход
краснейте же, души
у Красных ворот
красуйся над миром,
мой красный народ!

1921

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара — не подступи
конная Буденного
раскинулась в степи

Не сшили у мамочек
в помещичьем дому,
выросли мы в пламени
и пороховом дыму

И не древней славой,
наш выводок богат —
сами литься лавой
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку,—
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем,—
так растопчем всякую
гадину конем.

Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного,
армия — вперед!

1923

СИНИЕ ГУСАРЫ

I

Раненым медведем
мороз дерет.
Сани по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер —
полосатит снег.

Чьи это там
голоса и смех?
«Руку
на сердце свое
положа,
я тебе скажу:
ты не тронь палаша!
Силе такой
становясь поперек,
ты б хоть других —
не себя —
поберег!»

2

Белыми копытами
лед колотя,
тени по Литейному —
дальше летят.
«Я тебе отвечу,
друг дорогой,—
гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком,
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу —
сердце мое
влюблено!»

3

Розовые губы,
витой чубук.
Синие гусары —
пытай судьбу!
Вот они,
не сгинув,
не умирав,
снова собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока,
пуншевые стаканы
полный бокал!

Нальем и осушим
и станем трезвей:
«За Южное братство,
за юных друзей!»

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан
впервые читаются
строфы «Цыган»...
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа.
Гони коней!
Утро вечера —
мудрёней.

5

Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?!
Голову
на руки белые
свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!

Декабрь 1925

ОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Революцию сравнивают —
кто с любимой,
кто с вихрем,
кто с тканью,
цветущей пестро.
Кто с валом девятым,
кто с бурей,
кто с дымом.

плывущим
над взметывающимся костром.
Костер отгорит,
и любимая бросит,
умолкнут валы,
и выцветет ткань,
и будет волос
одинокая проседь,
как пепел, горька
и, как дымы, едка
Октябрьская ж песня,
без фальши, без лени,
таких
не выдерживает сравнений.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать.
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им.
Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Ревели враги:
куда уцелеть им,
вшивым,
безграмотным,
пьяным
да нищим,—
а мы обернулись
десятилетьем,
нам — торжеством,
а им — кладбищем.
В притупленной злобе,
в звериной обиде
их тени бледнеют,
оружие ржавится,
но даже они
понимают и видят:
она продолжается.
Сердцам миллионов
с громадою биться:
кто лень отбивает,
кто с грязью сражается;

ЖИВОЕ СЛОВО ИЛЬИЧА Худ. К. М. Ломы...

делам Октября
ни на миг не забыться
они продолжаются
На плечи навьючив
тяжелые вьюки
госпланов,
госзаймов,
заданий
и дел
идем,
как в семнадцатом
или во вьюги
века подпирая
тяжестью тел
Идем
и не верим,
что где-то воздастся
за путь нам награда —
тревоги тогда
и новое в мире
растим государство.

не виданное
нигде никогда
И дальние взоры
и давние страны
Усилие наше
влечет и точит
их нашими
ломит тяжелыми ранами
и радует
нашими радостями
И мы,
замощая ухабы и ямы,
подмог не торопим,
не требуем жалости
в одно призываем
мы верить упрямо
она продолжается
Ко дну оседает
тревоги осадок
Расти,
наша сила,
на день со дня,
чтоб нынешний
первый
сочтенный десяток
окреп и возрос
и считался на сотни.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им
Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Идти заодно
с годами всегда,
где руки не слабнут,
глаза не смежаются
И знать,
и помнить,
и верить в одно
она — продолжается!

1977

СМОЛЬНЫЙ — ШТАБ ОКТЯБРЯ. Худ. П. Ф. Никонов

Рюрик ИВНЕВ

СМОЛЬНЫЙ

Довольно! Довольно! Довольно
Истошно кликушами выть!
Весь твой я, клокочущий Смольный
С другими — постыдно мне быть!

Пусть ветер холодный и резкий
Ревет и не хочет стихать,
Меня научил Достоевский
Россию мою понимать.

Не я ли стихами молился
Чтоб умер жестокий палач
И вот этот круг завершился
Россия, Россия, не плачь!

ВИХРЬ ОКТЯБРЯ. Худ. А. М. Лопухов

Не я ль призывал эти бури,
Не я ль ненавидел застой?
Дождемся и блеска лазури
Над скованной льдами Невой

Чтоб счастье стране улыбнулось,
Она заслужила его
И чтобы в одно обернулось
Твое и мое торжество

Довольно! Довольно! Довольно!
Кликушам нет места в бою
Весь твой я, клокочущий Смольный,
Всю жизнь я тебе отдаю!

Октябрь 1917
Петроград

ПЕТРОГРАД

Я помню день Октябрьского восстанья
Кипели площади. Дворец был пуст
С его дрожащих, побелевших уст
Последние срывались содроганья

Дома пылали. Пропоясались люди
Чудовищно гремя, бронею.
Встречали залпы спрятанные орудья
И кое-где щетинились штыки

Я помню дым, и небо, и тревогу,
И мост Дворцовый, и веселый шум
Восставших войск, взошедших на дорогу
Гражданских войн, великих дней и дум

1918
Москва

Павло ТЫЧИНА

НА ПЛОЩАДИ

Как на площади у церкви
революция идет.
— Пусть чабан,— все закричали,—
нас на пана поведет!

— Ну, прощайте, ждите воли,—
гей по конях!..— И кругом
закипело, зашумело —
только флаги за селом...

Как на площади у церкви
голос грустных матерей
Так сияй же, ясный месяц,
над путями сыновей.

Как на площади все тихо,
сна не превозмочь
Вечер
Ночь.

1918

Галактион ТАБИДЗЕ

АРГОНАВТЫ НОВОЙ ЭПОХИ

Над изумрудными теми долинами
Льды голубые встали на страже
Любо оттуда оку орлиному
Вмиг охватить низины и кряжи

Фазис ревет под нагорьями старыми
С грустью и бешенством попеременно
Словно он, порабощенный горами
Рвется к иной судьбе, современной

Некогда в залежах руд всех цветных
Было руно золотое истлевшее
Ныне на светлый путь вступаем мы
Как аргонавты новой вселенной

1918

Сергей ЕСЕНИН

КАНТАТА

Спите, любимые братья
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ

1918

Эдуард БАГРИЦКИЙ

ОСВОБОЖДЕНИЕ
(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулеметы
На затуманенных углах.

Октябрь!
Взнесен удар упорный
И ждет падения рука.
Готово всё:
И сумрак черный,
И телефоны, и полки.

Всё ждет его:
Деревьев тени,
Дрожанье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!
Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкою декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

1921—1923

РАЗГОВОР С КОМСОМОЛЬЦЕМ Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Где нам столковаться!
Вы — другой народ!
Мне — в апреле двадцать,
Вам — тридцатый год.
Вы — уже не юноша,
Вам ли о войне

АТАКА КОННИЦЫ. Худ. Н. С. Самокиш

— Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне
На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон;
Вот и закачались мы
В прозелень травы,—
Я — военспецом,
Военкомом — вы...
Справа — курган,
Да слева курган;
Справа — нога,
Да слева нога;
Справа наган,
Да слева шашка,
Цейсс посередке,
Сверху — фуражка...
А в походной сумке —
Спички и табак.
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

Степям и дорогам
Не кончен счет;
Камням и порогам
Не найден счет;
Кружит паучок
По загару щек;
Сабля да книга,—
Чего еще?

(Только ворон выслан
Сторожить в полях...
За полями Висла,
Ветер да поляк;
За полями ментик
Вылетает в лог!)

Воешком Дементьев,
Саблю наголо!

Проклюют навылет,
Поддадут коленом,
Голову намылят
Лошадиной пеной...
Степь заместо простыни
Натянули — раз!

Добротными саблями
Побреют нас...

Покачнусь, порубан,
Растянусь в траве,
Привалюся чубом
К русой голове...
Не дождались гроба мы,
Кончили поход...
На казенной обуви
Ромашка цветет...
Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет nevermore* он
По Эдгару По...
«Повернитесь, встаньте-ка...
Затрубите в рог...»
(Старая романтика,
Черное перо!)
— Багрицкий, довольно!
Что за бред!..
Романтика уволена —
За выслугой лет;
Сабля — не гребенка,
Война — не спорт;
Довольно фантазировать,
Закончим спор.
Вы уже не юноша,
Вам ли о войне!

---

* Никогда (англ.) — никогда — крик ворона в знаменитом стихотворении [illegible] романтика Эдгара По «Ворон»

СМЕРТЬ КОМИССАРА. Худ. К. С. Петров-Водкин

Коля, не волнуйтесь,
Дайте мне...

Лежим, истлевающие
От глотки до ног...
Не выцвела трава еще
В солдатское сукно;
Еще бежит из тела
Болотная ржавь,
А сумка истлела,
Распалась, рассеялась,
И книги лежат...

На пустошах, где солнце
Зарыто в пух ворон,
Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон.
Мечется во мраке
По степным горбам:
«Ехали казаки,
Чубы по губам...»

А над нами ветры
Ночью говорят:
— Коля, братец, где ты?
Истлеваю, брат!
Да в дорожной яме,
В дряни, в лоскутах,
Буквы муравьями
Тлеют на листах

(Над вороньим кругом
Звездный лед,
По степным яругам
Ночь идет...)

Нехристь или выкрест
Над сухой травой,—
Размахнулись вихри
Пыльной булавой.
Вырваны ветрами
Из бочаг пустых,
Хлопают крылами
Книжные листы;
На враждебный Запад
Рвутся по стерням:
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак...

(Кочуют вороны,
Кружат кусты.
Вслед эскадрону
Летят листы.)

Чалый иль соловый
Конь храпит.
Вьется слово
Кругом копыт,
Под ветром снова
В дыму щека;
Вьется слово
Кругом шпаги
Пусть покроет [illegible]
Наши кости
То, о чем мы думали
Вместе ночью
С нашими замашками
И тут пред полком
С новым воеспецом
Новый воеником

Что ж! Дорогу нашу
Враз не разрубить:
Вместе есть нам кашу,
Вместе спать и пить..

Пусть другие дразнятся!
Наши дни легки...
Десять лет разницы —
Это пустяки!

1927

Николай ТИХОНОВ

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря — в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат,—
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно,— сказал он,— где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей
Крепче б не было в мире гвоздей.

1919—1922

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеб — фунт на троих

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад
Четвертый год мы ночей не спим
Нас голод глодал, и огонь, и дым
Но приказу верен солдат

«Красным полкам
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш.
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног
Дети большой беды;
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОХОД ГАМАНОВСКОЙ АРМИИ [illegible]
Худ. А. И. Кокорин

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!»
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву.
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз за четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

1922

Николай УШАКОВ

НОЧЬ НА 25-е

Дождь дымился в эту ночь
пересевом пыли.
Толкачи скользили прочь,
путались
и выли.

А депо кипело
Там —
в паровозном зале
растревоженным цехам
ружья раздавали.

Шли цеха за счастье в бой,
разливаясь наспех,
как прорвавшийся прибой,
захлестнувший насыпь.

И над миром грянул гром!.
К утру подморозило,
небо глянуло серо
как стальное озеро

Утром шли на тихий Дон
папахи лохматые
Выпал снег
и таял он

Было 25-е

1925

Алексей СУРКОВ

КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в грозе и тревоге
Боевой восемнадцатый год
Были сборы недолги
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ. Худ. К. И. Шилинг

На Лугу и в Замостье
Блеют белые кисти,
Над костями шумят ветерки
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем

1935

ОКТЯБРЬ

Вот — конец предыстории,
Завязка начал:
Тьма и сырость на взморье,
Гранитный причал,
Флотских лент полосатые радуги
Пар шипел,
Трап скрипел,
Ветер шлюпки качал,
Непокорный,
Холодный,
С Ладоги.

Жгли махорку.
Затворы трогали.
Примыкали штыки.
Говорили:
— На улице Гоголя —
Броневики.
Говорили:
— В Зимнем засели
Юнкера.
— Ладно... Справим там новоселье
До утра.

Шли к мостам
Без шутки, без песни.
Раз-два... раз...
Раз-два... раз...

Старый Лесснер,
Новый Лесснер,
Парнокопец,
Линач,
Шли с Путиловского завода,
С «Вестингауза»,
От «Скорохода»,
Шли из колпинской глуши,
Шли от Тритона,
Шли от Паля,
Шли в рядах боевых
На Обухова,
С Пороховых.

Нет конца боевому порядку,
Каждый ряд из гранита высечен.
Человек к человеку,
Десяток к десятку,
Сотня к сотне,
Тысяча к тысяче.

— Подровняйте ряды,
Затворы проверьте!
Настежь двери в завтра откроем!
Это Красная гвардия
Входит в бессмертье
Большевистским
Железным строем.

С моря дыханье ночи сырое,
Сдвинулся влево времени руль.
Мерно и твердо шагают трое —
Красногвардейский патруль.
Трое с винтовками.
Этой тройке
Время вручило на власть мандат.
Шаг отмеряя от Невского к Мойке,
Тихо рассказывает солдат:

— Был на побывке. Вышел в поля.
Как на ладони лежит округа.
Вся в сорняке, тоскует земля,
Ждет не дождется нашего плуга.
Барин в именье злой, как волк,
Ждет и грозит бедноте окольной.
Все я обдумал и вышел по-к
Большевикам на подмогу — в Смольный.

[illegible]
И сне[illegible]
Ветер, че[illegible]
И в бес[illegible]
Старый [illegible]

Если вслушаться в [illegible]
Только наши звенит шаги
Будто время нынче обуто
В семиверстные сапоги
Подошли к последней черте
Каждый миг ожиданья долог

Ночь.
Шаги.
Молодой мечте
Отвечает студент-технолог:
— Как мы к Смольному шли с утра,
Камни пели и сердце пело.
Если Ленин сказал:
— Пора...—
Значит, время наше приспело...

Дрогнули в окнах
Железные шторы,
В страхе попадали в ночь фонари.
Шестидюймовая глотка «Авроры»
Взревела:
— Исполнился срок!
Бери!..—

Над жизнью нашей,
Темной и бедной,
Над нашей
Втоптанной в грязь судьбой
Гневной грозой,
Песней победной,
Зовущей к бессмертной славе трубой
Эхо гремит:
— «Это есть
наш последний
и решительный
бой...

1937

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

УЛЯЛАЕВЩИНА

(ОТРЫВОК ИЗ ЭПОПЕИ)

Рушился мир из «сакса» и «севра».
День
вставал
мглист
Уже погодка серая от сенера
Сыпала красный октябрьский лист
Уже агитаторы железною речью
Наспех раскапывали цеха

ДЕКРЕТ О МИРЕ. Худ. В. А. Серов

Уже миллионы вставали навстречу
Ленину и ЦК:

Забойщики, вагранщики, сверловщики,
кленальщики,
Стр[illegible]щики, чеканщики, крепильщы, [illegible]
Тихони да бедовые, старики да мальчики
Из Питера, Самары, Твери

Тут вправду мятеж, как солнце, варили
Здесь революцию звали на «ты»
И говорили, говорили, говорили
За все за годы своей немоты

О чем? Всё о том же — по пунктам, по главам
Декрет обсуждали до дыр.
Здесь каждое слово о самом главном:
«МИР И ЗЕМЛЯ!», «ЗЕМЛЯ И МИР!

А тут уж ворочался с Мазура и Стохода
По гарям овсов да вик
В волдырях,
обмотанных
верстами
похода,
Обглоданный вшами
фронтовик.
Он шел домой безо всякой оказии,
Сам он сказал себе: «Вольно!»
Хватит с него хохотать обезволенно
В до смерти веселящем газе,
Будет с него по ночам тихонько
Плакать в усы от писем,
Когда завздыхает в окопе гармоника,
Трупным мешая крысам

И грозная дума в душе завелась,
И вот —
вопреки поповским заветам —
Грянул безбожий лозунг:
«ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ!»

Он шел домой. Он деревню разбудит.
Держися теперча, орлена казна!
Лучше не станет? Кто его зна...
А только того, что было,— не будет.
Так хлынь с фронтов, шинельное море,—
Эх-ма!
Все, кто мерзли, все, кто мерли,
Безвинные смертники — тьмущая тьма!
Астрахань,
Тула,
Рязань,
Самара,
Старая Руса,
Красный Кут,
Слегка отдуваясь облачком пара,
Идут, идут, идут, идут.
Если бы весь тот пар от дыханья
Сжать горизонту в тиски —
Встал бы туман человечьей тоски,

Солнце одурманя,
Если бы каждый солдатский вздох
Спустить на долы и воды —
От урагана бы мир оглох,
Согнулись громоотводы.
Если бы из каждого нерва могли
Высечь по искре хотя бы —
Ахнуло бы изверженье Земли!
Так
и родился
Октябрь.
Как бочка, где бродят хмель и вода,
Вспучась от газов, взрывает обруч,
Россия во чреве растила удар,
Разнесший ее стародавний образ.
И дедкой за репку по пене по той
Айда! — катится на ширмах «Петрушка»
Паук-протопоп,
Крича про потоп,
Мешок-буржуй на пушке,
Да в Крым, да в Кемь, да на Урал
На палочке генерал...
Эй, яблочко,
Куды ж ты котися?
К нам в ревком попадешь —
Не воротися.

1924

Александр ПРОКОФЬЕВ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год
Не армии, скажем прямо, – народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька
У нас выпадали зубы с полуторного пайка
Везде по земле железной железная шла страда
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда
Я всякую чертовщину на памяти разотру,
У нас побелели волосы на лютом таком ветру
Нам крышей служило небо, как ворон летела мгла.
Мы пили такую воду которая камень жгла
Мы шли от предгорий к морю — нам вся страна отдана
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.

РАЗОРУЖЕНИЕ ЧАСТЕЙ КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ В СИБИРИ
Худ. М. И. Авилов

Мы столько хлебнули горя, что горе земли - пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный
шквал
Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой
не знал
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь.
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь
И всякая тля в долине на сердце вела обрез
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем»
Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы единственная страна
Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов
Но ненависть ставь сначала, а после вели любовь!
Проверьте по документам, которые не солгут,
Невиданные однолюбы в такое время живут
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана
Возьми это верное слово и выпей его до дна,

Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависти
отметинь!
От нас шарахались волки, когда, мертвея от
Грялись по глухому снегу, отбив насмерть потроха

Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
Враги прокричали: «Амба!»

— «Полундра!» — сказали мы

И вот провели эпоху среди великой тьмы.
Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть
Но мы отстояли, товарищ, нашу Советскую власть.

1930

Владимир ЛУГОВСКОЙ

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

ЧЕРТОВ МОСТ Худ. М. Б. Греков

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят,
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Лунь. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры,—
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня ранила

Ты прости, прости-прощай!
Прощевай пока,
А покуда обещай
Не беречь бока
Не пыть, не болеть,
Никого не жалеть

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беляков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
ругает вагоны,
Волокет Колчаку
тысячу погонов

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. Худ. Ю. К. Королев

Он идет впереди,
атаман удалый
У него на груди -
фонари-медали
Командир-паровоз
мучает одышка,
Впереди откос
Паровозу крышка!

А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют

«Россия ты, Россия, российская страна,
Соха тебя пахала, боронила борона
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо околесица, налево лабуда

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть

Ах, сукин сын, машина, сибирский паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат завез?
Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь
Меня ты породила в несчастную ночь

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо околесица, налево лабуда»

...Радио... говорят.
(Флагов вскипела ярь)
«Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!»

КЛЯТВА СИБИРСКИХ ПАРТИЗАН Худ. С. В. Герасимов

ПАРТИЗАН Худ. В. Малютин

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы!
День этот белый, просторный,
в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся

Сибирь взята в охапку
Штыки молчат
Заячьими шапками
Разбит Колчак

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак
Эй, партизан!
Поднимай сельчан
Раны зализать
Не может Колчак

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снеге волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка!
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!
Кто идет?
Кончено. Залп!!

1926

Михаил СВЕТЛОВ

ГРЕНАДА

МЕЖДУ БОЯМИ. Худ. А. П. Ткачев, С. П. Ткачев.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Поспеть поскорей

Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить

Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

В РАЗВЕДКЕ

Поворачивали дула
В синем холоде штыков,
И звезда на нас взглянула
Из-за дымных облаков.

Наши кони шли понуро,
Слабо чуя повода
Я сказал ему: — Меркурий
Называется эта [illegible]

Перед [illegible] русско
Свет свой синий [illegible] льют...
И спросил он:
— А по-русски
Как Меркурия зовут?

Он сурово жа[illegible] ответил,
И ушла за об[illegible]
Иностранная планета,
Испугавшись мужика.

Тихо, тихо...
Редко, редко
Донесется скрип телег.
Мы с утра ушли в разведку,
Степь и травы — наш ночлег.

Тихо, тихо...
Мелко, мелко
Полночь брызнула свинцом,
Мы попали в перестрелку,
Мы отсюда не уйдем

Я сказал ему чуть слышно.
— Нам не выдержать огня.
Поворачивай-ка дышло,
Поворачивай коня

ИНТЕРНАЦИОНАЛ Худ. Г. М. Коржев.

Как мы шли в ночную сырость,
Как бежали мы сквозь тьму —
Мы не скажем командиру,
Не расскажем никому.

Он взглянул из-под папахи,
Он ответил:
— Наплевать!
Мы не зайцы, чтобы в страхе
От охотника бежать.

Как я встану перед миром,
Как он взглянет на меня,
Как скажу я командиру,
Что бежал из-под огня?

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...

Полночь пулями стучала,
Смерть в полуночи брела,
Пуля в лоб ему попала,
Пуля в грудь мою вошла.

Ночь звенела стременами,
Волочились повода,
И Меркурий плыл над нами —
Иностранная звезда.

1927

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет.

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

1935

Михаил ГОЛОДНЫЙ

СУДЬЯ РЕВТРИБУНАЛА

На Диевке-Сухачевке
Наш отряд.
А Махно зажег тюрьму
И мост взорвал.
На Озерку не пройти
От баррикад.
Заседает день и ночь
Ревтрибунал.

Стол накрыт сукном судейским.
Под углом
Сам Горба сидит во френче
За столом.
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры гада-женщину
Ведут.

«Ты гражданка Ларионова?
Садись!
Ты решила, что копна
Хуже крыс,
Ты крысятину варила нам
С борщом!
Ты нам кашу подавала
Со стеклом!

Пули-выстрела не стоит
Твой обед.
Сорок бочек арестантов!..
Десять лет!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры начугрозыска
Ведут.

«Ну-ка, бывший начугрозыска
Матяш!
Расскажи нам, сколько скрыл ты
С Беней краж?
Ты меня вводил, чека вводил
В обман
На Игрени брал[illegible]
У крестьян!
Сколько в[illegible]
Он в лес[illegible]
К высшей мере без кассаций -
Расстре[illegible]
Суд идет революционный
Пра[illegible]
Конвоиры провокат[illegible]
Ведут

Сорок бочек арестантов!
Винова[illegible]
Если я не ошиба[illegible],
Вы — мой брат
Ну-ка, ближе, подсудимый,
Тише, стой!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб
Вместе спали, вместе ели,
Вышли — врозь
Перед смертью, значит,
Свидеться пришлось
Воля партии — закон,
А я — солдат.
В штаб к Духонину! Прямей
Держитесь, брат!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры песню «Яблочко»
Поют.

ПАРТИЗАНСКАЯ МАДОННА
Худ. М. А. Савицкий

Вдоль на улице Казанской
Тишина
Он домой идет, судья.
Его спина
Чуть сутулится. А дома
Ждет жена.
Кашу с воблой
Приготовила она.

Он стучит наганом в дверь:
«Бери детей,
Жги бумаги, две винтовки
Захвати.
Сорок бочек арестантов!..
Поживей!
На Диевку-Сухачевку
Нет пути!»
Суд идет революционный,
Правый суд
В смертный бой мои товарищи
Идут.

1933

ПЕСНЯ О ЩОРСЕ

Шел отряд по берегу,
Шел издалека
Шел под красным знаменем
Командир полка
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.

«Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?
«Мы сыны батрацкие,
Мы — за новый мир,
Щорс идет под знаменем
Красный командир

В голоде и в холоде
Жизнь его прошла,
Но недаром пролита
Кровь его была.
За кордон отбросили
Лютого врага.
Закалились смолоду,
Честь нам дорога».

Тишина у берега,
Смолкли голоса.
Солнце книзу клонится,
Падает роса.

НА ПРИЕМЕ У В. И. ЛЕНИНА. Худ. Т. С. Мелихов

Лихо мчится конница.
Слышен стук копыт
Знамя Щорса красное
На ветру шумит
1935

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.

КОНАРМЕЙСКАЯ ТАЧАНКА. Худ. М. Б. Греков

Лежит под курганом
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону,
В засаду попал[illegible]
Полхлеба на [illegible],
Четыре патрона
И десять последних гранат

— Ребята,— сказал,
Повернувшись к отряд,
Матрос-партизан Железняк,
Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!

Сказали ребята:
— Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк!
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан

1936

Леонид МАРТЫНОВ

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Броневашина движется

Душки трепещут за шторами,
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер Революция.

Руки у ней [illegible]
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней [illegible]
Синие, как [illegible]

1922

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ НА ОХРАНЕ КРЕМЛЯ. Худ. В. Коновалов.

Борис КОРНИЛОВ

ФРОНТОВИКИ

Ты запомни, друг мой ситный,
как, оружием звеня,
нам давали ужин сытный,
состоящий из огня.

Ловко пуля била, шельма,—
свет в очах моих померк,
только помню ус Вильгельма,
указующий наверх.

Неприятные вначале
испытали мы часы,–
как штыки тогда торчали
знаменитые усы

Непогода дула злая,
в небе тучи велики,
во спасенье Николая
мы поперли на штыки.

Как бараны мы поперли
со стесненьем в груди —
тонкий вой качался в горле,
офицеры позади...

Сиятельные мальчики полков его величества,
мундиры в лакированных и узеньких ремнях
увешаны медалями, ботфорты сапожек вычистя,
как бы перед фотографом сидели на конях.

За неудобства мелкие в походе вроде простыни,
за волосок, не срезанный с напудренной щеки,
украшенные свежими на физии коростами
и синяками круглыми ходили денщики.

А что такое простыни? Мы простыней не видели.
нас накормили досыта похлебкой из огня,
шинель моя тяжелая, источенная гнидами,—
она и одеяло мне, она и простыня

А письма невеселые мы получали с родины,
что наша участь скверная — они ой нехороша.

что мы сначала проданы, потом опять запроданы,
в конечном счете дешевы - не стоим и гроша.

Что дома пища знатная — в муку осина смолота,
и здорово качало нас от этих новостей,
но ничего там не было в России -- кроме голода,
что щупальцы вытягивал из разных волостей.

А отдых в лучшем случае один — тифозный госпиталь,
где пациент блаженствует и ест на серебре,
мы плюнули на родину и харкнули на господа,
и место наше верное нашли мы в Октябре.

Держава мать Российская, мы нахлебались дымного,
тебе за то почтение во век веков летит —
благодарим поклонами — и в первый раз у Зимнего
мы проявили маленький, но все же аппетит.

Мясное было кушанье, а штык остер, как вилочка.
Свою качая родину, пошли фронтовики,
и пригодилась страшная и фронтовая выучка,
штыки четырехгранные.
Да здравствуют штыки!

1933

Виктор ГУСЕВ

ОКТЯБРЬСКИЙ СМОТР

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов,
И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.
И кажется мне —
начиная
пятнадцатый свой год,
Октябрьская революция
совершает ночной обход.

Она проверяет твердость
армии своей,
Она проверяет оружие,
она проверяет людей,
И прежде всего она спрашивает
каждого из нас:
— Под знаменем партии Ленина
идет ли рабочий класс? —
И мы отвечаем —
впрочем,
надо сказать точней —
Автомобили АМО
за нас отвечают ей,
Молодые кузнецкие домны
чугуном отвечают ей,
И ясли ей отвечают
ровным дыханьем детей.
Ее приветствуют школы
каракулями ребят,
Ей орденом салютуют
герои ударных бригад.
И хоть работы немало
и некогда им присесть,
— Вперед! —
говорит Революция.
И они отвечают:
— Есть...

Она проходит дальше,
и спрашивает она:
— А что моя Красная Армия,
по-прежнему ли сильна? —
Вопрос ее затихает,
встреченный тишиной.
Нельзя говорить часовому,
а армия — часовой.
И это лучше ответа,
недаром вопят в ночи
Французские генералы,
бухарские басмачи.
Недаром сжимается злобно
в расшитых шевронах рука.
Овладевают техникой
дивизии РККА.
Умножь ее на соревнование
и силы попробуй учесть.

— Готовьсь,—
говорит Революция.
И бойцы отвечают:
— Есть! —

Она проходит дальше,
и хочет она узнать:
Быть может, сошла на Европу
Гуверова благодать?
Но полицейские залпы
оттуда гремят в ответ.
Глотает газ безработный –
самый дешевый обед.
С грохотом рушатся биржи;
пылает банкиров закат.
— «Рот Фронт»,— говорят ей компартии
на сорока языках.
Миллионы угрюмых рабочих
они ведут за собой.
— В бой,—
говорит Революция.
И они отвечают:
— В бой! —
И дальше идет Революция.
И рапорт ей отдает
Мой девятьсот девятый,
довольно отважный год.
Он в призывных комиссиях
стоит, к обороне готов.
Его врачи выслушивают,
и он говорит — здоров.
И нам дают назначенье
и круглую ставят печать.
Наша приходит очередь
Республику защищать.
Мы, конечно, молоды,
но поступь у нас тверда.
— Вперед,—
говорит Революция.
И мы отвечаем:
- Да! –
Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов

И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.

Октябрь 1931

Павел ВАСИЛЬЕВ

из «ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ»

3. ДВЕ ПЕСНИ

Конниц сабельная лава,
Шлемов красная звезда...
Ворошиловская слава
Начиналася тогда.

Не затихнет, не смирится
Ветерок матросских лент.
Он стоял, в дыму, Царицын,
Как легенда из легенд.

Наших били. Мы сквитаем!
Проклиная красный флаг,
На баржах, часы считая,
Офицеры пели так:

«Нам кресты не защита,
Мы погибнем во мгле,
Наши братья побиты,
С жизнью стало быть, квиты,—
Сам полковник в земле.

Седоусый, остылый...
С нами бог! С нами бог!
Он в сырую могилу
Вниз усами полег.

Он, в боях знаменитый,
Был легок на седле!
Нам кресты не защита,
Мы погибнем во мгле».

ТРЕВОГА Худ. К. С. Петров-Водкин

Не затихнет, не смирится
Ветерок матросских лент.
Он стоял, в дыму, Царицыи,
Как легенда из легенд

И в распахнутые дали
Шли матросы над пургой.
Им любимые кричали:
«Целься лучше, дорогой!»

Собирались в путь-дорогу,
Покидали отчий кров,
Матери, тая тревогу,
Провожали сыновьев:

«До свиданья, милые,
На войне не милуйте,
Завоюйте долю, завоюйте мир...
Мы тебе вдогонку
Машем шалью тонкой,
Ворошилов, красный командир!

Сыновьев вручаем —
В них души не чаем...
Поднимись на стремени,
Саблю вынь, звеня.

Мы благословляем,
Мы благословляем
Легкие копыта
Твоего коня!..»

Май 1936

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

МАЯКОВСКИЙ

(Последняя ночь государства Российского)

Как смертникам жить им до утренних звезд,
И тонет подвал, словно клипер.
Из мраморных столиков сдвинут помост,
И всех угощает гибель.
Вертинский ломался, как арлекин,
В ноздри вобрав коканна,
Офицеры, припудрясь, брали Б-Е-Р-Л-И-Н,
Подбирая по буквам вина.
Первое — пили борщи Бордо,
Багрового, как революция,
В бокалах бокастей, чем женщин бедро,
Виноградки щипая с блюда
Потом шли: эль, и ром, и ликер
Под маузером все есть в буфете.
Записывал переплативший сеньор

Цифры полков на манжете.
Офицеры знали — что продают.
Россию. И нет России.
Полки. И в полках на штыках разорвут.
Честь. (Вы не смейтесь, Мессия.)
Пустые до самого дна глаза.
Знали, что ночи — остаток.
И каждую рюмку — об шпоры, как залп
В осколки имперских статуй.

Вошел
человек
огромный,
как Петр,
Петроградскую
ночь
стряхнувши,
Пелена дождя ворвалась с ним.
Пот
Отрезвил капитанские туши.

Вертинский кричал, как лунатик во сне:
«Мой дом — это звезды и ветер...
О черный, проклятый России снег —
Я самый последний на свете...»
Маяковский шагнул. Он мог быть убит.
Но так, как берут бронепоезд,
Воздвигнулся он на мраморе плит
Как памятник и как повесть.
Он так этой банде рявкнул: «Молчать!» —
Что слышно стало:
пуст
город.
И тут, словно эхо в дале-е-еких ночах,
Его поддержала «Аврора».

12 декабря 1939

Джек АЛТАУЗЕН

СТИХИ О ВЕТЛУГЕ

Уходят дни,
Как вдаль рыбацкий парус
Кривой комбриг.

Мы ждем команд твоих,
Налей мне щей,
Кудрявый каптенармус,
Полкотелка
Довольно на двоих.

Журбенко, друг,
Твой нос едят веснушки,
Ячмень в глазу,
И на щеке рубец.
В орешнике —
Подохшие кукушки,
Их нюхает
Голодный жеребец.

Послушай,
Мой товарищ бледнолицый,
Мне третий день
Мерещится сквозь дым
Пятнистый лоб
Убитой кобылицы,
Две лупы глаз
С натеком голубым.

Не спится мне,
Ресниц я не смыкаю.
Пока вчера
Смотрел я на луну,
Вниз головой
Упал начдив Чапаев
С обрыва
В набежавшую волну.

Я хлеб жевал,
Пил воду из бутылки,
Но было мне
Почувствовать дано,
Что в это время,
С пулею в затылке,
Он погружался
Медленно на дно.

Журбенко, друг,
Присядем за кустами,
К привалу нас
Тропинки привели,
И кони ржут,

По ребрам бьют хвостами,
Копытами
Колотят ковыли.

Два года мы
С тобой не мылись в бане,
Завели вши,
И надоело мне
Ногтями
Щелкать их на барабане
И до крови
Царапать по спине.

Вчера был бой.
От сабель было серо.
Кривой комбриг
Махал нам рукавом.
Я зарубил
В канаве офицера,
И у него
В кармане боковом

Нашел я книжку
В желтом переплете,
Ее писал
Какой-то Карамзин.
Две ласточки
Сидят на пулемете.
И на кустах
Лежит мой карабин.

Журбенко! Брось
Напрасно ложкой звякать.
Цветет крыжовник,
Зреет бузина.
Давай читать,
Давай читать и плакать
Над этой книжкою
Карамзина.

Друзья мои,
Мы завтра в бой поскачем,
Отточен штык,
В нагане пол заряд.
А вот сейчас
Над девушкой мы плачем,
Обманутой
Сто лет тому назад

Но к черту все!
От птичьего помета,
Трехгранный штык,
Ты посерел опять,
И кружатся
И возле пулемета
Две ласточки
Хотят започевать.

Им все равно,
Их к югу гонят вьюги.
Журбенко! Слышишь
Ржанье кобылиц?
Лежим в траве;
Ты о своей Ветлуге
Опять плетешь мне
Сотни небылиц.

Ах, милый враль,
Какие небылицы!
Засыпан свод
Сориками планет.
Ветлугу
Называешь ты столицей,
А там, чудак,
Фонтана даже нет!

Фонтана нет,
Но каланча какая!
Весь мир видать!
Сиди,
Смотри в окно,—
Увидишь ты,
Как, духов выкликая,
В Константинополе
Играют в домино.

Довольно врать!
Довольно про Ветлугу!
А он плетет
И все плести готов
В Ветлуге он
Поймал в пруду
Белугу,
Белугу девятнадцати пудов!

В Ветлуге парни
Любят до восхода

Играть на струнах
Из овечьих жил.
Сам Пушкин
До семнадцатого года
У них простым
Аптекарем служил.

Рассвет,
Луна в засахаренном круге.
Закрой глаза.
Что сон тебя неймет?
Ах, милый враль!
Забыл я,
Что в Ветлуге
Еще твоя
Марусенька живет.

Нет, не живет!
На желтой душегубке
Ее увез
Курносый атаман
Он целый час
Курил,
Копался в трубке,
Усы вертел
И был, наверно, пьян.

Ее уж нет,
Она теперь далече,
И некому
В Ветлуге за углом
Из форточки
Бросать тебе навстречу
Голубя
С запиской под крылом.

Армейцы спят.
И кружатся планеты.
Я из нагана
Выпалил заряд.
Но что со мной?
Журбенко!
Где ты, где ты?
Все это было
Много лет назад.

И я сейчас один,
Без патронташа.

Лежит на крыше
Зимняя слюда.
Как мог я позабыть,
Что дружба наша
В двадцатом
Оборвалась навсегда?

Не думал я,
Что там, в дыму и вьюге,
Свинчатка пули
Может сделать так,
Что не увидишь ты
Своей Ветлуги
И в трубке вдруг
Погаснет твой табак.

Да, это было все
Перед рассветом.
Кривой комбриг,
Зови меня опять
Прошли года,
Но тот, кто стал поэтом,
По сто очков умеет выбивать.

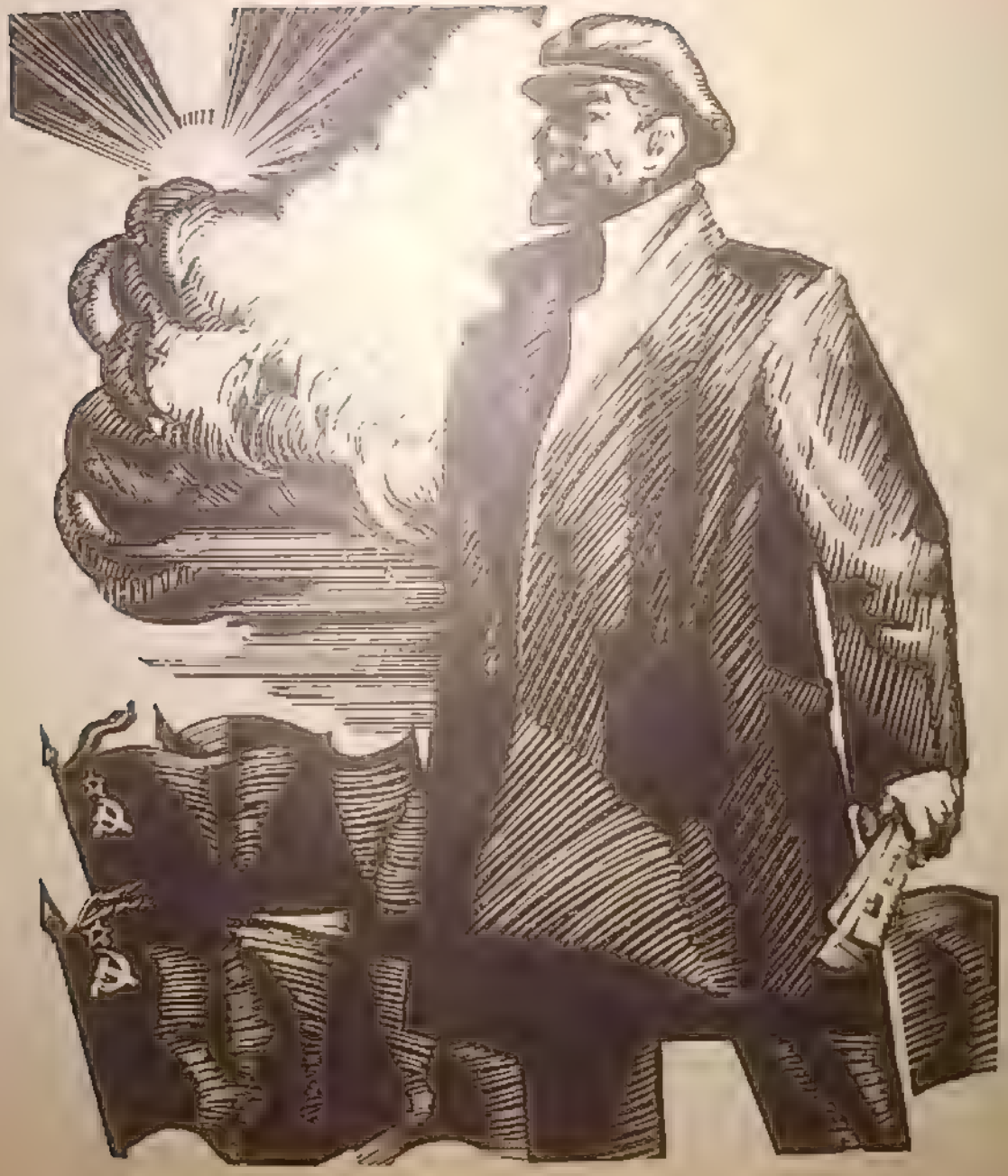
Прошли года,
Но кровь не помутнела.
Страна моя,
Я все отдам тебе,
Чтоб только ты
Плодами зеленела,
В кларнеты дула
И звала к борьбе!

1929

II

Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем
Ленин
В. Маяковский

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

Ноги без мозга — вздорны:
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда над миром вырос
Ленин
огромной головой.
И земли
сели на оси.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два
в хаосе
мира
во весь рост.
Один —
животище на животище.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.
Встал
горой мускулистой.

Теперь не промахнемся мимо.
Мы знаем, кого – мети!

Ноги знают,
чьими
трупами
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

Пожарами землю дымя,
везде,
где народ исплёнен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это
не стихов веер,
обмахивать юбиляра уют.
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел -
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

Апрель 1920

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.

Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?
Нет!
не оковать язык грозы!

В. И. ЛЕНИН. Сентябрь 1918 г. — Х. А. Н. Михайловскому

Вечно будет
тысячестраничный
грохотать
набатный
ленинский язык

Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч
чтоб вихрем не кинел?!

Нет!
не ослабеет ленинская воля
в миллионосильной воле РКП

Разве жар
такой
термометрами меряется?!
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.
Нет!
Нет!
Не-е-т...
Не хотим,
не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
сгинь, навязчивая тень!

22 марта 1923

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огромная мысль.
Должно быть,
под ним
проходят тысячи
Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА [illegible] ЛУНАЧАРСКОГО В ЖЕМЕРИКИНЕ

хочется
идти
[illegible],
рапортовать!
Товарищ Ленин
я вам докладываю
не по службе,
а по душе
Товарищ Ленин,
работа адовая
будет
сделана
и делается уже
Освещаем,
одеваем нищь и оголь,
ширится
добыча
угля и руды...
А рядом с этим,
конешно,
много,

много
разной
дряни и ерунды.
Устаешь
отбиваться и отгрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.
Нету
им
ни числа,
ни клички,
целая
лента типов
тянется.
Кулаки
и волокитчики.
подхалимы,
сектанты
и пьяницы,—
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и в значках нагрудных...
Мы их
всех,
конешно, скрутим,
но всех
скрутить
ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и живьем,
вашим, товарищ,
сердцем
и именем

думаем,
дышим,
боремся
и живем!..»
Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

Январь 1929

Валерий БРЮСОВ

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь Октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его мирам мы понесем!

25 января 1921

ЛЕНИН И КАЛИНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ТРУДОВЫХ КАЗАКОВ
Март 1920 года. Худ. А. П. Михайловский.

Анатолий ЛУНАЧАРСКИЙ

КАРТИНА

Он взял большое полотно
И сумраком его наполнил
Еще предутренне темно,
И сталью отливают волны

Упорной ратью среди вод
Идут измученные люди,
Идут, суровые, вперед,
И в пене кожаные груди

Подруги их за ними вслед
Идут, детей держа высоко,
Им некий вдохновенный бред
Зажег расширенное око

Идут, и мокрое от брызг
Противу ветра знамя плещет,
И только краем солнца диск
Поднялся и в волнах трепещет.

А сзади пристально и зло
С крутого берега взирает
Оскотиневшее хайло
На тех, кто в волнах умирает.

Но жабьей морды мерзопасть
Уже улыбку проглотила,—
Смотри, передовую часть
Заря сильней озолотила!

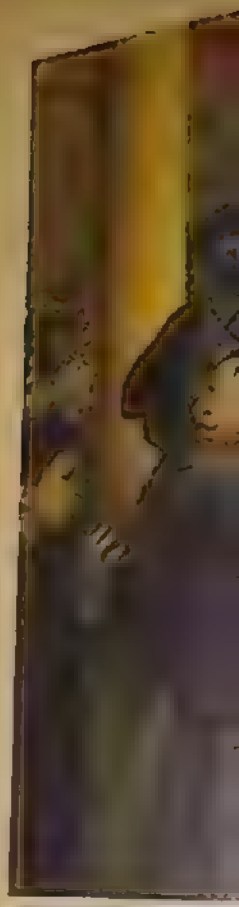
Она смогла прощупать брод!
Желанный берег недалече,
Вода жемчужная течет
С одежд, и, выпрямляя плечи,

Передний ряд уже запел
И, алой пеной опоясан,
Стремит шеренги гордых тел
Движеньем хорового пляса!

Вон в небе туч косматых пласт,
Как бы разорванная [illegible],
Сейчас пробиться [illegible]цу даст
Сквозь полог свой зеленоватый.

Смотри: в тумане маяком
Стоит там, тверд и неизменен,
Всегда живой Предсовнарком,
Путеводитель мира — Ленин!

1925

ВЫСТУПЛЕНИ

Акоп АКОПЯН

В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосягаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела
Врагам свободы гибелью грозит.

ВЫСТУПЛЕНИЕ [illegible]

[illegible]

Сулейман СТАЛЬСКИЙ

ЛЕНИН

Великий Ленин, наш отец
Ушел, покинув мир сегодня
Какой холо[illegible]и для сердец
И многотруд[illegible]й день сегодня

Ушел Ильич наш дорогой,
И солнце меркнет над землей,
И горе черною рекой
На нас нахлынуло сегодня

Мир тесен стал, а ночь длинна,
Легла над миром тишина,
И в тишине, тобой полна,
Заплачет музыка сегодня.

В садах миндальные кусты
Роняют красные цветы.
Вождя и друга бедноты —
Не стало Ленина сегодня.

О Сулейман, твой скорбен взгляд
И руки в горести дрожат,—
Костры на улицах горят,
Какой холодный день сегодня...

1924

Демьян БЕДНЫЙ

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб

В. И. ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ В КРЕМЛЕ 1 МАЯ 1920 ГОДА

И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб

21 января 1925

Николай АСЕЕВ

РЕКВИЕМ

Если день смерк,
если звук смолк,
все же бегут вверх
соки сосновых смол

С горем наперевес,
горло бедой сжав,
фабрик и деревень
заговори, шаг:

«Тяжек и глух гроб,
скован и смыт смех,
низко пригнуть смогло
горе к земле всех!

Если умолк один,
даже и самый живой,
тысячами родин,
жизнь, отмсти за него!»

С горем наперевес,
зубы бедой сжав,
фабрик и деревень
ширься, гуди, шаг

«Стой, спекулянт-смерть,
хрипли[illegible] ложив,
нашего дня и [illegible]
трогать [illegible]!

Ближе [illegible] к плечу —
нищи[illegible]
пасынкам [illegible]
жаться, [illegible]»

С горем наперевес
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, тугой шаг

«Станем на караул,
чтоб не взошли враги
на самую
дорогую
из наших могил!

Если день смерк,
если смех смолк,
слушайте ход вверх
жизнью гонимых смол!»

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, сплошной шаг!

25 января 1924

В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ
НА VIII ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ
Декабрь 1[illegible] г. Холст, масло

Николай ПОЛЕТАЕВ

Портретов Ленина не видно
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923

ПЕРВАЯ БОР[illegible] В. ЛЕНИН НА ИСПЫТАНИИ
СОВЕТСКОГО ЭЛЕКТРОПЛУ[illegible]ОД МОСКВОЙ В ОКТЯБРЕ 1921 ГОДА
И. В. Овчинников

Вера ИНБЕР

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул
И был торжественно-печален
Луны почетный караул

Январь 1924

Галактион ТАБИДЗЕ

. Однажды ночью мы сквозь снег
Шагали — грудь дышала вольно,
И вдруг пред нами, как во сне,
Виденьем небывалым — Смольный

Бессмертный Смольный той поры
И грозный [illegible] ярый,
Сплотилась [illegible] порыв
Шестая часть [illegible] шара.

О ЖИЗНИ, О ЗЕМЛЕ. Худ. З. В. Коцюба

Бессонный Смольный, страж времен,
В пылу уверенной работы,
Могучей думой озарен,
Казался символом заботы.

И, встретив пулеметный ствол,
Зиявший дулом из расщелин,
На окрик: — Кто вам нужен? Стой! —
Не дрогнув, я ответил: — Ленин!

1932

Сергей ЕСЕНИН

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не подалась [illegible]
Лишь только он,
С рукой своей [illegible]
Сказал, что мир -
Единая семья
Не обольщен я
Гимнами герою
Не трепещу
Кровопроводом жил
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн,
В своей расчистке

В. И. ЛЕН

В. И. ЛЕНИН И А. М. ГОРЬКИЙ В ГОРКАХ. Худ. В. П. Ефанов

[illegible]
И [illegible]
Он много м[illegible]
По-марксист[illegible]
Совсем п[illegible]
Твори[illegible]

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он нико[illegible]ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,

ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА. Худ. Ф. А. Модоров

Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю

Он — рулевой
И капитан
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В боренъях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу»

17 января 1925
Батум

Борис ПАСТЕРНАК

ИЗ ПОЭМЫ «ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Чем мне закончить мой отрывок?
Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами загривок,
Как шорох молньи шаровой.
Все встали с мест, плащами вглуше
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозя влетающий комок.
Тогда раздался гул оваций,
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольце подпорок и преград.
И он заговорил. Мы помним
И памятники павшим чтим.
Но я о мимолетном. Что в нем
В тот миг связалось с ним одним?
Он был — как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,

Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полетом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.
И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.
Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Дерзать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

1923, 1928

Максим РЫЛЬСКИЙ

ТЕНЬ ВОЖДЯ

Замолкнет день, работа отгремит,
Строения оденутся туманом,
И тень, синея, ляжет на гранит
И поплывет пятном, густым и странным.

С толпой друзей, сквозь строгий лес колонн,
И ты войдешь в покой аудиторий,
И точных цифр незыблемый закон
Откроет вам невиданные зори.

Прозрачные узоры диаграмм
Покажут мир, который мог лишь сниться,
И ваше слово: это нужно нам —
Возможного перешагнет границы.

А если злых сомнений западни,
Как лживый бред, возникнут за тобою, -

Не бойся их, не верь им, но взгляни
На тень вождя с простертою рукою.

1931

Владимир СОСЮРА

* * *

Падают снежинки, тает нежный холод...
Падают снежинки на мои следы.
И уже сдается, что вокруг не город,
а леса да рощи, рощи да пруды.

Что это? Не сон ли? Это звон трамвая...
Что это? Не сон ли? То гудит авто...
Нет, промчался ветер, дерево качая,
след в снегу глубокий... Что же это, что?

Где же явь, где сон мой? Почернели ветви,
а меж ними — солнца на стволах печать...
...Шум толпы, как будто в нашей роще ветер,
звук шагов счастливых... Время ли скучать?

В клуб иду... С портрета — добрый взгляд
навстречу.
«Что ты сделал?» — снова спрашивает он.
Что учусь в партшколе, я ему отвечу,
что его заветом путь мой озарен.

Улыбнется Ленин. Стану я прилежно
слушать, что в письме нам говорит ЦК,
и как будто лоб мой гладит нежно-нежно
теплая, родная Ленина рука.

1927

Егише ЧАРЕНЦ

* * *

Ленин! Ленин — но не митинговый,
Не литавры марша, не плакат,
Ленин — как вершина, как обхват
И как построенье темы новой,

УСТАНОВ[illegible] [illegible] М. Чиаур

Зреющая [illegible]
А как сталь, [illegible]
Как начало жизни, как поэма
Созиданья первые слова
1928—1929

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают,— в руках чего-то нет...
— Скажи мне, Партия, скажи мне,
что ты ищешь? —

И голос скорбный мне ответил:
Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало,
Такой беды большой еще никто не знал!

Вчера, вчера лишь я в руках его держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал...

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в боевых рядах зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почуял,
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия! Тебе, тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия?. Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924

Александр ПРОКОФЬЕВ

Когда мы в огнеметной лаве
Решили все отдать борьбе,
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.

Но совести другая думка
У нас была, светла, как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет!

Мы горы выбрали подножьем
И в сонме сущи и мореи
Забыли все, что было можно
Забыть. Забыли матерей.

Дома, заречные долины,
Полей зеленых горький клок,
Пески и розовую глину -
Все то, что звало и влекло.

Но мы и в бурю наступленья,
Жестоким землю бороня,
Произносили имя Ленин,
Как слово песни и огня!

ПУТЬ ИЗ [illegible] [illegible]

Все были в [illegible],
И наш [illegible] [illegible],
Так дуб [illegible] [illegible] землю,
Как за него [illegible] мы[1]

1932

Муса ДЖАЛИЛЬ

ЛЕНИНЦЫ

Родной язык
не по строкам Корана —
по Ленину учили мы с тобой.
К нему наш взгляд стремился непрестанно,
вокруг него шумел сердец прибой.

Не память о великом человеке —
его дела сейчас у нас в сердцах.
Он дал нам имя ленинцы навеки,—
мы — ленинцы,
и Ленин жив в веках.

1930

III

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке буден,
Отечество
сливаю,
которое есть,
не тронут —
которое будет

В. Маяковский

Владимир МАЯКОВСКИЙ

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют,—
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?
Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубо́...»
Нет,
в такую ерунду
не расказёньте
боевую
революцию — любовь.

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знамена́.
Будут глотки греметь,
за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое юбилей

Юбилей — это пепел,
песок и дым;
юбилей —
это радость седым;
юбилей —
это край
кладбищенских ям;
это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей —
вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».
А для нас
юбилей —
ремонт в пути:
постоял —
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный заряд,
поражающий вражеский ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
это сплавы лей.
Разобьет
врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас —
подсчет работ,
перемеренный литрами пот
Знаем:
в графиках
довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измельчал.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. Худ. Л. А. Котляров

Надо

большевист

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
не будь рассеянней!
Будет:
под ногами
заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
перед боем,
топки глуша,
Англия бастующих шахт.

Пусть
китайский язык
мудрен и велик —
знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели
наш рязанский
Иван да Антон.
И в сердце Союза
война.
И даже
киты батарей
и полки
Воры
с дураками
в блиндажи
растрат
и волокит.
И каждая вырезка
Рабкоп —
коммунизма тяжелый сноп
Война в отчетах,
в газетных листах —

КТО КОГО. Худ. А. А. Дейнека

рассчитывай,
режь и крои.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь —
нас трое!
Мы
трое
охапки в огонь кидаем:
растет революция
в огнях Волховстроя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.
Нам
девятый Октябрь —
не покой,
не причал.
Сквозь десятки таких девяти,
мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!

7 ноября 1926

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ, ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков
Подойди сюда!
Тебе не мелко?

От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте,
в бытность человеком
ты пивал чаи
со мною в дипкупе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтеся —
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.
За кормой лунища.
Ну и здорово!
Залегла,
просторы надвое порвав.
Будто на́век
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.
В коммунизм из книжки
верят средне.
«Мало ли,
что можно
в книжке намолоть!»
А такое —
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма
естество и плоть.
Мы живем,
зажатые
железной клятвой

За нее —
на крест,
и пулею чешите:
это —
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

15 июля 1926 г., Ялта

О ДРЯНИ

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лет.
Подернулась тиной советская мещанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спаленки.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
«Товарищ Надя!
К празднику прибавка —
24 тыщи.
Тариф.

Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать,
как коралловый риф!»
А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете?!»

На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

1920—1921

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.

Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени о́на».—
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели прийти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».

Через час
ни секретаря,
ни секретарши нет
голо!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?»—
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорогой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря́.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Они на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»
1922

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

По небу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старою
телегою
рабочие лежат.

И слышит
шепот гордый
вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут;
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года

МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ. Худ. А. А. Жабский.

здесь
будет
город-сад!
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут стройки стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

ГОМЕР (РАБОЧАЯ СТУДИЯ) Худ. І. М. Коржев.

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».
Рос шепоток
рабочего
над темью
гучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно
«город-сад»
Я знаю -
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть.
когда
такие люди
в стране
в советском
есть!

1929

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!
Заглушив
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря
Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно
сусальный провинциал

Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться, тронуту.
Парадом развернув
монх страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло

нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.

Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм

Декабрь 1929 — январь 1930

Джамбул ДЖАБАЕВ

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
«Сыграй нам о прошлом, ата, на домбре».

Я тронул струну, но не в духе домбра,
В глухом ее голосе нет серебра.

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдавленный стон.

Не хочет домбра распевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандальный заман.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Жизнь была для народа тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

ПЛЕТАТКА Худ. Г. Г. Рижский

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц.

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил.

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел турок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна
Катилась еврейских погромов волна.

Спадала волна, поднималась, и вновь
Дымилась горячая братская кровь.

Восстали мильоны забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душной тюрьмы.

Два сказочных двадцатилетья прошли,
И не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорус.

Таджик и татарин, туркмен и якут,
Дружа, не враждуя, как братья живут.

Смотрю я на север — светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток:
Там — синий простор океанских дорог.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу великую дружбу людей.

Где гневно свистели камча и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

УТРО ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. Худ. Я. Д. Ромас.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписаный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под солнцем Советов навек, навсегда!

Бедны и бессильны слова у певцов,
Пред ними одиннадцать стран-близнецов.

На черную злобу и зависть врага —
Священная дружба народов крепка,

Как клятва над ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка.

Как наши Кремлевские стены, крепка,
Как новая сталь из мартена, крепка,

Как сила прибоя Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте, народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды!

И помните ленинские тома —
Там мудрость сама и правда сама!
1930

Аветик ИСААКЯН

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Под родимый кров пришел я опять
С голубых небес не свожу я глаз,
Вижу звезды я точно в первый раз,
Полон мир чуде для меня опять

Закадычный друг, ветрогон-река
Блеска, плеска брызг и надежд полна
Детский облик мой понесла волна,
Лучезарен он, как двойник цветка.

Синий вечер тих, наступил покой,
Голос пробует соловей в горах,
Мой отец устал, день провел в трудах,
По крутой тропе он бредет домой

Продолжать игру мне охоты нет,
И сынишку мать окликает вновь,
На лице ее светится любовь,
Точно солнце, мать излучает свет

Разведен огонь в очаге родном,
И, как ладан, вновь заструился дым,
Слышу я слова, не внимая им,
Забываюсь сном в уголке своем

Одного хочу - видеть этот дым,
Бесприветен мир, он и пуст и гол,
Я иных богатств в мире не нашел,
Мне всего милей синеватый дым!

Я хочу вдыхать сладкий дым опять,
Обнимать родных и глядеть на мир,
Позабыв, что я одинок и сир,
От него чудес, словно в детстве, ж[illegible]
[illegible]

ДНЕПРОСТРОЙ

Алексей ГАСТЕВ

ОРАТОРУ

Оратор кончил, а мы ему всей толпой отве
— Нас целый новый легион. Мы несем тревогу всему миру, но ему же и ра
Мы пришли с новой вестью, достоверной, как железо, и бодрой, как звуки мотора в пустыне.
Не
Не тех пропетых, говоренных человеческих слов. Хотим
Лязги молота и штампы, трепет приводов и трансмиссий, грохот кузниц, зв
Неистовый бег колес — наше знамя
Мы их воспримем, возвеличим, механизмы!
Пусть же тревожней и выше загудят валы
Сокрушая ударят миллионами рук кузницы
И прорвут
Пр
лавина чугунного грохота

Дрогнет земля под паровыми молотами, зашатаются города стальные, машинные хоры заполнят все пустыри и дебри рабочим трепетом.

И прервут.

Помчатся огненные вестники подземных мятежей.

И еще прервут зловеще.

Загогочут черные пропасти.

Выйдут силачи-чудеса-машины-башни.

Смело провозгласят катастрофу.

И назовут ее новыми днями гворенья.

Оратор, замолкни.

Певучие легенды, застыньте

Ох, послушаем,—

заговорят возведенные нами домны

Запоют вознесенные нами балки

1918

ВСТРЕЧА

Медленно...

Ох, грузно мы двигаемся,

с нами весь скарб [illegible]

сто поездов с [illegible]

Погреба пыток.

Озеро гнилого пота.

Собрали всю кровь, [illegible] землю и провели кровавый экватор.

Трупный смрад миллионных кладбищ с нами.

Прекрасные, великие командиры мира. Мы все торжественно несем с собой.

Вот улики

Встать! Суд идет

— Монахи. Попы. Проповедники.

Ваше слово.

Входите.

Ваш конвой из страшных чертей оставьте

Херувимы, чудотворцы, немедленно в огненные ризы, в огненные крылья. И марш на небо.

— Монахи. Пузатые архиереи, ваше слово.

Молчите?

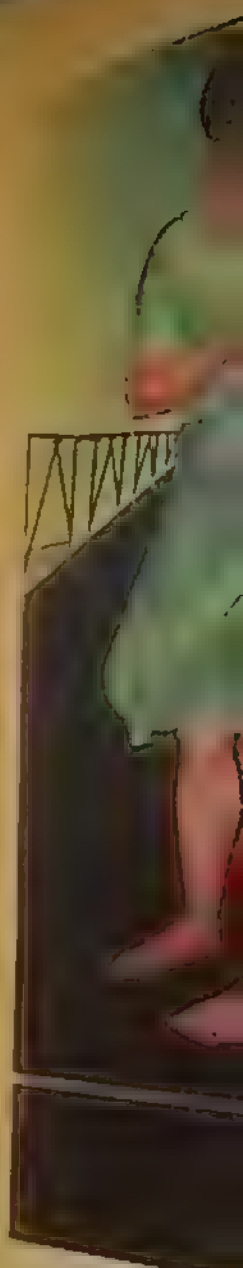
— Приговор: в огороды, на сбор картошки.

— Императоры, большие, маленькие, живые, мертвые, наследники, короли, принцы.

Все в золотую шеренгу.

Кто из вас способен — к нам, в чернорабочие.

Плата по тарифу.

НА СТРОЙ

Финан
Это вы на
Вот восем
Глядите,
К ответу!
Мы в чер
На ку
А-а-а-
Вы испуга
Вы в нов
Вы подгот
Ну так

НА СТРОЙКЕ НОВОЙ [illegible]

— Финансисты, [illegible]
Это вы начали [illegible]
Вот восемь миллионов кандидатов харкают кровью
Глядите, вот миллионы сумасшедших
К ответу!
Мы в черном, мы злые, мы зверски решительны
— На кухню,— чистить и подметать отбросы
— А-а а-а...
Вы испугались?
Вы в новом белье
Вы подготовились к расстрелу
— Ну так знайте.

Начнем.
Наделаем триста тысяч глупостей
Миллион ошибок.
Тысячу раз растеряемся по-детски
Мы сотни раз явимся на торжественное собрание и пр-
жжемся сомнением.
И опустим руки.
И снова кверху.
Мы будем окружены своими
И попробуем голод превратить в праздник
— Чтобы не пикнуть
Ни слова..
Иначе мы опять вас разжалуем из чернорабочих в мона-
императоры, дипломаты
И скажем:
вот.
Поезда с кандалами
Погреба пыток
Озера пота
Кровавый пояс земли
И кладбища, кладбища
Всё перед вами.
Не мигайте.
И ждите
Год
Два
Десять лет
По вкусам [illegible]

1919

НОША

Монархисты, анархи, республиканцы, [illegible]
рантьеры,— слушайте
Воздух заряжен.
Приверженцы стального чувства партизаны удара, вожаки
тяжелого подъема, строители высоких труб, [illegible]
штриха.
Мы здесь во всеоружии
Мы назовем вещи простые и обыденные, но [illegible]
скажем: вот чудо!
Мы хвалимся, черт возьми.
Наши повести знают миллионные пылкие толпы. О
воплощается мировой труд.
Мы открыто на площади [illegible]
Мы всем больными: миллион на миллион.

ЗЕМЛЯ НАРОД

[illegible] дышат сох
[illegible] же гудят и созд
[illegible] столетия тос
[illegible] богов и пала
[illegible] смерти.
[illegible] царства нищеты
[illegible]
[illegible] делегаты.
[illegible]
[illegible], и начнет

Янко

ЗЕМЛЯ НАРОДУ. Худ. В. И. Одайник

Наши волны дыш[illegible]
Но они же гудят в с[illegible]
За темные столетия тюрьм
За ваших богов и палачей
За города смерти.
За государства нищеты
Клянем.
И расплавим
Мы — пока делегаты
Мы вызов.
Но... загудим, и начнется

1919

Янка КУПАЛА

ЗА ВСЕ...

За все: и хлеб, и воду,
и кров над головой,—
обязан я народу,
его душе живой.

И я платил народу
тем, что в годину бед
я призывал свободу,
сквозь тьму провидел свет.

И для отчизны бедной,
чтоб ей прибавить сил,
слагал я гимн победный
средь вековых могил.

Боролся я с напастью
за счастье для людей,
за стих платил в ненастье
я кровушкой своей

И этим внес я долю
в мир счастья и добра...
Чего же можно боле
желать от песняра?!

1926

Якуб КОЛАС

ЭХО

Коса ли звенит на покосе стальная,
Иль девушка песню поет,
Проносится ль ветер от края до края,
Иль буря ночами ревет.

То ль гром в небесах перебранку заводит,
Потоки ли катится с гор,—
Все отклик в широких просторах находит,
Всему отвечает простор.

И ты, коль про горе людское узнаешь,
Скорей отзовись, отвечай!
И ты, если кривду людскую встречаешь,
Быстрее свой голос подай!

А радость увидишь — надежды взовьются,
И птицей они полетят,
Пускай твои струны тогда засмеются
И песнею счастья звучат!

1921

КАДРЫ ДНЕПРОСТРОЯ 1936 -38 гг. Худ. К Л Трохименко.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД

СССР! Он весь растет,
Летит за ленинской звездою.
Не удержать его полет
Былого рваною уздою

Лохмотья прочь! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Всех тягот, всех противоречий.

Открыв воздушные пути,
Пропеллером мы небо гложем,
Но ни проехать, ни пройти
Своей землей еще не можем.

Полярные громады льда
Винтами «Красина» взрывая,
Мы вдруг краснеем от стыда
Под хлесткой розгой Лудорпая.

Взнуздав и Волхов и Куру
Турбинами Электростроя,
Мы деревенских крыш дыру
Обветренной соломой кроем.

Поймав историю в капкан
Диалектических законов,
Мы терпим все еще туман
Церковных ладанов и звонов.

Нет! Нет! Невежества тайгу,
Спиртного змея людоедство,
Звериный сон в грязи, в снегу —
Былого подлое наследство —

Мы можем, смеем, мы должны
Набегом юности проворной,
Напором мускулов стальных
Преодолеть в борьбе упорной!

Взгляни на карту! Как медведь,
Ломая клеть меридианов,
Союз на полюс поглядеть
Прилег к седому океану.

И словно горсть посевной ржи,
Рассыпанная в пустошь мира,
Тысчонка городов лежит,
Кой-где рассеянная сиро.

Кругом бегут леса стремглав,
И воют реки по безлюдью.
Земля глядит из диких трав
Кой-где распаханною грудью.

В просторах дикой тишины
Глотают бешеные ветры
Едва родящейся страны
Несчитанные километры.

Тираны знали с давних лет:
Для трона крепче нет подножья,
Дороги к рабству лучше нет,
Чем тьмы народной бездорожье.

Но загорались очаги,
И горны молний ковали.
Тиранства дерзкие враги
Рождались, падали и звали.

В подполье каждая доска,
В Сибири каждая тропинка
Потела кровью бедняка
Перед Октябрьским поединком.

И вот одиннадцатый год,
Как месть и смерть, огонь и злоба,
Сметая все, что жизнь гнетет,
Громаду вынули из гроба.

Взгляни на карту. Не узнать
Смиренной родины Толстого!
Бушует юная весна,
Снося развалины былого.

Слепых губерний темнота
Восстала радугами наций,
Пустынь иссохшие уста
Уже с каналами роднятся.

Сверкают дали все густей
Огнями домны алозвездной,
И тонет в стройке областей
Тоска заплеванных уездов.

Руками врубовых машин
И жалом бурова стального
Тепло мы тянем из глубин
На стройку счастья мирового.

Мы человечество ведем
На волю из позорной клетки.
И смотрит будущим вождем
Питомец каждой семилетки.

Не каркайте за рубежом
На юную Страну Советов!
Дотла мы прошлое сожжем
Лучами ленинского света!

Да! Не хватает чугуна!
Да! Заострен кулацкий сектор!
Но труса праздновать вольна
Лишь обывательская секта.

Труднее было. Мы снесли!
Опасней было. Не сдались мы!
Нас ожидают не вдали
Неслыханные катаклизмы.

РАБОТНИЦА. Худ. А. Ф. Пахомов.

И одолеем мы везде
Былого дряхлое уродство.
Мы всем владеем, овладев
Орудиями производства.

Их сами мы должны создать
Из нашей крови, коль нет денег!
К лишеньям нам не привыкать,
Но кандалов мы не наденем!

Дружней напор! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Всех тягот, всех противоречий.

7 июня 1918

Василий КАМЕНСКИЙ

ДЕКРЕТ О ЗАБОРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, О РОСПИСИ УЛИЦ, О БАЛКОНАХ С МУЗЫКОЙ, О КАРНАВАЛАХ ИСКУССТВ

А ну-ка, робята-таланты,
Поэты,
Художники,
Музыканты,
Засучивайте кумачовые рукава!
Вчера учили нас Толстые да Канты,—
Сегодня звенит своя голова.
Давайте все пустые заборы,
Крыши, фасады, тротуары
Распишем во славу вольности,
Как мировые соборы
Творились под гениальные удары
Чудес от искусства. Молодости,
Расцветайте, била не была,
Во все вечевые колокола

Поэты!
Берите кисти, ну,
И афиши — листы со стихами.
По улицам с лестницей
Расклеивайте жизни истину,—
Будьте перед ней женихами —
Перед возвестницей.
Художники!
Великие Бурлюки,
Прибивайте к домам карнавально
Ярчайшие свои картины,
Тащите с плакатами тюки,
Расписывайте стены гениально,
И площади, и вывески, и витрины.
Музыканты!
Ходите с постаментами,
Раздавайте нóты-законы,
Влезайте с инструментами
Играть перед народом на балконы.
Требуется устроить жизнь —
Раздольницу,
Солнцевейную, ветрокудрую,
Чтобы на песню походила,
На творческую вольницу,
На песню артельную, мудрую.

Самое простое и ясное дело:
Рабочих дней шесть, и я
Предлагаю всем круто и смело
Устраивать карнавалы и шествия
По праздникам отдыха,
Воспевая Революцию духа
Вселенскую.

1917

ВЕСНА ДЕРЕВЕНСКАЯ

Солнце! Солнце!!
Весна развеснилась.
Высоко облака-соболя.
Снова нам
Урожайную милость
Обещают поля.
Реки вскрылись,
Полны половодьем,
Всем лугам насыщенье несут

КОЛХОЗНЫЙ ПРАЗДНИК. Худ. С. В. Герасимов

И над каждым
Крестьянским угодьем
Разгорается зуд.
Так и хочется
Врезаться в землю
Или с разбега в раздоль бирюзы

Я стихийному голосу внемлю,
Я иду
На весенний призыв.
Так и хочется
Взяться за дело
И отдать свои силы стране,
Где живется мне
Радостно, смело,
Где со всеми мой труд наравне.

Солнцем
Сердце мое растревожено:
Всюду вижу работы межи.
Нам ли ныне
Без дела возможно
Хоть минуту прожить!

Эй вы, кровью
Вспененные песни,
Научите шагать веселей,
Чтобы наши поэмы
Воскресли
В урожайности тучных полей.

Доля наша —
Отныне заветная:
Быть в сиянии — Ленина знать,
Вот отчего
Жизнь советная —
Неотцветаемая весна.

1925
Каменка

Василий КНЯЗЕВ

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда
Рок капризный невластен над нами:
Никогда, никогда
Никогда никогда
Коммунары не будут рабами!

Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг, и от плуга.

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Славен красный наш род,
Жив свободный народ —
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары, вперед!
Не страшны нам лихие буруны.

В БОЛЬ[illegible] М. [illegible] С. П. Ивано

НА ОБЪ[illegible] М. [illegible] Г. Г. Гагарино

Враг силен? — Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк солдат рядовой,
Сын семьи трудовой,
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный невластен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

1918

Павло ТЫЧИНА

* * *

Как бомба, пущенная пушкой,
земля вкруг солнца правит цикл.
Рысцой за нею лысый месяц,—
беззубо щурится в монокль.

О, сколько на земле беззубых
страшатся солнца и зыбей!..
Земля, роди нам юных сердцем,
роди, земля, богатырей!

Идут народы бурей алой:
свобода тут! свобода тут!
Кровь отдают земле устало
и снова в землю тлеть идут.

На смену им встают другие,
сквозь гнев и муку, в звонах пуль,
мча революции стихии
в иной октябрь, в иной июль.

Вставай же, кто кудряв душою!
Республика, гряди смелей!
Грянь, море, свежею волною!
Роди, земля, богатырей!

Как бомба, пущенная пушкой,
земля вкруг солнца правит цикл.
Рысцой за нею лысый месяц,—
беззубо щурится в монокль.

Смотри, смотри: уж нет отрады,
дороги к людям нет сейчас.
Цвели, в былом, твои декады,
пока ты жалко не погас.

Пылай же, кто кудряв душою!
Республика, гряди смелей!
Грянь, море, свежею волною!
Роди, земля, богатырей!

1921

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Я сторонюсь чужих и чуждых
болот родимых, мелких бродов;
сияет радугою дружбы
мне единение народов.

Оно такой встает вершиной!
Оно таким дыханьем дышит!
Ударишь громом в сердцевину —
и гром другой в горах услышишь.

И гром другой взрывает дали
и радуется, молодея,
что встала радуга из стали,
сердца народов дружбой грея.

И сам ты вдруг — как гром над кровлей,
как молниями озаренный,
как будто выпил за здоровье
из родника воды студеной.

Ой, выпил, выпил да утерся,
и припадаешь снова, снова
и открываешь первородство
в глубинах языка чужого.

ДОМНА № 1. КУЗНЕЦКСТРОЙ. 1931 г. Худ. П. И. Котов

Его коснешься ты — все мягче,
все легче он тебе сдается,
хоть слово сказано иначе,
но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
упругая все гнется, гнется,
и разом вдруг — чужое слово
в родной язык родным ворвется!

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
в них слышен труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них разум класса, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит все в основу
победы пролетариата.

22 июля 1936

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

АКТЕР И РАБОЧИЙ

Здесь, на твердой площадке яхт-клуба,
Где высокая мачта и спасательный круг,
У южного моря, под сенью Юга
Деревянный пахучий строился сруб!

Это игра воздвигает здесь стены!
Разве работать — не значит играть?
По свежим доскам широкой сцены
Какая радость впервые шагать!

Актер — корабельщик на палубе мира!
И дом актера стоит на волнах!
Никогда, никогда не боялась лира
Тяжелого молота в братских руках!

Что сказал художник, сказал и работник:
«Воистину, правда у нас одна!»
Единым духом жив и плотник,
И поэт, вкусивший святого вина!

А вам спасибо! И дни, и ночи
Мы строили вместе — и наш дом готов!
Под маской суровости скрывает рабочий
Высокую нежность грядущих веков!

Веселые стружки пахнут морем,
Корабль оснащен — в добрый путь!
Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актер и рабочий, вам нельзя отдохнуть!

1920

Марина ЦВЕТАЕВА

ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя. Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

СТИХИ К СЫНУ

I

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну,—
В край — всем краям наоборот! —
Куда *назад* идти — *вперед*
Идти, особенно — тебе,
Руси, не видывавшее

Дитя мое... *Мое? Ее* —
Дитя! То самое былье,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,—
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь — этот прах, чти — этот прах!»

ОСЕНЬ НА РЕКЕ ТОСНЕ. Худ. А. А. Рылов

От неиспытанных утрат —
Иди — куда глаза глядят!
Всех стран — глаза, со всей земли —
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер
Призывное: СССР,—
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час, —
от нас —
В *Россию* — вас, в Россию — масс.
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс страну! в без-нас — страну!

Январь 1932

ДОРОГА. ТАРУСА. Худ. Ф. П. Решетников

РОДИНА

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
Мне открывалася *она* —
Даль — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»
Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь,—
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля—
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы! Звук
Как сжатые челюсти.
Мороз из них прет,
Медведь из них щерится.

И впрямь челюстьми
На сла[illegible]ную —
На льди[illegible]
Товари[illegible]!

На льдине (не то,
Что — черт его — Нобиле!)
Родили — дит
И псов не угробили.

МИТИНГ НА ЛЬДИНЕ. 1935 г. Худ. Ф. П. Решетников.

ПЕРВЫЙ КАМБУЗ НА ЛЬДИНЕ 1935 г
Худ. Ф. П. Решетников

На льдине!
Э...!
Доносит по кабелю
«На льдов произвол
Ни пса не оставили!»

И спасши (мечта
Для младшего возраста!),
И псов и дитя
Умчали по воздуху

«Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На громы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровями
Стесненная ласковость...

Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здравствует
Советский Союз!

За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь,
Челюскинцы — русские!

3 октября 1934

* * *

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта—11 мая 1939

Сергей ЕСЕНИН

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.
Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой.
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись»

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Утянули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщинит лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его и этак и раз-этак,—
Буржуя энтого, которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной край,
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен,
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все,
Как есть все принимаю,
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».
1924

Эдуард БАГРИЦКИЙ

О ПУШКИНЕ

...И Пушкин падает в голубоватый
Колючий снег. Он знает — здесь конец...
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.
Кровь на рубахе... Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука путевая,
Возок уносится назад, назад...
Он дремлет, Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюбленному забыть нельзя,—
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...
...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса
Следит — упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые скользкие зрачки.

И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль, за песней пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв..

...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

1924

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

Грозою освеженный,
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зеленой
Двухоборотный свист!

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашеная дверь
Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонек

Говорить не можешь —
Губы горячи

ДВЕ. Худ. К. С. Петров-Водкин.

Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик
Стриженых волос.

Валя, Валентина,
Что с тобой стряслось?
Воздух воспаленный.
Черная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В подъязычье стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?
Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

— Валенька, Валюша!
Тягостно в избе!
Я крестильный крестик
Принесла тебе
Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас
Куры не закрыты,
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый маленький
Твой крестильный крест.
На щеке помятой
Длинная слеза...
А в больничных окнах
Движется гроза.

Открывает Валя
Смутные глаза.

От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны

ТЕКСТИЛЬЩИЦЫ. Худ. А. А. Дейнека

Над больничным садом,
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Движется отряд.
Молнии, как галстуки,
По ветру летят.

В дождевом сиянье
Облачных слоев
Словно очертанье
Тысячи голов.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.
Трубы. Трубы. Трубы.
Подымают вой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Движутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

А внизу склоненная изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать,
Духотой спаленных
Губ не освежить —
Валентине больше
Не придется жить.

— Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро?
Я ли не копила,
Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла,—
Чтоб было приданое
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу —
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест,
Золоченый маленький
Твой крестильный крест.

Пусть звучат постылые,
Скудные слова —
Не погибла молодость —
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся, мужество,
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь: на юру
Базовое знамя
Вьется по шнуру.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо подымается,
Призрачно легка,
Над больничной койкой
Детская рука.

«Я всегда готова!»—
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.
И, припав к постели,
Изнывает мать.

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и все!

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров

Апрель—август 1[illegible]

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ИСТОРИЯ

История гибла и пела
И шла то вперед, то вразброд.
Лохматилась грязная пена
Ее вымиравших пород.

То были цари и циркачки,
Философы и скрипачи —
В тяжелой и жуткой раскачке
Уже неживые почти.

Но я относился с доверьем
К истории, вьюгам, кострам.
Я жил геральдическим зверем
В развалинах сказочных стран

Мне каркала злая ворона
Из мрака монархии той,
Где все от острога до трона,
Казалось, свинцом залито.

Где фурии факельным хором
Рыдали с архивных страниц,
Искали горячего корма,
А век отвечал: «Отстранись!»

Но, весело, честно и строго
Спрягая свой черный глагол,
Я был как большая дорога
И просто был молод и гол.

Между 1922 и 1924

ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

С Новым годом, Бажан, Чиковани, Зарьян и Вургун!
Наша песня пройдет по республикам прежним и новым,
Заполощется лозунгом, вилавится звоном в чугун,
Перекликнется с миром сигналом коротковолновым.

Перед нами — серьезное, гордое время труда,
Горный эпос, былины в степных, ветровых перекатах
И впервые блеснувшая в мощной породе руда,—
Ибо мы — поколенье впервые по праву богатых.

Не молочные реки омыли медовый кисель,
Не находка блеснула из недр Ушакова и Даля,
Ничего из того, что казалось богатством досель,
Чем кичились поэты, хотя и в глаза не видали.

Только первоначальная сила волны ветровой,
Ширина, вышина заводимых вполголоса песен,
С красным солнышком, синей рекою, зеленой травой,
По сравненью с которыми ритм непригляден и тесен.

Только этим и чист, только этим и молод язык.
Кто его забывал, у того и дыханье скудело,—
Сочинял он безделки глупцам, упражненья заик,
Каламбурил или околесицу нес то и дело.

Кто бы ни был — араб, или мудрый индус, или грек,
Он услышит наш голос, хотя бы из века другого.
Он услышит слиянье наречий, слияние рек,
Наш единый, наш многоязыкий расковланный говор.

Наша песня пройдет по земле не разящим мечом,
А снопом световым, как прожектор
по вспыхнувшим тучам,
Не помеха — пространство, и время само — нипочем,
Нам, впервые здоровым, впервые по чести растущим.
Начинается утро. Кричат петухи на Руси.
Издалёка звенят провода электрической тяги.
О Родная Земля! Ты уже за холмами еси.
Высоко развеваются в бурях червленые стяги.

31 декабря 1939

Василий КАЗИН

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе —
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкою другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

1919

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

МАРШ ВЕСЕЛЫХ РЕБЯТ

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

ТЕРОИ СОВЕТСКОГО СО

Нач песня строить и ж
Она, как друг, и зовет
И тот, кто с песней по
никогда и нигде не
вперед, комсомольск
и пой, чтоб улыбки
зкоряем пространство
молодые хозяева зем
Нам песня жить и люб
Она, как друг, и зовет
И тот, кто с песней по
Тот никогда и нигде не
не забудем, поймем и
нашей полюс и свод го
страна быть прикаж
героем становится
Наш гимн строить и
Нам песня строить и ж

ПЕРВЫЕ ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. Х. , Ф. П. Решетников

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы все добудем, поймем и откроем
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы можем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда,
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда!
Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!
И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за Родину свою!

1934

Николай УШАКОВ

МАСТЕРСТВО

Пока владеют формой руки,
пока твой опыт
не иссяк,
на яростном гончарном круге
верти вселенной
так
[illegible]
Мир незакончен
и неточен,-
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины мыслью стал.

1935

Михаил ИСАКОВСКИЙ

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда;

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне,

БОЛЬШЕВИК. Худ. Б. М. Кустодиев

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого [illegible]да под потолком.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней.

А в деревне и веселье, и краса,
И завидуют деревне небеса

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,
Мы такого не видали никогда

1925

ПИСЬМО БУДЕННОМУ

Товарищ Буденный, прости ты меня,
Коль речь моя будет нескладна...
Я слышал — ты здорово любишь коня,
И нам это очень отрадно

КОЛХОЗНЫЙ СТОРОЖ. Худ. С. В. Герасимов.

Конечно, я в том не уверен вполне,
Быть может,— одна небылица,
Но мне говорили, что даже во сне
Тебе кавалерия снится.

А тут я брошюрку одну прочитал,
И в ней замечания были,
Что в нашу страну захотел генерал
Явиться на белой кобыле.

Он думает: скажем — приди и владей,
Дадим ему меду и сала
А я подобрал подходящих людей,
Чтоб встретить того генерала.

Мы быстро и верно решили вопрос,
Наметили выход резонный:
Хороших лошадок разводит колхоз
Для конницы нашей червонной.

Не кони, а птицы. Не лошади — страсть!
Годятся в любые походы
А пушки, и танки, и прочую снасть
Пускай уж готовят заводы

А если в сам-деле появится враг
На нашей земле обновленной,
Мы сразу примчимся к тебе на конях,
И скажем: веди нас, Буденный!

Мы скажем: веди нас, Буденный Семен,
Как раньше, под знаменем алым!
Мы скажем: в страну нашу вход запрещен,
Закрыт семафор генералам!

Товарищ Буденный, до полных побед
Мы будем всегда настороже!
Затем посылаю горячий привет,
И наши колхозники — тоже

1935

Владимир ЛУГОВСКОЙ

ПИСЬМО К РЕСПУБЛИКЕ ОТ МОЕГО ДРУГА

Ты строишь, кладешь и возводишь,
ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
ты мне отвечаешь: «Да!»

КОЛХОЗНИЦА-БРИГАДИР Худ. Г. Г. Ряжский

Прости меня за ошибки
судьба их назад берет,
Возьми меня, переделай
и вечно веди вперед.
Я плоть от твоей плоти
и кость от твоей кости.

И если я много напутал —
ты тоже меня прости.
Наполни приказом мозг мой
и ветром наполни рот,
Ты самая светлая в мире,
ведущая мир вперед.
Я спал на твоей постели,
укрыт снеговой корой,
И есть на твоих равнинах
моя молодая кровь.
Я к бою не опоздаю
и стану в шеренгу рот,—
Возьми меня, переделай
и вечно веди вперед.
Такие, как я, срывались
и гибли наперебой.
Я школы твои, и газеты,
и клубы питал собой.
Такие, как я, поднимали
депо, и забой, и завод,—
Возьми меня, переделай
и вечно веди вперед.
Такие, как я, сидели
над цифрами день и ночь,
Такие, как я, опускались,
а ты им могла помочь.
Кто силен тобой —
в работе он,
Кто брошен тобой —
умрет.
Ты самая светлая в мире,
ведущая мир вперед.
Я вел твои экспедиции,
стоял у твоих реторт,
Я делал свою работу,—
хоть это не первый сорт.
Ты строишь за месяцем месяц,
ты крепнешь за годом год,—
Ты самая светлая в мире,
ведущая мир вперед.
Я сонным огнем тлею
и еле качаю стих.
За то, что я стал холодным,
ты тоже меня прости.
Но время идет, и стройка идет,
и выпадет мой черед,—
Возьми меня, переделай
и вечно веди вперед.

Три поколенья культуры,
и три поколенья тоски,
И жизнь, и люди, и книги,
прочитанные до доски.
Республика это знает,
республика позовет,—
Возьмет меня,
переделает,
Двинет время вперед.
Ты строишь, кладешь и возводишь,
ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
ты мне отвечаешь: «Да!»
Так верь и этому слову —
от сердца оно идет,—
Возьми меня, переделай
и вечно веди вперед!

1929

БОЛЬШЕВИКАМ ПУСТЫНИ И ВЕСНЫ

В Госторге, у горящего костра,
Мы проводили мирно вечера.
Мы собирали новостей улов
И поглощали бесконечный плов.
А ночь была до синевы светла,
И ныли ноги от казачьего седла.
Для нас апрель просторы распростер,
Мигала лампа,
И пылал костер.

Член посевкома зашивал рукав,
Предисполкома отгонял жука,
Усталый техник, лежа на боку,
Выписывал последнюю строку.
А по округе, на плуги насев,
Водил верблюдов
Большевистский сев.

Шакалы воем оглашали высь.
На краткий отдых люди собрались.
Пустыня била ветром в берега,
Она далеко чуяла врага,
Она далеко слышала врагов —
Удары заступа
И шарканье плугов.

ПОРТРЕТ А. М. ГОРЬКОГО. Худ. П. Л. Корин

Три раза в час в ворота бился гам —
Стучал дежурный с пачкой телеграмм.
И цифры, выговоры, слов напор
В поспешном чтеньи наполняли двор.
Пустыня зыбилась в седой своей красе.
Шел по округе
Большевистский сев.

Ворвался ветер, топот лошадей,
И звон стремян, и голоса людей.
Свет фонаря пронесся по траве,
И на веранду входит человек.
За ним другой, отставший на скаку,—
Идет пустыня, ветер,
Кара-Кум!
Крест-накрест маузеры, рубахи из холстин...
Да здравствуют работники пустынь!
Ложатся люди, кобурой стуча,
Летают шутки, и крепчает чай.

На свете все одолевать привык
Пустыню обуздавший большевик,
Я песни пел, я и сейчас пою
Для вас, ребята из Ширам-кую,
Вам до зари осталось отдохнуть,
А завтра — старый караванный путь
На те далекие колодцы и посты.
Да здравствуют
Работники пустынь!

Потом приходит юный агроном,
Ему хотелось подкрепиться сном,
Но лучше сесть, чем на постели лечь,
И лучше храпа — дружеская речь.
В его мозгу гектары и плуги,
В его глазах зеленые круги.
Берись за чайник, пиалу налей.
Да здравствуют
Работники полей!

И после всех, избавясь от беды,
Стучат в Госторг работники воды.
Они в грязи, и ноги их мокры,
Они устало сели на ковры,
Сбежались брови, на черту черта.
– Арык спасли.
Устали. Ни черта!
Хороший чай – награда за труды.

Да здравствуют
Работники воды!

Но злоба конскими копытами стучит,
И от границы мчатся басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты
На землю, воду и песок пустынь.
Дом, где сидим мы,— это байский дом.
Колхоз вспахал его поля кругом.
Но, чтобы убивать и чтобы взять,
Бай и пустыня возвращаются опять.

Тот топот конницы и осторожный свист
Далеко слышит по пескам чекист.
Засел прицел в кустарнике ресниц.
Да здравствуют
Работники границ!..

Вы, незаметные учителя страны,
Большевики пустыни и весны!
Идете вы разведкой впереди,
Работы много — отдыха не жди.

Работники песков, воды, земли,
Какую тяжесть вы поднять могли!
Какую силу вам дает одна —
Единственная на земле страна!

1930

ПИСЬМО

Товарищ Маслова,
Я впервые
За целый месяц пишу тебе.
Я заболел:
Доктора правы.
Низко кланяюсь своей судьбе.

Здесь до нас здорово перегибали
Колхозы разваливались,
Сеялок — ни одной.
Самая злостная агитация баев
И неизбежный срыв
Посевной.

Приехал я и Ниязов-Мурадов —
Хороший парень,

Упрямый крот.
Мы разорвались, как два снаряда,
На тысячи дел
И сотни работ.

Я словно на смерть мобилизован.
Покрылся потом —
Соленой корой.
Уши наполнены свистом и звоном,
И малярия
Сосет мою кровь.

Очень хочется
Поболтать с тобою.
Я так агитировал, что стал молчалив.
Гектар за гектаром
Брали с бою.
Сегодня закончили первый полив.

То ли от собраний
В мозгу загудело,
То ли все тело ноет от седла.
Черт его знает!
А все-таки дело
Сдвинулось с места. Наша взяла.
Ну, как же писать
При такой нагрузке?
Жук под лампой
Ворочает усиками.
Жара поднимается, как гора.

Ты надо мной не смейся,
Милая Маруська!
Но в такие ночи вижу я,
Будто тысячи ламп
Горят в Союзе.
И самая маленькая — моя.

За каждою лампой
Работает парень,
Считает дневные свои грехи,
Глотает чай,
На совесть заваренный,
Двигает трактор против сохи.

Каждую ночь,
Прежде чем засну я,
Все вижу их лампы издалека.

Значит, двигают
Посевную
Мобилизованные ЦК.
А вокруг события,
Работа, лица:
Бедняк, середняк, бай, пастух.
Учиться, учиться,
Учиться, учиться.
Учитывать каждый случай и слух.

С собой я вожусь
Едва-едва.
Помру —
Небольшая потеря.
Но самое главное —
Не сдаваться!
Но самое главное —
Верить!

Верить в то,
Что мы не зарвались,
Что темпы взяты
Как надо,
А наша дорога
В социализм
Устроена
Не для парада.

1930

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ

Плоды Мичурина, питомцы садовода,
Взращенные усильями народа,
Распределенные на кучи и холмы,
Как вы волнуете пытливые умы!
Как вы сияете своим прозрачным светом,
Когда, подобные светилам и кометам,
Лежите, образуя вокруг нас
Огромных яблоков живые вавилоны!
Кусочки солнц, включенные в законы
Людских судеб, мы породили вас
Для новой жизни и для высших правил,
Когда землей невежественно правил
Животному подобный человек,

Напоминали вы уродцев и калек
Среди природы дикой и могучей.
Вас червь глодал, и, налетая тучей,
Хлестал вас град по маленьким телам,
И ветер Севера бывал неласков к вам,
И ястреб, рощи царь, перед началом ночи
Выклевывал из вас сияющие очи,
И морщил кожицу, и соки леденил.

Преданье говорит, что Змей определил
Быть яблоку сокровищницей знаний.
Во тьме веков и в сумраке преданий
Встает пред нами рай, страна средь облаков,
Страна, среди светил висящая, где звери
С большими лицами блаженных чудаков
Гуляют, учатся и молятся химере.

И посреди сверкающих небес
Стоит, как башня, дремлющее древо.
Оно — центр сфер, и чудо из чудес,
И тайна тайн. Направо и налево
Огромные суки поддерживают свод
Густых листов. И сумрачно и строго
Сквозь яблоко вещает голос бога,
Что плод познанья — запрещенный плод.

Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
Чтобы, самих себя переборов,
Вы не боялись северных ветров,
Чтоб зерна в вас окрепли и созрели,
Чтоб, дивно увеличиваясь в теле,
Не знали вы в развитии преград,
Чтоб наша жизнь была сплошной плодовый сад, —

Скажите мне, какой чудесный клад
Несете вы поведать человеку?

Я заключил бы вас в свою библиотеку,
Я прочитал бы вас и вычислил закон,
Хранимый вами, и со всех сторон
Измерил вас, чтобы понять строенье
Живого солнца и его кипенье.

О маленькие солнышки! О свечки,
Зажженные средь мякоти! Вы — печки,
Распространяющие дивное тепло.
Отныне все прозрачно и кругло

В моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей, веселых и счастливых,
В ладонях держат персики, и барбарис
На шее девушки, блаженствуя, повис.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблок приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчанием плодов.

Когда плоды Мичурин создавал,
Преобразуя древний круг растений,
Он был Адам, который сознавал
Себя отцом грядущих поколений.
Он был Адам и первый садовод,
Природы друг и мудрости оплот,
И прах его, разрушенный годами,
Теперь лежит, увенчанный плодами.

1932—1948

Иосиф УТКИН

О ЮНОСТИ

Мне говорят
Мол, мы не дышим маем,
Мол, юности расцветок не берем.
Ах, чудаки!
Они не понимают:
Мы юношествовали с Октябрем.
Быть современником
Огромной славы: Ленин,
Включать в артерии
его
высокий ток!

Кто был моложе нас?
Какое поколенье?
Когда, скажите?
Кто?

Мне говорят:
Учитесь трелям Фета.
Льют соловьи,
Грохочет водоем;
Ах, чудаки,
Друзьям, как эстафету,
Мы, умирая,

Песнь передаем.
И эта песнь простреленной, пропетой,
Как кольт,
Как молоток, в работе под рукой.
Какой, скажите мне,
Из всех поэтов
Был больше нас поэт?
Скажите мне,
Какой?

Мне говорят:
История с колена
Вам метит в грудь...
Враг жив... не позабудь...
Ах, чудаки!
Всё наше поколенье
Над баррикадами поднять готово грудь.

Нас и не грел
Камин благополучья,
В сибирских рудниках
Нас шлепал адмирал.
Но рабский страх
Нас никогда не мучил.
И никогда
Осмысленней и лучше
Никто еще
Не жил,
Не умирал!..

1930

ПЕРЕД КАРТОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

Грядущего карта — груба:
Чего там на Маркса коситься!
Давайте
Построим
Свои отруба
С бордюрчиком русского ситца!

«Чего там,— толкуют
Кривые умы,
Мечтатели правого крена,—
Вчера – Рябушинский,
Сегодня — мы
Едим
Поросенка с хреном.

Октябрь — это
Классовый мир,
Покой...»
Довольно, философы, каркать!
Мы видим совсем,
Совсем не такой
Грядущего нашего карту.

Не в ситце березок,
Не в русском овсе
На старокалужском насте,—
Грядущее видим
На светлом шоссе
Электриков-энтузиастов.

Нас каждого
Голод и холод прожег,
Над каждым ворон покаркал,—
И кровью пропитан
Каждый флажок
Этой великой карты!

Но мы понимаем:
Не сразу,
Не вдруг,
Не поднятым кверху бокалом,
А вскинутой волей
Мильонов рук
Берется сияние вольтовых дуг
С высоким октябрьским накалом!

1930

Виссарион САЯНОВ

* * *

Семнадцатилетние мальчики,
Вы запомнили пули и топот,
Те дороги, которые юность,
Как дружную песню, вели,
В полуночных разведках,
В перестрелках накопленный опыт
И вечерние дали
Завещанной вьюгам земли.

Знаю, в Смольном тогда
Вы стояли в ночном карауле,
И Ильич, улыбаясь,
Встречал из-за Нарвской ребят.
Наша юность прошла,
Эти годы давно промелькнули,
Но они посейчас
В нашем сердце немолчно гудят.

Вместе с нами росли
И деревья высокого сада,
Мы не знали тоски,
Но кипело волненье в крови...
Вечерами теснятся дожди,
На рассвете приходит прохлада.
Поколение наше,
Ты меня трубачом назови.

Барабанщиком ставь
В ряд большого пехотного строя.
Я учу тебя песням,
Выдай на руки нынче ж ружье,
Чтобы вместе с тобой
На просторы грядущего боя
На октябрьской заре
Пробивалося сердце мое.

То — совсем поутру,
То — в двенадцать часов пополуночи,
Проходя по путям,
Под раскаты грохочущих труб,
Я опять узнаю
Тех, которые больше не юноши,—
Мужская упрямая складка
Легла возле губ.

Я их вновь узнаю
Среди сабель и пик эскадронов,
В тихом дне типографий
И в сумраке угольных шахт,
Прохожу торопясь,
Только за плечи запросто тронув,
Как в походном строю,
По команде равняя свой шаг.

Сразу буря берет нас
И снова выносит на берег
Пятилетки труда
И заводских ударных бригад.

Поколение наше
Берет все барьеры Америк.
Сто дорог впереди,
Ни одной не осталось назад.

Но, ровесники бурь,
Сыновья трудового народа,
Если грянет война
И в полях заклубится метель,
Мы готовы опять
К перестрелкам большого похода,
Мы начистим штыки
И привычно скатаем шинель.

Июль 1929

Александр ЖАРОВ

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Грянем мы дружно
Песнь удалую —
За пионеров
Семью мировую.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело — за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

1922

Михаил РУДЕРМАН

ПЕСНЯ О ТАЧАНКЕ

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи,—
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди!
И с налета, с поворота
По цепи врагов густой
Застрочил из пулемета
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!

Эх, за Волгой и за Доном
Мчался степью золотой
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.
И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня.

Эх, тачанка-киевлянка,
Наша гордость и краса,
Комсомольская тачанка,
Все четыре колеса!

По земле грохочут танки,
Самолеты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе летчики поют.

И врагу поныне снится
Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!

1935

Петрусь БРОВКА

ЗЕМЛЯ

Надрывалась земля
В своей муке исконной,
Человеческим голосом
Умоляла ты нас:
— Засевайте меня,
Убирайте любовно,
Чтобы жар в груди моей
Не погас.

Мы же рвали ее
На клочки,
На делянки,
На полоски худые
Межой раскроив.
Подрастали
Сымоны, Рыгоры да Янки
И делили полоску
Одну на троих.

А декабрь приходил,
Посиневший от стужи,
Вихрь в амбарах пустых
На цимбалах играл,
Мы же только, ремень подтянув,
Да потуже,
Хлеб свой горький пекли
С лебедой пополам.

Из мякины тот хлеб
Был и горек и жёсток,
Застревал
На распухшей цинготной десне.

Выходили
Под стать мертвецам на погостах
И недолю встречали свою
По весне.

Много бед мы узнали
В нашей длинной дороге
И голодной тоски
За порожним столом,
Черный ветер бил в стекла,
И днем на пороге
Часто смерть появлялась
С холодным челом.

Но пришел наш черед,
Расквитались мы с ней,
Мы прогнали царя,
И жандармов, и пристава,
Чтобы ты нам,
Земля,
Расцвела покраснев,
Чтоб хватало для всех
Хлеба чистого

А теперь мы избавим тебя
От невзгод,
С новым плугом идем,
Кормим калием,
Чтоб дарила ты нас
Каждый год,
Каждый год
Не одним,
А тремя урожаями.

1932

Леонид МАРТЫНОВ

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

И не теоретические споры,
И не примеры из литературы,
Но горы и соленые озера,
И бурное взволнованное море,
И хмурые заоблачные зори —
Вот что влечет революционера,
Скорее практика, чем фантазера!

СБОР ВИНОГРАДА Худ. Б. Ю. Пурвит

Не худо,
Сев на важного верблюда,
Направиться и к югу и к востоку!

Дари свободу бедному народу
И намечай железную дорогу.
Дари свободу! Что же это значит?
Дари им воду, букву, цифру, слово
И все, на что ты сам имеешь право,
Чтоб, ржаво треснув, рассыпались цепи.

В палящий зной нивелировка степи,
Анализ почв, промер воды в озерах, —
Вот он один — высокий и прекрасный,
Тяжелый путь революционера,
Одна твоя немеркнущая слава!

1926

Семен КИРСАНОВ

ВЫ ИЗ МАДРИДА

В Мадриде смотрят
«Мы из Кронштадта».
Город
дождем непогоды продут...
Тысячеместный театр
расшатан
хлопками
и криками:
— Они не пройдут! —
С борта корабля,
с экрана сурового,
к испанцам
спустили
сияющий трап,—
под шум
петроградского
ветра сырого
с испанцами
встретился
русский Октябрь.
Он крейсером шел.
Он держался бок о бок,
покуда в пальцах
оружие есть,

НА НОВОЙ РОДИНЕ. Худ. В. П. Ефанов

балтийским матросом
сражался в окопах
с испанским товарищем
за Аранжуэс

Когда расходились
к себе
по окраинам,
к себе по окопам,
по нарам казарм,—
сиянье
советской победы
с экрана,
как отблеск,
проскальзывало по глазам.
Я верю,
что скоро врагу зашататься,
что время фашистов
уже сочтено,
и, может быть,
очень скоро кронштадтцы
увидят друзей
в кронштадтском кино.
Экран засияет
светло и открыто,
то ливнем омыт,
то зноем палим...
Кронштадтцы увидят —
«Мы из Мадрида» —
документальный фильм.
Там будут:
и факелы взорванных танков,
и «Юнкерсов»
падающие орлы,
и бегство
наемников —
Мола и Франко,—
бросая оружие,
обратно
в Берлин!
И может быть,
вовсе не на экране —
из Барселоны в Неву
крейсер испанский
под флагом багряным
в гости к «Авроре»
придет наяву!

Я верю,
я знаю.
будет отбита
фашистская нечисть
и выжжена в дым,

и мы из Кронштадта и вы из Мадрида
сроднимся,
и встретимся,
и победим!

1 ноября 1936

Николай ДЕМЕНТЬЕВ

МАТЬ

Толпы с поезда. Ну и народ! Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...
— Тише! Бабку затискали! Что тебе, бабушка?
«Мне б Петрушу ..» Которого это? — «Сынка...»

Бултыхает старуха баулом и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики — смех:
— Это что ж за петрушка такая? — «Начальник он...»
— Тут начальников много...— «Так мой — выше всех».

Уморила!
Над сборищем этим, над сонмом
Гогот, хохот, ошибающийся в пот.
Вдруг один кучерок как смекнет да как вспомнит,
Что начальник строительства —
Правильно — Петр!
Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сено — в ноги. Кнут — в руки:
«Садитесь, мамаша! »

Ой, железные шины круты и круглы!
Ты качайся, на клевере вскормленный мерин!
Вороная кобылка, пластайся вразлет!
Обернется, башкой помотает — и верит,
И — не верит.

А бабушка носом клюет
Кацавейка на ней не по-летнему — ватная.
Ишь! — горбатая... Ишь! — неприглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...

У начальника в комнате
Карты висят...
На кровати начальника — простыни взрыты.

Шторы — настежь.
И солнце –
По всем косякам,
Книгам, стеклам, приборам...
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам.
Крепкий, свежий, еще не успел приодеться,
Напевает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...

Входит возчик:
«Мамашу — в порядке довез...»

А за возчиком,
В белом платочке и валенках,
Что-то давнее-давнее — и не узнать...
Вспоминал... вспоминал... вспоминал...
Вспоминал. «Маменька!»
«Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный! Я — мать...»

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся мельком.
Усадил, оглядел ее всю —
И пахнуло
Детством — речкой, репейником, молоком,
Молодыми рябинами над оградами,
Рубашонкой в заплатах, сестренкой в соплях...

— Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала,— приляг.—
Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую,— до бровей...
— Самоварчик?

У нас, понимаешь ли, чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.
Ну, да ты не волнуйся! Ты мало грешила.
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.
Ты посмотришь, чего мы настроили. Дела ж
До сих пор полон рот - и какие дела?
Покатаемся? Хочется? —
«Что ты! И где уж!»

Два денечка поохала
И померла.

А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?

Вышло так, что мамашу его хоронили
Всем строительством, всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу,—
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг!
Тихо, тихо прошел в голове демонстрации
Пятитонный, задернутый черным «фомаг».

Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работоупорные жители,
Мимо ясных от яркого света громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный,
Равномерно работает
Химкомбинат.
Мерны медные трубы
Оркестра умелого.
На девчонках платочки
Весенних цветов...
...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.

На голодной степи — у дороги — песочек.
Бабий голос — еще молодой — одинок...

Сын приехал
С уральских заводов,
Вальцовщиком,
Прогармонил недельку
И смылся сынок.
А у ней, как и встарь, догнивает под дождиком
Опустошенный, малоколосистый сноп. .

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком.
Ночевал на овине —
И смылся сынок.

А она — со скотом — поднимается раненько,
Уж от старости пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта,
Израненный.
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей...

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха,
У пионерлагерей
Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века.
Это строили мы
Под его руководством
Инженера, начальника, большевика.
Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила
Ни хворь, ни усталость...
Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную, темную мать неимущих,
Всех, кто новым и властным хозяином встал

Пусть в оркестре
Все трубы играют
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И — «Интернационал»!

1931

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

* * *

Не утаю от Тебя печали,
так же как радости не утаю.
Сердце свое раскрываю вначале,
как достоверную повесть Твою.

Не в монументах и не в обелисках,
не в застеклённо-бетонных дворцах —
Ты возникаешь невидимо, близко
в древних и жадных наших сердцах.

Ты возникаешь естественней вздоха,
крови моей клокотанье и тишь,
и я Тобой становлюсь, Эпоха,
и Ты через сердце мое говоришь.

И я не таю от Тебя печали
и самого тайного не таю:
сердце свое раскрываю вначале,
как исповедную повесть Твою...

1937

Александр ТВАРДОВСКИЙ

ПЕСНЯ УРОЖАЯ

Бесхлебицу недавнюю
Навеки провожай:
Выходит с песней славною
Высокий урожай!..

И песня эта длинная,
В ней выразилось все.
Она шумит машинами
И голосами сел.

Историю подробную
Она передает,
Как мы посевы пробные
Убрали в этот год.

Как вволю попотели мы
На общей полосе
И дружными артелями
Объединились все.

Бесхлебицу недавнюю
Навеки провожай —
Выходит с песней славною
Высокий урожай!

1929

* * *

Я иду и радуюсь. Легко мне.
Дождь прошел. Блестит зеленый луг
Я тебя не знаю и не помню,
Мой товарищ, мой безвестный друг.

Где ты пал, в каком бою — не знаю,
Но погиб за славные дела,
Чтоб страна, земля твоя родная,
Краше и счастливее была.

Над полями дым стоит весенний,
Я иду, живущий, полный сил.
Веточку двурогую сирени
Подержал и где-то обронил...

Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь,
Разве я, наследник жизни этой,
Захочу иначе умереть!..

1934

ВСТРЕЧА

Не тебя ль в твой славный день,
На запруженном вокзале,
Столько сел и деревень
С громкой музыкой встречали?..

Смотришь — все перед тобой,
Всем родна и всем знакома.
Смотришь — где ж он, старый твой,—
Знать, один остался дома?..

Век так жили. Бить — не бил.
Соблюдал в семье согласье,
Но за двадцать лет забыл,
Что зовут тебя Настасьей.

Жили, будто старики:
Не смеялись и не пели,
Приласкаться по-людски,
Слова молвить не умели...

Столько лиц и столько рук!
Одного его не видно.
И до боли стало вдруг
Горько, стыдно и обидно.

Ради радостного дня
Не пришел, не встретил даже.
Ты б уважил не меня,
Орден Ленинский уважил...

— Здравствуй! — все кричат вокруг
И совсем затормошили.
Чемодан берут из рук,
Под руки ведут к машине.

— Здравствуй...— Слышит — не поймет.—
Голос жалостный и слабый:
— Да наступит ли черед
Поздороваться мне с бабой?..

Оглянулась — вот он сам.
Говорить ли ей иль слушать?
— Здравствуй...— Слезы по усам,—
Здравствуй,— говорит,— Настюша...

Плачет,— разве ж он не рад?
Оробев, подходит ближе,
Чем-то словно виноват,
Чем-то будто бы обижен.

Вот он рядом, старый твой,
Оглянулся, губы вытер...
— Ну, целуйся, муж, с женой!
Люди добрые, смотрите...

1936

* * *

Кружились белые березки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу своей реки.

БЕРЕЗОВАЯ АЛЛЕЯ. Худ. И. Э. Грабарь

И только я здесь был не дома,
Я песню узнавал едва
Звучали как-то по-иному
Совсем знакомые слова.

Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод,
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец пароход.

Веселый и разнообразный,
По всей реке, по всей стране
Один большой справлялся праздник,
И петь о нем хотелось мне.

Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная,
Большая родина моя.

1936

СТАНЦИЯ ПОЧИНОК

За недолгий жизни срок,
Человек бывалый,
По стране своей дорог
Сделал я не мало.

Под ее шатром большим,
Под широким небом
Ни один мне край чужим
И немилым не был.

Но случилося весной
Мне проехать мимо
Маленькой моей, глухой,
Станции родимой.

И успел услышать я
В тишине минутной
Ровный посвист соловья
За оградкой смутной.

Он пропел мне свой привет
Ради встречи редкой,
Будто здесь шестнадцать лет
Ждал меня на ветке.

Счастлив я.
Отрадно мне
С мыслью жить любимой,
Что в родной моей стране
Есть мой край родимый.

И еще доволен я,—
Пусть смешна причина,—
Что на свете есть моя
Станция Починок.

И глубоко сознаю,
Радуюсь открыто,
Что ничье в родном краю
Имя не забыто.

И хочу трудиться так,
Жизнью жить такою,
Чтоб далекий мой земляк
Мог гордиться мною.

И встречала бы меня,
Как родного сына,
Отдаленная моя
Станция Починок.

1936

Сергей ЧЕКМАРЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТАНЦИИ КАРТАЛЫ

И вот я, поэт, почитатель Фета,
Вхожу на станцию Карталы,
Раскрываю двери буфета,
Молча оглядываю столы.

Ночь. Ползут потихоньку стрелки.
Часы говорят: «Ску-чай, ску-чай».
Тихо позванивают тарелки.
И лениво дымится чай.

Что же! Чай густой и горячий.
Лэкин карманда акса юк.
В переводе на русский это значит,
Что деньгам приходит каюк.

Куда ни взглянешь — одно и то же:
Сидят пассажиры с лицами сов.
Но что же делать? Делать что же?..
Как убить восемнадцать часов?

И вот я вытаскиваю бумагу,
Я карандаш в руках верчу,
Подобно египетскому магу,
Знаки таинственные черчу.

Чем сидеть, уподобясь полену,
Или по залу в тоске бродить,
Может быть, огненную поэму
Мне удастся сейчас родить.

Вон гражданка сидит с корзиной —
Из-под шапки русая прядь,—
Я назову ее, скажем, Зиной,
Я заставлю любить и страдать.

Да, страдать, на акацию глядя,
Довольно душистую к тому ж...
А вон тот свирепый усатый дядя
И будет ее злополучный муж.

Вы поглядите, как он уселся!
Разве в лице его виден ум?
Он не поймет ее пылкого сердца,
Ее благородный... Но что за шум?

Что случилось? Люди свирепо
Хватают корзины и бегут,
Потом зажигается много света,
Потом раздается какой-то гуд.

И вот, промчав сквозь овраги и горы,
Разгоняя ночей тоску,
Останавливается скорый —
Из Магнитогорска в Москву.

Чтоб описать, как народ садится,
Как напирает и мнет бока,
Конечно, перо мое не годится,
Да и талант маловат пока.

Мне ведь не холодно и не больно,—
Они уезжают, ну и пусть!
Отчего же в душе невольно
Начинает сгущаться грусть?

Поезд стоит усталый, рыжий,
Напоминающий лису.
Я подхожу к нему поближе,
Прямо к самому колесу.

Я говорю ему: — Как здоровье?
Здравствуй, товарищ паровоз!
Я заплатил бы своею кровью
Сколько следует за провоз.

ТРАКТОР НА Ж[illegible] А. Рылов

Я говорю [illegible]
И пойм[illegible]
У меня бо[illegible]
Нет от холо[illegible]

Послушай, друг, мне [illegible] надоело
Ездить по степи [illegible],
Чтобы мне зво[illegible]
Ветер выхлестывал глаза

Жить зимою и летом в стаде,
За каждую телку отвечать.
В конце концов, всего не наладить,
Всех буранов не перекричать.

Мне глаза залепила вьюга.
Мне надоело жить в грязи,
И, как товарища, как друга,
Я прошу тебя: отвези!

Ты отвези меня в ту столицу,
О которой весь мир говорит,
Где электричеством жизнь струится,
Сотнями тысяч огней горит.

Я не вставал бы утром рано,
Я прочитал бы книжек тьму,
А вечером шел бы в зал с экраном,
В его волшебную полутьму.

Я в волейбол играл бы летом
И только бы песни пел, как чиж...
Что ты скажешь, состав, на это?
Неужели ты промолчишь?

Что? Ты распахиваешь двери?
Но, товарищ, ведь я шучу!
Я уехать с тобой не намерен,
Я уехать с тобой не хочу.

Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет, наверно,—
Это я без нее не могу.

У меня никогда не хватит духу —
Ни сердце, ни совесть мне не велят
Покинуть степь, гурты, Гнедуху
И голубые глаза телят.

Ну так что же! Ведь мы не на юге.
Холод, злися! Буран, крути!
Все равно сквозь завесу вьюги
Я разгляжу свои пути.

1930—1933

Павел ВАСИЛЬЕВ

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Твоих стихов простонародный говор
Меня сегодня утром разбудил.
Мне дорог он,
Мне близок он и мил,
Но совести — я не хочу другого

Сегодня слушать... Будто лемеха
Передо мной прошли, в упорстве диком
Взрывая землю...
Сколько струн в великом
Мужичьем сердце каждого стиха!

Не жидкая скупая позолота,
Не баловства кафтанчик продувной –
Строителя огромная работа
Развернута сказаньем предо мной.
В ней — всюду труд, усилья непрестанны,
Сияют буквы, высятся слова.
Я вижу, засучивши рукава,
Работают на нивах великаны.

Блестит венцом
Пот на челе творца,
Не доблести ль отличье эти росы?
Мир поднялся не щелканьем скворца,
А славною рукой каменотеса.
И скучно нам со стороны глядеть,
Как прыгают по веткам пустомели,—
На улицах твоя гремела медь,
Они в скворешнях
Для подружек пели.

В их приютившем солнечном краю,
Завидев толпы, прятались с испугу,
Я ясно вижу, мой певец, твою
Любимую прекрасную подругу.
На целом свете нету ни одной
Подобной ей —
Ее повсюду знают,
Ее зовут Советскою страной,
Страною счастья также называют.

Ты ей в хвалу
Не пожалеешь слов,
Рванешься стаей соловьиной в кличе...
Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели,
Когда, порубан, падал Перекоп,
Когда в бою
Лемьяна песни пели!

Как никому, завидую тебе,
Обветрившему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе
Поэзии багровые знамена!

1936

Анатолий СОФРОНОВ

КАК У ДУБА СТАРОГО

Как у дуба старого, над лесной криницею,
Кони бьют копытами, гривой шелестя...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, по донским степям.

Пел в садах малиновых соловей-соловушка,
Да шумели листьями в рощах тополя...
Поднималось солнышко, молодое солнышко,
Нас встречали девушки песней на полях.

Эх ты, степь широкая, житница колхозная,
Край родимый, радостный, хорошо в нем жить.
Едем мы, казаченьки, едем, краснозвездные,
В конницу Буденного едем мы служить.

Как приедем, скажем мы боевому маршалу:
«Мы пришли, чтоб Родину нашу защищать.
Ни земли, ни травушки, ни простора нашего
Иноземным ворогам в жизни не видать».

Кони бьют копытами над лесной криницею,
Поседлали конники боевых коней...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, в даль родных степей.

1937

Ярослав СМЕЛЯКОВ

БАЛЛАДА О ЧИСЛАХ

Хлопок по Туркестану везет паровоз;
под Витебском вызрел короткий овес;
турбины гордятся числом киловатт.

И домна, накормленная рудой,
по плану удваивает удой.

Архангельский лес,
и донецкий уголь,
и кеты плеск,
и вес белуги —
все собрано в числа, вжато в бумагу.

Статистик сидит, вычисляя отвагу.
И сердце, и мысли, и пахнущий пот
в таблицы и числа переведет.
И лягут таблицы пшеницей и лугом,
границы пропаханы сапковским плугом.

Дороги таблиц кряхтят под стадами,
числа растут молодыми садами,
числа растут дорогою щетиной,
по зарослям цифр пробегает пушнина.

По карте земли, по дорогам и тропам
числа идут боевым агитпропом.

1931

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИМИТРОВА ПОСЛЕ ЛЕЙПЦИГСКОГО ПРОЦЕССА

Так мне кажется —
сердце тише,
придавив
неокрепший лед,
над высокой
немецкой крышей
подымается
самолет.

Восемь парней,
глазам не веря,
зубы сжав,
говорят:
— Пока!
Из окна кабинета
Геринг
злобно смотрит
на облака.

...Между зимними облаками
он летит,
величав и прост,
над заводом
и над лесами,
у еще
не погасших звезд.

Он летит,
приминая тучи,
он крыло над Москвой
простер.
И ребята с улыбкой лучшей
слышат тихий его мотор.

Вечер. Ночь.
Через ветер черный
прямо в руки мои
идет
трехмоторный,
пятимоторный
потрясающий самолет.

Тяжело
подымая брови,
улыбаясь
моей стране,
прямо с неба
идут герои,
похудевшие в тишине.

И под небом
Москвы отверстым,
на тебя
устремивши взгляд,
краснопресненские
оркестры
задыхаются
и молчат.

Мы встречаем тебя
снегами,
мы приносим тебе
цветы.
Мы гордимся тобой,
и нами,
вероятно,
гордишься ты.

Снег летит
под больные ноги.
Стань прямей,
посмотри кругом —
мы тебе отдаем
дороги
и сады свои
отдаем.

Стали химики
и хлеборобы.
Что сказать,
если вы дошли
через тюрем
глухую злобу
до прекрасной
большой земли?

Что сказать мне
к такому часу,
чем похвастать?
Прости меня,
если нету в моих
запасах
слов,
достойных такого дня.

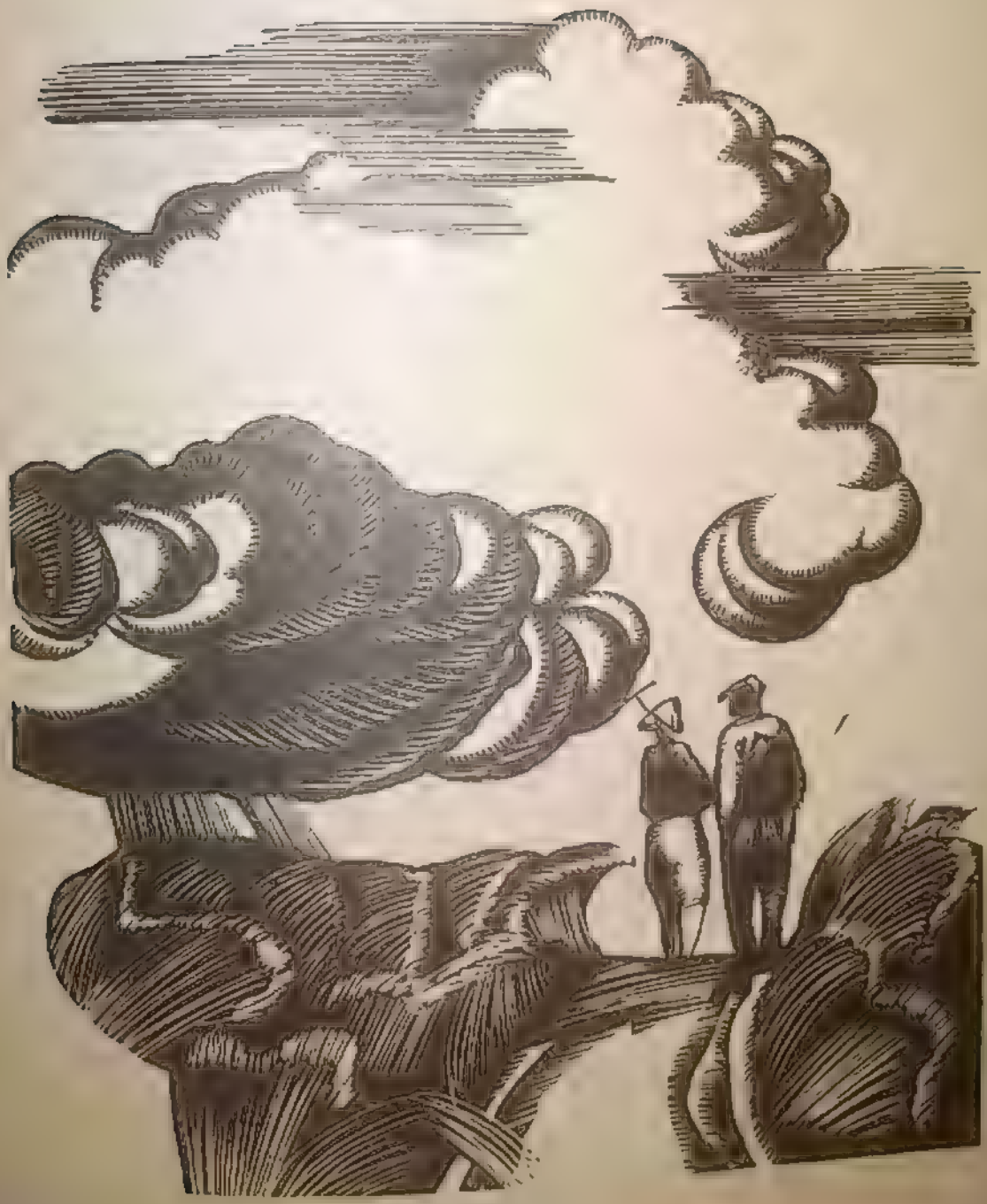
Если я,
рассуждая здраво,
мир почувствовал
в тишине.
Это счастье мое.
И право,
счастья этого хватит мне.

1934

IV

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем

В. Маяковский

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ПРО ЭТО

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

ПРО ЧТО — ПРО ЭТО?

В этой теме,
и личной
и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.
Эта тема
сейчас
и молитвой у Будды
и у негра вострит на хозяев нож.
Если Марс,
и на нем хоть один сердцелюдый,
то и он
сейчас
скрипит
про то ж.
Эта тема придет,
калеку за локти
подтолкнет к бумаге,
прикажет:
— Скреби! —
И калека
с бумаги
срывается в клекоте,
только строчками в солнце песня рябит.
Эта тема придет,
позвонится с кухни,
повернется,
сгинет шапчонкой гриба,
и гигант
постоит секунду
и рухнет,
под записочной рябью себя погребя.
Эта тема придет,
прикажет:
Истина!

Эта тема [illegible]

– Красота! —

И пускай
перекладиной кисти раскистены —
только вилы [illegible] мурлычешь с креста
Эта тема азбуку тронет разбегом —
уж на что б, казалось, книга ясна! —
и становится
— А —
недоступней Казбека.

Замутит,
оттянет от хлеба и сна.
Эта тема придет,
вовек не износится,
только скажет:
— Отныне гляди на меня! —
И глядишь на нее,
и идешь знаменосцем,
красношелкий огонь над землей знамения.
Это хитрая тема!
Нырнет под события,

в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,
и как будто ярясь
— посмели забыть ее! —
затрясет;
посыпятся души из шкур.
Эта тема ко мне заявилась гневная,
приказала:
— Подать
дней удила! —
Посмотрела, скривясь, в мое ежедневное
и грозой раскидала людей и дела.
Эта тема пришла,
остальные оттерла
и одна
безраздельно стала близка.
Эта тема ножом подступила к горлу.
Молотобоец!
От сердца к вискам.
Эта тема день истемнила, в темень
колотись — велела — строчками лбов.
Имя
этой
теме:
. . . . . !

1923

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ КОСТРОВУ ИЗ ПАРИЖА О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ

Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных строф
на лирику
я
растранжирю.
Представьте:
входит
красавица в зал,
в меха
и бусы оправленная.
Я
эту красавицу взял
и сказал:

ТОПОЛЯ. Худ. А. В. Куприн

ЖА

— правильно сказал
или неправильно? —
Я, товарищ,
из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
девиц красивей,
я видал
девиц стройнее
Девушкам
поэты любы.
Я ж умен
и голосист,
заговариваю зубы —
только
слушать согласись.
Не поймать
меня
на дряни,
на прохожей
паре чувств.

Я ж
навек
любовью ранен —
еле-еле волочусь.
Мне
любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила —
уплыла.
Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
не двадцать,—
тридцать...
с хвостиком.
Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут у́гольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Иванны,
считая
своим
соперником.

Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.
Вы
к Москве
порвали нить.
Годы —
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле
огней — до неба...
В синем небе
звезд —
до черта.
Если б я
поэтом не был,
я бы
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
авто
по улице,
а не сваля́т на́земь.
Понимают
умницы:
человек —
в экстазе.
Сонм видений
и идей
полон
до крышки.
Тут бы
и у медведей

выросли бы крылышки.
И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней
беседки сиреневой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданье,
простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит —
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подступают в роптоте.
Кто
сумеет
совладать?
Можете? Попробуйте...

1928

НЕОКОНЧЕННОЕ*

IV

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

V

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки

1930

Сергей ЕСЕНИН

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

---

* Печатается без знаков препинания - с точным воспроизведением текста из
[illegible] книжки поэта

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

1922

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, средн твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

1925

ЛЕСНАЯ РЕКА. Худ. А. А. Рылов

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер,
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу
Под чужую песню и смеюсь и плачу

1925

* * *

Не криви улыбку, руки теребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

1925

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога,
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.
Ей чужая юность ничего не значит.
Ну, а если значит — проживет не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

1925

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий,
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

* * *

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.

Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет твоя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1925

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? –
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

1925

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь..

Март 1925 год

* * *

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют,
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги.
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

1925

Анна АХМАТОВА

* * *

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у бога ничего.

Декабрь 1921

* * *

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.

Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.

Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.

1922

* * *

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить,
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?..
Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильней,
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских
и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу
мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный
подснежник..
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу
моему.

Сентябрь 1922

* * *

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Июль 1921
Петербург

* * *

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред,—

Затем что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

Август 1921

* * *

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятая, жжет.

Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной,—
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,

Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил»,—
Не будет ни страшно, ни больно...
Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспамятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

30 августа 1921

И всюд
Ее пол
И в ме
Скитая
И отбл
То как
Я не б
Есть у
Но не
На утр
И мой
И обра
Никем
В моей
Считая
Вылета
И ста
Чтоб

ВУЗОРЦЕВ [illegible] Ф. Юс

КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне,
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как немощный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я,
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема, тогда она войдет,
В моей крови ее неутоленный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.
И станет внятен всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед.

Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

1 (14) января 1922

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

* * *

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне

21 января 1940

Николай АСЕЕВ

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

ВУЗОВКА. Худ. П. Г. Ряжский

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза

Я люблю тебя, ту самую,
все нежней и все теснен,
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя.

Где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

1926

Борис ПАСТЕРНАК

ПАМЯТИ РЕЙСНЕР

Лариса, вот когда посожалею,
Что я не смерть и ноль в сравненьи с ней.
Я б разузнал, чем держится без клею
Живая повесть на обрывках дней.

Как я присматривался к матерьялам!
Валились зимы кучей, шли дожди,
Запахивались вьюги одеялом
С грудными городами на груди.

Мелькали пешеходы в непогоду,
Ползли возы за первый поворот,
Года по горло погружались в воду,
Потоки новых запружали брод.

А в перегонном кубе все упрямей
Варилась жизнь, и шла постройка гнезд
Работы оцепляли фонарями
При свете слова, разума и звезд.

Осмотришься, какой из нас не сваляй
Из хлопьев и из недомолвок мглы?
Нас воспитала красота развалин,
Лишь ты превыше всякой похвалы.

Лишь ты, на славу сбитая боями,
Вся сжатым залпом прелести рвалась.
Не ведай жизнь, что значит обаянье,
Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз.

Ты точно бурей грации дымилась,
Чуть побывав в ее живом огне,
Посредственность впадала вмиг в немилость,
Несовершенство навлекало гнев.

Бреди же в глубь преданья, героиня.
Нет, этот путь не утомит ступни.
Ширяй, как высь, над мыслями моими:
Им хорошо в твоей большой тени.

1926

* * *

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь.
Все это — не большая хитрость.

1931

* * *

Все снег да снег,— терпи и точка.
Скорей уж, право б, дождь прошел
И горькой тополевой почкой
Подруги сдобрил скромный стол.

Зубровкой сумрак бы закапал,
Укропу к супу б накрошил,
Бокалы,— грохотом вокабул,
Латынью ливня оглушил.

Тупицу б двинул по затылку,—
Мы в ту пору б оглохли, но
Откупорили б, как бутылку,
Заплесневелое окно.

И гам ворвался б: «Ливень заслан
К чертям, куда Макар телят
Не ганивал...» И солнце маслом
Асфальта б залило салат.

А вскачь за громом, за четверкой
Ильи Пророка, под струи —
Мои телячьи бы восторги,
Телячьи б нежности твои.
1931

* * *

Любимая,— молвы слащавой,
Как угля, вездесуща гарь.
А ты — подспудной тайной славы
Засасывающий словарь.

А слава — почвенная тяга
О, если б я прямей возник!
Но пусть и так,— не как бродяга,
Родным войду в родной язык.

Теперь не сверстники поэтов,
Вся ширь проселков, меж и лех
Рифмует с Лермонтовым лето
И с Пушкиным гусей и снег.

И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердье,
Зарифмовали нас вдвоем.

Чтоб мы согласья сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть.
1931

* * *

Красавица моя, вся стать,
Вся суть твоя мне по́ сердцу,
Вся рвется музыкою стать
И вся на рифмы просится.

АЛЛЕЯ ПАРКА. 1933 г. Худ. И. И. Ры[illegible]

А в рифмах умирает рок,
И правдой входит в наш мирок
Миров разноголосица

И рифма не вторенье строк,
А гардеробный номерок,
Талон на место у колонн
В загробный гул корней и лон.

И в рифмах дышит та любовь,
Что тут с трудом выносится,
Перед которой хмурят бровь
И морщат переносицу.

И рифма не вторенье строк,
Но вход и пропуск за порог,
Чтоб сдать, как плащ за бляшкою,
Болезни тягость тяжкую.
Боязнь огласки и греха
За громкой бляшкою стиха.

Красавица моя, вся суть,
Вся стать твоя, красавица,
Спирает грудь и тянет в путь,
И тянет петь и — нравиться.

Тебе молился Поликлет,
Твои законы изданы.
Твои законы в далях лет
Ты мне знакома издавна.

1931

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют!
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1942

Илья ЭРЕНБУРГ

* * *

Наши внуки будут удивляться,
Перелистывая страницы учебника:

«Четырнадцатый семнадцатый девятнадцатый
Как они жили?.. Бедные!.. Бедные!..»
Дети нового века прочтут про битвы,
Звучат имена вождей и ораторов,
Цифры убитых
И даты.
Они не узнают, как [illegible] на поле брани розы,
Как меж голосами пушек стрекотали звонко стрижи,
Как была прекрасна в те годы
Жизнь.
Никогда, никогда солнце так радостно не смеялось,
Как над городом разгромленным,
Когда люди, выползая из подвалов,
Дивились: есть еще солнце!..
Гремели речи мятежные,
Умирали ярые рати,
Но солдаты узнали, как могут пахнуть подснежники
За час до атаки.
Вели поутру, расстреливали,
Но только они узнали, что значит апрельское утро.
В косых лучах купола горели,
А ветер молил: обожди! минуту! еще минуту!..
Целуя, не могли оторваться от грустных губ,
Не разжимали крепко сцепленных рук,
Любили — умру! умру!
Любили — гори, огонек, на ветру!
Любили — о, где же ты? где?
Любили — как могут любить только здесь, на мятежной
и нежной звезде.

В те годы не было садов с золотыми плодами.
Но только мгновенный цвет [illegible] обреченный миг!
В те годы не было «до свиданья»,
Но только звонкое, короткое «прощай».
Читайте о нас — дивитесь!
Вы не жили с нами — грустите!
Гости земли, мы пришли на один только вечер
Мы любили, крушили, мы жили в наш смертный час.
Но над нами стояли звезды вечные,
И под ними зачали мы вас
В ваших очах горит еще наша тоска!

ДЕВУШКА С МЯЧОМ. Худ. Ю. П. Пименов

В ваших речах звенят еще наши мятежи.
Мы далеко расплескали в ночь и в века, в века
Нашу угасшую жизнь.

Март 1919

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

РАССТАВАНЬЕ С ЮНОСТЬЮ

Ну что ж! Простимся. Так и быть.
Минута на пути.
Я не умел тебя любить,
Веселая,— прости!

Пора быть суше и умней...
Я терпелив и скуп
И той, кто всех подруг нежней,
Не дам ни рук, ни губ.

За что ж мы чокнемся с тобой?
За прошлые года?
Раскрой рояль, вздохни и пой,
Как пела мне тогда.

Я в жарких пальцах скрыл лицо,
Я волю дал слезам
И слышу — катится кольцо,
Звеня, к твоим ногам.

Припомним все! Семнадцать лет.
Нева. Сирень. И Блок.
В кудрях у яблонь лунный свет,
Со взморья ветерок.

Любовь, экзамены, апрель
И наш последний бал,
Где в вальсе плыл, кружа метель,
Белоколонный зал.

ДЕВУШКА В ФУТБОЛКЕ. Худ. А. Н. Самохвалов

БУДУЩИЕ ЛЕТЧИКИ. Худ. А. А. Дейнека

Припомним дюны, дачный бор,
Сквозистый Летний сад,
Университетский коридор,
Куда упал закат

Здесь юность кончилась, и вот
Ударила война
Мир вовлечен в водоворот,
Вскипающий до дна

В грозе и буре рухнул век,
Насилья ночь кляня.
Родился новый человек
Из пепла и огня.

Ты в эти дни была сестрой
В косынке до бровей,
И ты склонялась надо мной,
Быть может, всех родней.

А в Октябре на братский зов,
Накинув мой бушлат,
Ты шла с отрядом моряков
В голодный Петроград.

И там, у Зимнего дворца,
Сквозь пушек торжество,
Я не видал еще лица
Прекрасней твоего!

Я отдаю рукам твоим
Штурвал простого дня.
Простимся, милая! С другим
Не позабудь меня.

Во имя правды до конца
На вечные века
Вошли, как жизнь, как свет, в сердца
Слова с броневика.

В судьбу вплелась отныне нить
Сурового пути.
Мне не тебя, а жизнь любить!
Ты, легкая, прости.

1927

Николай ТИХОНОВ

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое движение простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

РЕПЕТИЦИЯ В РАБОЧЕМ ТЕАТРЕ. 1932 г. Худ. С. В. Рянгина

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

* * *

Не заглушить, не вытоптать года,—
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство!

1921 или 1922

Степан ЩИПАЧЕВ

БЕРЕЗКА

Ее к земле сгибает ливень,
почти нагую, а она
рванется, глянет молчаливо,—
и дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
в победу веря наперед,
ее буран берет за плечи,
за руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
из силы выбьется... Она,
видать, характером прямая,
кому-то третьему верна.

1937

* * *

Любовью дорожить умейте,
с годами дорожить вдвойне.
Любовь не вздохи на скамейке
и не прогулки при луне.

Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
а песню не легко сложить.

1939

ДЕВУШКА С ЯДРОМ. Худ. А. П. Самохвалов.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я,—
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно,— сказал он тихо,—
Напиши... куда-нибудь.

1935

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

ПР[illegible] ТАТЕЛЬНИЦА Ху[illegible] Рижский

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
1938

И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

На заклте ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего
И кто его знает,
Чего он моргает

В ВОЛОСТНОМ ЗАГСЕ. Худ. А. В. Моравов.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поет,
А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: «Что невесел?
Иль не радует житье?» —
«Потерял я,— отвечает,—
Сердце бедное свое».
И кто его знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке – только точки,—
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала,—
Не напишет и не жди,—
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.
И кто его знает,
Чего оно тает.

1931

Александр КОЧЕТКОВ

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

— Как больно, милая, как странно,
Сродняясь в земле, сплетясь ветвями,—
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольемся чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся пламенной смолой.

– Пока жива, с тобой я буду,—
Душа и кровь нераздвоимы,–

Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду,—
Не забывай меня, любимый,—
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного,—
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим...

Трясясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным.
Трясясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давильне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них —

И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг!..

1938

Владимир ЛУГОВСКОЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Меня берут за лацканы,
Мне не дают покоя:
Срифмуйте нечто ласковое,
Тоскливое такое,

Чтобы пахнуло свежестью,
Гармоникой, осокой,
Чтобы людям понежиться
Под месяцем высоким,

Чтобы опять метелица
Да тоненькая бровь.
Все в мире перемелется —
Останется любовь.

Останутся хорошие
Слова, слова, слова,
Осенними порошами
Застонет голова,

Застонет, занедужится
Широкая печаль —
Рябиновая лужица,
Березовая даль.

Мне плечи обволакивают,
Мне не дают покоя —
Срифмуйте нечто лаковое,
Замшевое такое,

Чтоб шла разноголосица
Бандитских банд,
Чтобы крутил колесником
Стихов джаз-банд.

Чтобы летели, вскрикивая,
Метафоры погуще,
Чтобы искать великое
В кофейной гуще.

Вы ж будете вне конкурса
По вычурной манере,—
Показывайте фокусы
Открытия Америк.

Все в мире перекрошится,
Оставя для веков
Сафьяновую кожицу
На томике стихов.

Эй, водосточный жёлоб,
Заткнись и замолчи! —
Слова мои — тяжелые,
Большие кирпичи.

Их трудно каждый год бросать
На книжные листы.
Я строю стих для бодрости,
Для крепкой прямоты.

Я бьюсь с утра до вечера
И веселюсь при этом.
Я был политпросветчиком,
Солдатом и поэтом.

Не знаю — отольются ли
Стихи в мою судьбу,—
Морщинки Революции
Прорезаны на лбу.

Не по графам и рубрикам
Писал я жизни счет.
Советская республика
Вела меня вперед.

Я был набит ошибками,
Но не кривился в слове,
И после каждой ошибки я
Вставал и дрался снова.

И было много трусости,
Но я ее душил.
Такой тяжелый груз нести
Не сладко для души.

А ты, мой честный труд браня,
Бьешь холостым патроном,
Ты хочешь сделать из меня
Гитару с патефоном.

Тебе бы стих для именин,
Вертляв и беззаботен.
Иди отсюда, гражданин,
И не мешай работе.

1929 или 1930

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку,
Идет девятнадцатый год

В большом беломраморном зале
Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят

На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качаются [illegible],
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ. МОКРАЯ ТЕРРАСА
Х., А. М. Герасимов

Ты что впереди увидала?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон

Завтная ляжет дорога
На юг и на север — вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четвертку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь —
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет
— девятнадцатый год.

1939

Иосиф УТКИН

ПИСЬМО

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клеш!
Рассказал, что ты был под Кронштадтом.
Жив...
Но больше домой не придешь...

Он умолк.
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель.
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова,
Гоша,
Милый!..
Молю...

Приезжай...
Я тебя и такого...
И безногого...
Я люблю!

1923

ПЕСНЯ БОДРОСТИ

Други,
Это не годится!
Чуть волна на горизонте —
Вы сейчас
На квинту лица,
Весла к черту
И — за зонтик.

Пусть волна
Поднимет лапу,
Пусть волна
По веслам стукнет —
Не смеяться и не плакать,—
Песню,
Мужество
И руки!.

Кормит жизнь
Мудреной смесью,
Пробуй все, ценитель тонкий:
Не всегда медовый месяц,
Есть и прачка и
Пеленки.

Так чего же горячиться,
Если горечи подлито?
Пробуй,
Пробуй —
От горчицы
К мясу больше аппетита.

На Босфор склонились птицы,
И не смотрит тополь хмуро —
Тополь по́ осень
Гордится
Золотистой шевелюрой.

Чем же наша участь плоше?
Ах, и в будущем
И в прошлом
Столько девушек хороших
В нашем городе хорошем!..

Весел я.
Но глупо думать
Мол, поэт в веселом рвенье
Вовсе выкинул из трюма
Грусть
И мудрое сомненье.

Никогда с одной улыбкой
Человек не станет нашим.
Хорошо,
Что плачет скрипка,
Хо-ро-шо,
Что парень пляшет.

Только нам
Ложиться рано
(Не родился и не помер) —
Уйма блох
И тараканов
В нашем строящемся доме.

Значит —
Рано ставить точку
Это будет,
Это после
Ну-ка, братцы,
Ки-пя-точ-ку!
Ну-ка, милые,
За весла!

Пусть волна
Поднимет лапу,
Пусть волна
По веслам стукнет —
Не смеяться и не плакать,—
Песню!
Мужество!
И руки!..

1927

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Двое тихо говорили,
Расставались и корили:
«Ты такая...»
«Ты такой!»
Ты плохая

— «Ты плохой!..»
— «Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
— «Как я рад!!»

Дело было на вокзале.
Дело было этим летом.
Все решили. Все сказали.
Были куплены билеты.

Паровоз в дыму по пояс
Бил копытом на пути:
Голубой курьерский поезд
Вот-вот думал отойти.

— «Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
— «Как я рад!!»
Но когда...
Чудак в фуражке
Поднял маленький флажок,
Паровоз пустил барашки,
Семафор огонь зажег...

Но когда...
Двенадцать двадцать
Бьет звонок. Один. Другой.
Надо было расставаться...
— «До-ро-гая!»
— «До-ро-гой...»

— «Я такая!»
— «Я такой!»
— «Я плохая!»
— «Я плохой!»
— «Я не еду в Ленинград... Как я рада!»
— «Как я рад!!»

Ноябрь 1935

Леонид МАРТЫНОВ

* * *

Мы — футуристы невольные
Все, кто живем сейчас.
Звезды остроугольные —
Вот для сердец каркас!

Проволока колючая —
Вот из чего сплетены
Лавры благополучия
После всемирной войны.

Отгородимся от прошлого,
Стертого в порошок,
Прошлого, былью поросшего,
Скошенного под корешок.

Разве что только под лупами
Станет оно видней...
Пахнут землей и тулупами
Девушки наших дней.

1921

ПОДСОЛНУХ

1

Сонм мотыльков вокруг домовладенья
Порхал в нетерпеливом хороводе,
Но, мотыльков к себе не допуская,
Домохозяин окна затворил.
И мне, судьбой дарованному гостю,
Открыл он двери тоже неохотно.
Я понял, что ночное чаепитье
Организовано не для меня.

Я это понял.
Что же было делать?
Вошел я.
Сел к столу без приглашенья.
Густое ежевичное варенье
Таращило засахаренный глаз;
И пироги пыхтели, осуждая;
И самовар заклокотал, как тульский
Исправник, весь в медалях за усердье,—
Как будто б я все выпью, все пожру!

— Она приехала! — сказал художник.
И вот я жду: поджавши губки ангел,
Дыша пачулями, шурша батистом,
Старообразно выпорхнет к столу.

Но ты вошла...
Отчетливо я помню,
Как ты вошла — не ангел и не дьявол,
А теплое здоровое созданье,
Такой же гость невольный, как и я.
Жена ему?
Нет! Это толки, враки.
Рожденному в домашнем затхлом мраке,—
Ему, который высох, точно посох,
Вовек не целовать такой жены!

Я это понял.
Одного лишь только
Не мог понять: откуда мне знакомы
Твое лицо, твои глаза, и губы,
И волосы, упавшие на лоб?
Я закричал:
— Я видел вас когда-то,
Хотя я вас и никогда не видел.
Но тем не менье видел вас сегодня,
Хотя сегодня я не видел вас!

И, повторяя:
— Я вас где-то видел,
Хотя не видел...
Чаю?
Нет, спасибо! —
Я встал и вышел.
Вышел на веранду,
Где яростно метались мотыльки.

Ты закричала:
— Возвратитесь тотчас! —
Я на веранду дверь раскрыл широко,
И в комнату ворвалось сорок тысяч
Танцующих в прохладе мотыльков.
Те мотыльки толклись и кувыркались,
Пыльцу сшибая с крылышек друг другу,
И довели б до головокруженья,
Когда б я не глядел в твои глаза.

2

Не собирался он писать картину,
А вынул юношеские полотна
В раздумии: нельзя ль из них портянки
Скроить себе? И тупо краску скреб,
Затем его окликнули соседи.

Надевши туфли, он пошел куда-то,
Оставив полотнище на мольберте
И ящик с красками не заперев.
Заманчивым дыханием искусства
Дохнули эти брошенные вещи,
И я — хотя совсем не живописец —
Вдруг ощутил стремленье рисовать.
Тут маковое масло из бутыли
Я вылил, и на нем растер я краски,
И, размягчив в нем острый хвостик кисти,
Я к творчеству бесстрашно приступил.

Тебя я рисовал.
Но вместо тела
Изобразил я полнокровный стебель,
А вместо плеч нарисовал я листья,
Подобные опущенным крылам.
И лишь лицо оставил я похожим
У этого бессильного подобья —
Прекрасного, но пленного растенья,
Ушедшего корнями в огород.
И хрен седой растет с тобою рядом,
И хнычут репы, что земля на грядах
Черна.
И всех своим нежным ядом
Перетравить мечтает белена.
И солнца нет.
За облаками скрыто
Оно.
И огородница подходит,
Морщинистыми, дряхлыми руками
Схватила за прекрасное лицо...
Художник тут вбежал,
Он крикнул:
— Кто вам позволил рисовать?
— Идите к черту! — ему я сдержанно сказал
И тотчас
Покинул этот серый, пыльный дом.

3

— Вы ночевали на цветочных клумбах?
Вы ночевали на цветочных клумбах? —
Я спрашиваю
Если ночевали,
Какие сны вам видеть удалось?

Покинув дом, где творчество в запрете,
Весь день метался я, ища квартиру,
Но ни одна квартирная хозяйка
Меня не допустила ночевать.

Они, крестясь, захлопывали двери
И плотно занавешивали окна
Дрожащими руками.
Слишком страшен
Был вид и взгляд мой...

Наступила ночь,
И сумрачно постлал я одеяло
Меж клумб под сенью городского сада.
Но сон не брал. И травы щекотались.
И вороны рычали с тополей.

Так ночь прошла.
Рассвета не дождавшись,
По улицам сырым, туманным, серым
Я вышел за город.
В глазах двоились
Тропиночки, ведущие в поля.

И был рассвет!
Земля порозовела.
В ней зрели свеклы.
Я стоял, вдыхая
Все запахи земли порозовевшей.

Рассвет прошел. И день настал в полях.
Я не стоял — я шел вперед, вдыхая
Медвяный запах длящегося полдня,
Ища чего-то и не находя.

Но голоса растений властно шепчут:
«Ищи, ищи!»
И вдруг на перекрестке
Дорог, ведущих в будущие годы,
Ты появилась как из-под земли.

Ты закричала:
— Где вы ночевали?
Чем завтракали?
Сколько беспокойства
Вы причинили мне своим уходом!
Вторые сутки, как я вас ищу!

Все кончилось...
На розовой поляне
Пьем молоко, закусываем хлебом,
И пахнет перезрелой земляникой
Твой теплый хлеб...

Июльская земля
Нам греет ноги.
Ласкова к скитальцам
Всезнающая, мудрая природа.

Подсолнух!
Из чужого огорода
Вернулся ты в родимые поля.

1932

Борис КОРНИЛОВ

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОМ

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня.

И радость поет, не скончая,
И песня навстречу идет,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встает.

Горячее и бравое,
Бодрит меня.
Страна встает со славою
На встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнешься друзьям,
С которыми труд и забота,
И встречный, и жизнь — пополам.

За Нарвскою заставою,
В громах, в огнях,
Страна встает со славою
На встречу дня.

И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдешь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодежь.

И в жизнь вбежит оравою,
Отцов сменя.
Страна встает со славою
На встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
Когда барабанщики бьют:
За нами идут октябрята,
Картавые песни поют.

Отважные, картавые,
Идут, звеня.
Страна встает со славою
На встречу дня!

Такою прекрасною речью
О правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
Навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
Когда, звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня.

1932

Александр ТВАРДОВСКИЙ

ШОФЕР

Молодой, веселый, важный
За рулем шофер сидит,
И, кого ни встретит, каждый
Обернется, поглядит

Едет парень, припорошен
Пылью многих деревень.
Путь далекий, день хороший,
По садам цветет сирень.

В русской вышитой рубашке
Проезжает он селом,
У него сирень в кармашке,
А еще и на фуражке,
А еще и за стеклом.

И девчонка у колодца
Скромный делает кивок.
Журавель скрипит и гнется,
Вода льется на песок.

Парень плавно, осторожно
Развернулся у плетня.
— Разрешите, если можно,
Напоить у вас коня.

Та краснеет и смеется,
Наклонилась над ведром:
— Почему ж? Вода найдется,
С вас и денег не возьмем.
Где-то зазвенись, сдается?..
А вода опять же льется,
Рассыпаясь серебром.

Весь — картина,
Молодчина
От рубашки до сапог.
Он, уже садясь в кабину,
Вдруг берет под козырек.

На околице воротца
Открывает сивый дед,
А девчонка у колодца
Остается,
Смотрит вслед:
Обернется или нет?..
1937

МАТЬ И СЫН

На родного сына
Молча смотрит мать.
Что бы ей такое
Сыну пожелать?

Пожелать бы счастья —
Да ведь счастлив он.
Пожелать здоровья —
Молод и силен.

Попросить, чтоб дольше
Погостил в дому,—
Человек военный,
Некогда ему.

Попросить, чтоб только
Мать не забывал,—
Но ведь он ей письма
С полюса писал.

Чтоб не простудиться,
Дать ему совет?
Да и так уж больно
Сын тепло одет.

Указать невесту —
Где уж! Сам найдет.
Что бы ни сказала —
Ясно наперед.

На родного сына
Молча смотрит мать.
Нечего как будто
Пожелать, сказать.

Ве́рит — не напрасно
Сын летать учен.
Как ему беречься,—
Лучше знает он.

Дело, что полегче,
Не ему под стать.
Матери, да чтобы
Этого не знать!

Он летал далеко,
Дальше полетит.
Трудно — перетерпит.
Больно — промолчит.

А с врагом придется
Встретиться в бою —
Не отдаст он даром
Голову свою.

Матери — да чтобы
Этого не знать...
На родного сына
Молча смотрит мать.

1937

СОПЕРНИКИ

Он рядом сидит,
    он беседует с нею,
Свисает гармонь
    на широком ремне.
А я на гармони
    играть не умею.
Завидно, обидно,
    невесело мне

Он с нею танцует —
    особенно как-то:
Рука на весу
    и глаза в полусне.
А я в этом деле,
    действительно, трактор,—
Тут даже и пробовать
    нечего мне.

Куда мне девать
    свои руки и ноги,
Кому рассказать
    про обиду свою?
Пройдусь, постою,
    закурю, одинокий,
Да снова пройдусь,
    да опять постою.

Добро бы я был
    ни на что не умелый,
Добро бы какой
    незадачливый я.

Но слава моя
до Москвы долетела.
И всюду работа
известна моя.

Пускай на кругу
ничего я не стою.
А он на кругу —
никому не ровня.
Но дай-ка мы выедем
в поле с тобою,—
Ты скоро бы пить
запросил у меня.

Ты руку ей жмешь.
Она смотрит куда-то.
Она меня ищет
глазами кругом.
И вот она здесь
И глядит виновато,
И ласково так,
и лукаво притом.

Ты снова играешь
хорошие вальсы,
Все хвалят, и я тебя
тоже хвалю.
Смотрю, как работают
хитрые пальцы,
И даже тебя
я ценю и люблю.

За то, что кругом
все хорошие люди,
За то, что и я
не такой уж простак.
За то, что всерьез
не тебя она любит,
А любит меня.
А тебя только так...

1937

* * *

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой.

ЗА САМОВАРОМ
Худ. К. С. Петров-Водкин

Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты,
Милый мой, не зазнавайся:
Не один на свете ты.

Разрешив тебе заметить,
Мой мальчишка дорогой,
Был бы ты один на свете —
И вопрос тогда другой.

За глаза и губы эти
Все простилось бы тебе.
Был бы ты один на свете —
Равных не было б тебе.

Ну, а так-то много равных,
Много, милый, есть таких.
Хорошо еще, мой славный,
Что и ты один из них.

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой...

1937

Звезды, звезды, как мне быть,
Звезды, что мне делать,
Чтобы так ее любить,
Как она велела?

Вот прошло уже три дня,
Как она сказала:
— Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Все на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

1938

Ярослав СМЕЛЯКОВ

* * *

Гаснут звезды.
Молчанье.
Низом
Ходит стужа.
Стоит плетень.
Все.
По-моему, словом «Лиза»
Начинается светлый день.
Наша улица загудела.
Это значит —
Она идет.
Кофта белая,
Пояс белый.
Остановится! Повернет?

Нет, ей некогда.
Не затем ли
Я лишился привычных снов,
Чтоб страдали и пели земли
От неслышных ее шагов.
Чтобы дверь испытала муку,
Постовые лишились сна,
Оттого что, откинув руку,
Через площадь идет она.

Застонали в чехлах гобои,
Заворочались молотки.
Небо синее в голубое
Превращается от тоски.
Вот проходит.
У поворота
Начинают сиять цветы.
Прямо в ноги ей самолеты
Опускаются с высоты.
А подушка у изголовья
Чуть примята —
Скрипит кровать.
Что мне делать
С такой любовью?
Я боюсь ее рифмовать.

1934

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Валентиной
Климовичи дочку назвали.
Это имя мне дорого —
символ любви.
Валентина Аркадьевна.
Валенька.
Валя.
Как поют,
как сияют
твои соловьи!

Три весны
прошумели над нами,
как птицы,
три зимы
намели-накрутили снегов.
Не забыта она
и не может забыться:
все мне видится,
помнится,
слышится,
снится,
все зовет,
все ведет,
все тоскует — любовь.

Если б эту тоску
я отдал океану —
он бы волны катал,
глубиною гудел,
он стонал бы и мучился
как окаянный,
а к утру,
что усталый старик,
поседел.

Если б с лесом,
шумящим в полдневном веселье,
я бы смог поделиться
печалью своей —
корни б сжались, как пальцы,
стволы заскрипели,
и осыпались
черные листья с ветвей.

Новая Москва XX в. Ю. И. Пименов

Если б звонкую силу,
что даже поныне
мне любовь
вдохновенно и щедро дает,
я занес бы
в бесплодную сушу пустыни
или вынес
на мертвенный царственный лед —
расцвели бы деревья,
светясь на просторе,
и во имя моей,
Валентина, любви
рокотало бы
теплое синее море,
пели в рощах вечерних
один соловьи.

Как ты можешь теперь
оставаться спокойной,
между делом смеяться,
притворно зевать
и в ответ
на мучительный выкрик,
достойно
опуская большие ресницы,
скучать?

Как ты можешь казаться
чужой,
равнодушной?
Неужели
забавою было твоей
все, что жгло мое сердце,
коверкало душу,
все, что стало
счастливою мукой моей?

Как-никак,
а тебя развенчать не посмею.
Что ни что,
а тебя позабыть не смогу.
Я себя не жалел,
а тебя пожалею.
Я себя не сберег,
а тебя сберегу.

1938

* * *

Я посвятил всего себя искусству
на перекрестках не кричать о чувствах,
а всей душою Родину любить.
И научился в ровном постоянстве,
так много прежде в упоенье странствий,
свое простое счастье находить.
Там, на реке, над крышей ледяною,
укрытая замерзшей пеленою,
журчит в пути прозрачная волна.
И так же снег, сверкающий и льдистый,
в тиши зимы своим дыханьем чистым
отогревает хлеба семена.

1939

* * *

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь:
вечно живем!
Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем.

1940

БУДУЩЕЕ

Я рад,
что умею в громадном и малом —
во всем, что привык
ежедневно встречать,
по легким движеньям,
по робким началам
крупицы грядущего
вдруг угадать.
Я горд, что страны
трудовое старанье,

что наши дела
не пропали во мгле.
Всемирной коммуны
огромное зданье
стоит на возделанной
нами земле.
Мы сами его заложили
фундамент
и начали строить
четыре стены
из бревен, что были
отгружены нами
на первых субботниках
нашей страны.
Я рад,
что, дома защищая от пыли,
у окон Коммуны
листвою шумят
деревья,
которые вкопаны были
в День леса
ручонками наших ребят.
Не в эти ли
солнцем облитые дали
глядели бойцы
героических дней,
когда
за пайками бессмертья стояли
в огне
пулеметных очередей?
Известно,
что будут в ангарах планеты
машины к машинам
стоять без конца,
но мне интереснее
техники этой
сердца человечьи,
людские сердца.
Не верю,
что, блестками солнца унизан,
ты явишься нам
ангелочка светлей,
ты будешь таким же,
боец коммунизма,
как лучшие люди
Отчизны моей.
Когда в середину
враждебного круга

снижается летчик
из туч снеговых,
чтоб вынести сбитого
пулею друга
в свое окруженье,
на крыльях своих;
когда под землей,
побледнев от волненья,
врубаясь
в беззвучную толщу пород,
забойщик,
в слепящем огне вдохновенья,
двадцатую норму
за смену дает,—
грядущее,
ты придвигаешься ближе,
и я в этот час
сквозь пласты темноты,
сквозь снег и сквозь уголь
отчетливо вижу
твои,
человек коммунизма,
черты.

1940

КОММЕНТАРИИ

I

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893—1930) – величайший поэт революции, один из выдающихся первооткрывателей социалистического реализма и основоположников советской литературы.

Ода революции (стр. 20) опубликована 7 ноября 1918 г. – в первую годовщину Октября. Блаженный стропила соборовы тщетно возносит, поцелуду моля... – в октябрьских боях 1917 г. в Москве от артиллерийского обстрела пострадал и собор Василия Блаженного. «Слава» – крейсер Балтийского флота. В октябре 1917 г. героически погиб в сражении с немецкой эскадрой, выступившей против революционного Петрограда.

Левый марш (стр. 21). Маяковский впервые прочитал 17 декабря 1918 г. революционным балтийцам в Петрограде в Матросском театре бывшего гвардейского экипажа. В 1930 г., выступая в Доме комсомола Красной Пресни, он рассказал, как было создано это стихотворение: «Мне позвонили из бывшего гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихотворение, и вот я на извозчике написал «Левый марш». Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы, а тут только объединил адресованные к матросам».

БЛОК Александр Александрович (1880—1921) – великий русский поэт, один из крупнейших лириков XX века.

Двенадцать (стр. 23). В записной книжке 8 января 1918 г. Блок пишет: «Весь день — «Двенадцать». Внутри дрожит». В течение последующих трех недель с небольшими перерывами напряженная работа над поэмой продолжалась. И вот итоговая запись 29 января о завершении этой работы в состоянии титанического напряжения: «Страшная тяга возвращающегося во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь... Сегодня я — гений». Одно из величайших творений Блока создавалось в дни, когда такое чувство времени, могучее вдохновение с неожиданной мощью вновь окрылило его работу. Чувство накапливавшейся творческой энергии было вызвано глубоким осознанием и искренним принятием всего того, что несла с собой очистительная буря революции. «Поэма написана,— отмечал он впоследствии,— в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях природы, жизни и искусства».

Как и Маяковский, без колебаний признавший тогда же «моя революция», Блок в разгар работы над поэмой — 11 января 1918 г.— в записной книжке убежденно выводит: «Наша революция». Поэма впервые увидела свет 18 февраля (3 марта по н. ст.) 1918 г. на страницах газеты «Знамя труда», в апреле ее перепечатал журнал «Наш путь» (№ 1), а в мае вместе со стихотворением «Скифы» она была издана отдельной книжкой.

Скифы (стр. 25) написаны 30 января 1918 г.— на следующий день после того, как в основном завершилась работа над поэмой «Двенадцать». **Скифы** – воинственные кочевники, населявшие степи Причерноморья в VII – III вв. до н. э. **Провал и Лиссабона и Мессины!** Землетрясением 1908 г. был сметен с лица земли южно-итальянский город Мессина, что явилось, по мнению Блока, страшным предзнаменованием надвигающихся исторических событий в Европе, так же как и гибель Лиссабона от землетрясения в 1755 г. стала предвестником французской революции конца XVIII в. **Пестум** – древнегреческая колония в Южной Италии, уничтоженная сарацинами (арабами) в IX в. **Эдип** – древнегреческий герой, разгадавший загадку сфинкса и освободивший жителей Фив от чудовища. **Гунны** – кочевое племя гуннов, разорившее в IV – V вв. многие области восточной Европы, в том числе и юг России, в переносном значении – жестокий варвар, разрушитель.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873—1924) – по словам Горького, «самый культурный писатель на Руси». В историю русской литературы и культуры он вошел как поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик.

КОММЕНТАРИИ

I

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893—1930) — величайший поэт революции, один из выдающихся первооткрывателей социалистического реализма и основоположников советской литературы.

Ода революции (стр. 20) опубликована 7 ноября 1918 г.— в первую годовщину Октября. **Блаженный стропила соборовы тщетно возносит, пощаду моля...**— в октябрьских боях 1917 г. в Москве от артиллерийского обстрела пострадал и собор Василия Блаженного. **«Слава»** — крейсер Балтийского флота. В октябре 1917 г героически погиб в сражении с немецкой эскадрой, выступившей против революционного Петрограда.

Левый марш (стр. 21) Маяковский впервые прочитал 17 декабря 1918 г. революционным балтийцам в Петрограде в Матросском театре бывшего гвардейского экипажа. В 1930 г., выступая в Доме комсомола Красной Пресни, он рассказал, как было создано это стихотворение: «Мне позвонили из бывшего гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихотворение, и вот я на извозчике написал «Левый марш». Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы, а тут только объединил адресованные к матросам».

БЛОК Александр Александрович (1880—1921) великий русский поэт, один из крупнейших лириков XX века.

Двенадцать (стр. 23). В записной книжке 8 января 1918 г. Блок пишет: «Весь день — «Двенадцать». Внутри дрожит». В течение последующих трех недель с небольшими перерывами напряженная работа над поэмой продолжалась. И вот итоговая запись 29 января о завершении этой работы в состоянии титанического напряжения: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь... Сегодня я — гений». Одно из вершинных творений Блока создавалось в дни, когда какое-то время молчавшее вдохновение с неожиданной мощью вновь окрылило его работу. Этот взрыв накапливавшейся творческой энергии был вызван глубоким осознанием и искренним принятием всего того, что несла с собой очистительная буря революции. «...Поэма написана,— отмечал он впоследствии,— в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства».

Как и Маяковский, без колебаний заявивший тогда же «моя революция», Блок в разгар работы над поэмой — 11 января 1918 г.— в записной книжке убежденно выводит: «Наша революция». Поэма впервые увидела свет 18 февраля (3 марта по н. ст.) 1918 г. на страницах газеты «Знамя труда», в апреле ее перепечатал журнал «Наш путь» (№ 1), а в мае вместе со стихотворением «Скифы» она была издана отдельной книжкой.

Скифы (стр. 25) написаны 30 января 1918 г.— на следующий день после того, как в основном завершилась работа над поэмой «Двенадцать». **Скифы** — воинственные кочевники, населявшие степи Причерноморья в VII—III вв. до н. э. **Провал и Лиссабона и Мессины!** — Землетрясением 1908 г. был сметен с лица земли южно-итальянский город Мессина, что явилось, по мнению Блока, суровым предзнаменованием надвигающихся исторических событий в Европе, так же как и гибель Лиссабона от землетрясения в 1755 г. стала предвестником французской революции конца XVIII в. **Пестум** — древнегреческая колония в Южной Италии, уничтоженная сарацинами (арабами) в IX в. **Эдип** — древнегреческий герой, разгадавший загадку сфинкса и освободивший жителей Фив от чудовища. **Гунны** — кочевое племя тюрков, разорившее в IV—V вв. многие области восточной Европы, в том числе и юг. России; в переносном значении — жестокий варвар, разрушитель.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873—1924) - по словам Горького, «самый культурный писатель на Руси». В историю русской литературы и культуры внес крупный вклад как поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик.

Товарищам интеллигентам (стр. 28). **Инвектива** — резкое выступление против кого-либо, чего-либо; обличение; оскорбительная речь; выпад. Герберт **Уэллс** (1866—1946) — английский писатель, родоначальник научно-фантастической литературы XX в. Джек **Лондон** (1876—1916) — один из самых популярных американских писателей, зачинатель революционной литературы США. Пьер **Леру** (1797—1871) — французский философ и социалист-утопист.

«Я вырастал в глухое время...» (стр. 29).

Цусима и Мукден — последние из самых кровопролитных сражений на море и на суше в русско-японской войне 1904—1905 гг., означавшие, по словам В. И. Ленина, «...не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— 5-е изд.— Т. 10.— С. 252).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — поэт, прозаик, литературный критик и теоретик, крупнейший представитель русского символизма.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ (Ефим Алексеевич Придворов; 1883—1945) — один из основоположников советской литературы, член Коммунистической партии с 1912 г.

Проводы (стр. 32) — одно из самых популярных стихотворений в двадцатые-тридцатые годы, положенное в 1922 г. на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем. Родилась эта песня вскоре после беседы В. И. Ленина с Д. Бедным. Владимир Ильич, как вспоминал потом поэт, говорил: «Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, Советскому государству,— раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг,— прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое, и т. д.» (Бедный Д. Собр. соч.: В 8 т.— М., 1963—1965.— Т. 8.— С. 312). **Малюта** от имени думного дворянина, царского палача при Иване Грозном, Малюты Скуратова.

Главная Улица (стр. 35). Поэма написана к пятой годовщине Великого Октября и впервые была опубликована в газете «Правда» 7 ноября 1922 г. С тех пор включалась едва ли не во все антологии, хрестоматии и сборники революционной поэзии как одно из лучших произведений Д. Бедного.

ДЖАБАЕВ Джамбул (1846—1945) — казахский народный поэт-акын, лауреат Государственной премии СССР.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933) — политический деятель, критик, публицист, литературовед, искусствовед, драматург, переводчик. Член Коммунистической партии с 1895 г. С 1917 г.— нарком просвещения, один из организаторов советской системы образования. Академик.

КАМЕНСКИЙ Василий Васильевич (1884—1961) — поэт, прозаик, драматург. Прошел сложный жизненный путь: в 1905 г. возглавлял революционный стачечный комитет в Нижнем Тагиле, в 1910 г. стал одним из первых русских летчиков-профессионалов, участвовал в гражданской войне. Печататься начал в 1908 г. как представитель футуризма.

ХЛЕБНИКОВ Велимир (Виктор) Владимирович (1885—1922) крупнейший представитель русского футуризма, поэт-новатор, значительно расширивший художественно-изобразительные возможности современного стиха. Его жизнь и творчество Маяковский характеризовал как пример «настоящего подвижничества, мученичества за поэтическую идею» (Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т.— М., 1955—1961. Т. 12.— С. 28).

Воля всем (стр. 47) Непринявший Февральскую буржуазно-демократическую революцию, Велимир Хлебников стал одним из пламенных певцов Великого Октября. Стихотворение «Воля всем» — романтический гимн революционерам, «людям с крылом лебединым», принесшим долгожданную свободу стране,

избавившим человека от всех видов угнетения - социально-политического, национального, религиозного («волю дадим и богам...»).

Не шалить! (стр. 47). В стихотворении поэт едва ли не первым выразил встревоженность тем, что вместе с нэпом возрождалось мещанство, множились частнособственнические настроения, с чем партия и советский народ повели решительную борьбу.

АХМАТОВА (Горенко) Анна Андреевна (1889—1966) — одна из крупнейших советских поэтов-лириков. «Лирика Анны Ахматовой,— писал А. Твардовский,— неотъемлемая часть нашей национальной культуры, одна из живых и не утрачивающих свежести ветвей на древе великой русской поэзии» (Твардовский А. Т. Собр. соч. В 6 т.— М., 1976—1983. Т. 5.— С. 273).

«Мне голос был. Он звал утешно...» (стр. 48). Это стихотворение Ахматовой стало в советской революционной поэзии хрестоматийным. В нем нашла отражение острая для первых послереволюционных лет проблема главного выбора, вставшая перед русской интеллигенцией,— оставаться со своим народом, со своей страной или предательски бежать в эмиграцию. Сама Ахматова свой выбор сделала без колебаний. Это ее стихотворение любил и знал наизусть А. А. Блок. По словам К. Чуковского, он говорил: «Ахматова права. Это недостойная речь. Убежать от русской революции — позор» (Чуковский К. Современники.— М., 1962.— С. 483—484).

Стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...» (стр. 48) явилось патриотической отповедью бежавшим в эмиграцию и клеветавшим на тех, кто остался в революционной России.

АСЕЕВ Николай Николаевич (1889—1963) советский поэт, лучшие свои строки посвятивший героике революции, романтике социалистического созидания.

Кумач (стр. 49). Красные ворота — название ныне не существующей триумфальной арки в Москве. **Иван Калита** — князь Московский и великий князь Владимирский, собиратель русских земель под властью Москвы.

Марш Буденного (стр. 50) — стихотворение, ставшее популярной песней.

Синие гусары (стр. 51) — одно из лучших произведений Асеева. Посвящено 100-летию героического восстания декабристов. **Санки по Фонтанке летят вперед.**— У Никиты Муравьева, проживавшего на набережной реки Фонтанки в Петербурге, тайно встречались декабристы. **Литейный** — проспект в Петербурге **Ментик** — гусарская накидка. **Южное братство** — Южное общество декабристов. **«Цыганы»** — отрывки из этой поэмы А. С. Пушкина были опубликованы в 1825 г. в альманахе «Полярная звезда», издаваемом А. Бестужевым и К. Рылеевым.

ИВНЕВ Рюрик (Михаил Александрович Ковалев; 1891—1981) - поэт, прозаик, драматург, критик. Близкий друг С. Есенина. После Октября — секретарь народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, который позже вспоминал, что Ивнев «первый среди литераторов приложил большие усилия к привлечению интеллигенции в дело нового строительства».

ТЫЧИНА Павло Григорьевич (1891—1967) — украинский поэт, общественный деятель. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР.

ТАБИДЗЕ Галактион Васильевич (1892—1959) народный поэт Грузинской ССР, после Великого Октября активно участвовал в становлении Советской власти в Грузии.

Аргонавты новой эпохи (стр. 60). **Аргонавты** герои древнегреческой мифологии, смелые мореплаватели, отправившиеся на корабле «Арго» в Колхиду (древнее название западной Грузии) за золотым руном (шерстью) волшебного барана. **Фазис** древнегреческое название реки Рион.

ЕСЕНИН Сергей Александрович (1895—1925) один из величайших рус

ских поэтов, наряду с Горьким, Маяковским и другими родоначальник советской литературы. «Со времени Кольцова, — писал Б. Пастернак, — земля Русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин... Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией» (Цит. по: Есенин С. А. Собр. соч.: В 6 т.— М., 1977—1980. Т. 1.— С. 56).

Кантата (стр. 60) — стихотворение Есенина вошло второй частью в «Кантату», положенную на музыку И. Н. Шведовым (первая часть написана М. Герасимовым, третья — С. Клычковым). «Кантата» была написана к 7 ноября 1918 г. В этот день открывалась мемориальная доска на Кремлевской стене (работы С. Т. Коненкова), посвященная героям революции, павшим в боях за Советскую власть. Речь на открытии мемориальной доски произнес В. И. Ленин. Об этом событии скульптор С. Т. Конёнков вспоминал:

«В последние дни работы над мемориальной доской я буквально жил у Кремлевской стены. Не раз приходили сюда Есенин, Клычков и Герасимов. Авторы «Кантаты» с большим вниманием слушали мои объяснения, подолгу вглядывались в символические образы мемориального рельефа. Мы вместе ждали торжественного часа. Наконец все было готово. Красный занавес скрыл своими складками доску, которую должен был открыть лично Владимир Ильич Ленин.

С утра 7 ноября 1918 года Красная площадь начала заполняться делегациями заводов и фабрик, красноармейских частей.

Я не успел опомниться, как увидел Владимира Ильича, который шел пешком к Сенатской башне.

Владимир Ильич поздоровался со мной, как со старым знакомым. Началась короткая церемония открытия ..

Владимир Ильич разрезал красную ленту. Когда раскрылся занавес, заиграл оркестр, и хор исполнил «Кантату». Помню, как торжественно прозвучали строки, написанные Есениным» (Воспоминания о Сергее Есенине. – М.: 1975.— С. 200—201).

БАГРИЦКИЙ (Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895—1934). После Великого Октября в рядах Красной Армии сражается на фронтах гражданской войны. Его поэзия пронизана духом революционной романтики, окрылена жизнеутверждающим пафосом героического созидания социализма.

Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым (стр. 61). **Н. Дементьев** — поэт (см. настоящий сб., стр. 219). Друг Багрицкого, написавший стихотворный «Ответ Эдуарду».

ТИХОНОВ Николай Семенович (1896—1979) один из зачинателей советской поэзии. Герой Социалистического Труда. Лауреат Международной Ленинской, Ленинской (литературной) премий и Государственных премий СССР.

Баллада о гвоздях (стр. 66). «Тема этого стихотворения,— писал Н. С. Тихонов в предисловии к книге «Перекличка героев» (М., 1970),— замечательный героизм революционных моряков, идущих на смертельное задание и выполняющих его. Эта тема зародилась во мне еще осенью семнадцатого года, когда моряки Балтийского флота в жестоких морских боях показали поразительное бесстрашие и высокое мужество, отбивая попытки германского флота захватить Ирбенский пролив и архипелаг Моонзунд». Об этом замысле поэту напомнили события осени 1919 г. Юденич рвался к Петрограду, суда английских интервентов помогали ему с моря. Революционные моряки, рискуя жизнью, установили в Конорском заливе минные заграждения. О подвиге балтийцев Тихонов и написал свое стихотворение. «Мне казалось,— говорил он, — что нет на свете крепче этих стальных, закаленных легендарных моряков Балтфлота, кричавших «ура!», погибая. Они шли на смертельную операцию, исполняя приказ, не страшась смерти».

УШАКОВ Николай Николаевич (1899—1973) поэт, переводчик, критик. Основные книги: «Весна Республики» (1927), «Путешествия» (1940), «Геодезия» (1967).

СУРКОВ Алексей Александрович (1899–1983) поэт, общественный деятель, Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий СССР. Автор популярных песен, в том числе «Конармейская», «Бьется в тесной печурке огонь...».

Октябрь (стр. 70). В стихотворении называются предприятия Петрограда по фамилиям их владельцев: **Лесснер** машиностроительный завод на Выборгской стороне; **Парвиайнен** металлический завод на Васильевском острове; **Айваз** – инструментальный завод на Выборгской стороне; **«Вестингауз»** трест электротехнической промышленности; **«Скороход»** обувная фабрика; **Торнтон** – фабрика шерстяных изделий на правом берегу Невы; **Наль** прядильно-ткацкая фабрика; **Пороховые** – пороховые заводы и т. д.

СЕЛЬВИНСКИЙ Илья (Карл) Львович (1899—1968) боец Красной гвардии в годы гражданской войны, спецкор «Правды» на легендарном ледоколе «Челюскин» в 1933—1934 гг., участник Великой Отечественной войны. Героика борьбы и труда – главный нерв лиро-эпического творчества Сельвинского. Его поэзию отличает высокая стиховая культура, виртуозное экспериментаторство. Лауреат Государственной премии СССР.

Улялаевщина (стр. 73). **«Сакс», «севр»** сокращенные названия саксонского и севрского сортов фарфора. **Мазур, Стоход** районы в Белоруссии, где проходили бои.

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич (1900—1971) поэт. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

ЛУГОВСКОЙ Владимир Александрович (1901—1957) в годы гражданской войны сражался в рядах Красной Армии. Поэт-романтик, воспевавший героику Октября и социалистического созидания. Его поэзия характеризуется эпической широтой.

Песня о ветре (стр. 78). **Улагай** — белогвардейский генерал. **«Эх, шарабан мой, американка!..»** — из песенки времен гражданской войны.

СВЕТЛОВ Михаил Аркадьевич (1903—1964) в годы гражданской войны – доброволец Красной Армии. Автор пользовавшихся широкой популярностью стихов, воспевавших романтику революции, комсомольскую юность («Гренада», «Рабфаковке», «Маленький барабанщик», «Песня о Каховке»). Лауреат Ленинской премии.

ГОЛОДНЫЙ (Эпштейн) Михаил Семенович (1903—1949) — автор стихов и песен, популярных в тридцатые годы: «Песня о Щорсе», «Партизан Железняк» и др.

МАРТЫНОВ Леонид Николаевич (1905—1980) — в советской поэзии один из ярких представителей философской лирики, отмеченной новаторским поиском в области формы (сборники «Лукоморье», 1945; «Гиперболы», 1972; «Узел бурь», 1979). Лауреат Государственной премии СССР.

КОРНИЛОВ Борис Петрович (1907—1938) — комсомольский поэт-лирик, автор популярных песен (в том числе «Песни о встречном», положенной на музыку Д. Д. Шостаковичем).

Фронтовики (стр. 96). **Вильгельм** — последний германский император Вильгельм II. **Во спасенье Николая** — имеется в виду последний русский царь Николай II.

ГУСЕВ Виктор Михайлович (1909—1944) — поэт, драматург. Автор пьесы в стихах «Слава» (1936) и др., киносценариев «Свинарка и пастух» (1941), «В шесть часов вечера после войны» (1944), песни «Полюшко-поле». Лауреат Государственных премий СССР.

Октябрьский смотр (стр. 97). **АМО** автозавод в Москве (ныне им. Лихачева). **Шеврон** — нашивка из галуна в форме угла. **Гуверова благо-**

дать имеется в виду реакционная деятельность «Американской администрации помощи» во главе с Гувером, поддерживавшая в Европе всех, кто выступал против Советской России.

ВАСИЛЬЕВ Павел Николаевич (1910—1937) автор остроконфликтных поэм и стихотворений, посвященных событиям гражданской войны, коллективизации («Песня о гибели казачьего войска», «Кулаки», «Христолюбивые ситцы» и др.). По изобразительным средствам его поэзия близка народно-песенному творчеству.

КУЛЬЧИЦКИЙ Михаил Валентинович (1919—1943) печататься начал в шестнадцать лет. Его несомненная одаренность, поэтическая зрелость были замечены в годы учебы в Литературном институте. С первых дней Великой Отечественной войны он в армии. Погиб под Сталинградом в январе 1943 г.

АЛТАУЗЕН Джек (Яков Моисеевич; 1917—1942) – поэт-романтик В годы Великой Отечественной войны награжден орденом Красного Знамени. Погиб в бою под Харьковом.

II

Владимир Ильич! (стр. 110) — стихотворение Маяковский написал к 50-летию со дня рождения В. И. Ленина и прочитал его 28 апреля 1920 г. на ленинском вечере в Московском Доме печати.

Мы не верим! (стр. 111). Написано в связи с болезнью В. И. Ленина в марте 1923 г.

Разговор с товарищем Лениным (стр. 113). Написано к пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

АКОПЯН Акоп (1866—1937) — народный поэт Армении и Грузии, зачинатель армянской пролетарской поэзии.

СТАЛЬСКИЙ (Гасанбеков) Сулейман (1869—1937) — народный лезгинский поэт, основоположник советской литературы Дагестана.

Снежинки (стр. 120). Написано к годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Текст положили на музыку М. Коваль, М. Красев, Я. Солодухо и др.

ПОЛЕТАЕВ Николай Гаврилович (1889—1935) — поэт-лирик, автор одного из самых популярных стихотворений о В. И. Ленине — «Портретов Ленина не видно...».

ИНБЕР Вера Михайловна (1890—1972). Первая книга стихов «Печальное вино» вышла в 1914 г. в Париже. В двадцатые и тридцатые годы в качестве корреспондента разъезжает по Советскому Союзу и Западной Европе, пишет стихи, поэмы, очерки, статьи. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. За поэму «Пулковский меридиан» (1943) удостоена Государственной премии СССР.

Пять ночей и дней (стр. 124). В поэтической Ленинниане это одно из лучших стихотворений.

Капитан земли (стр. 126). Написано Есениным к годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (1890—1960) широкую известность завоевал уже в первые послереволюционные годы, когда вышел сборник «Сестра моя — жизнь» (1922). Затем последовали книги и лирические циклы «Темы и вариации» (1923), «Поверх барьеров» (1929), «Второе рождение» (1932), «Когда разгуляется» (1956—1959), историко-революционные поэмы «Девятьсот пятый год» (1925—1926) и «Лейтенант Шмидт» (1926—1927).

Ему принадлежат талантливые переводы произведений Шекспира, Гете, Шиллера, Рильке, Верлена, грузинских поэтов.

РЫЛЬСКИЙ Максим Фадеевич (1895—1964) — украинский поэт, общественный деятель, академик АН СССР. Один из лучших переводчиков на украинский язык произведений Пушкина, Мицкевича, «Слова о полку Игореве». Лауреат Ленинской и Государственных премий СССР.

СОСЮРА Владимир Николаевич (1898—1965) - украинский поэт, автор стихов и поэм о социалистической нови на Украине, о борьбе за мир. Лауреат Государственной премии СССР.

ЧАРЕНЦ Егише (Согомонян Егише Абгарович; 1897—1937) — армянский поэт, переводчик Пушкина, Маяковского, Есенина на армянский язык.

БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич (1898—1973) - один из лучших комсомольских поэтов. Автор поэм «Комсомолия» (1924), «Трагедийная ночь» (1930—1963), песни «Молодая гвардия» и др.

ДЖАЛИЛЬ Муса Мустафович (1906—1944) — татарский поэт. Казнен фашистами в годы Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза. Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР (посмертно).

III

Не юбилейте! (стр. 136). **Почище японских землетрясений** — в 1923—1925 гг. по Японии прокатилась волна разрушительных землетрясений. **Англия бастующих шахт** — в 1926 г. состоялась крупная забастовка английских шахтеров. **Кантон** — порт на юге Китая, в двадцатые годы ставший одним из центров национально-освободительного движения.

Товарищу Нетте—пароходу и человеку (стр. 140). **Нетте** Теодор (1896—1926) — советский дипломатический курьер, героически погибший, защищая дипломатическую почту. Его хорошо знал Маяковский. **Якобсон Р. О.** (1896—1983) — русский и американский языковед, литературовед. Уехал из России в 1921 г. Один из основателей Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков, один из основоположников структурализма в филологической науке. Был общим знакомым Маяковского и Нетте.

ИСААКЯН Аветик Саакович (1875—1957) — выдающийся армянский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

ГАСТЕВ Алексей Капитонович (1882—1941) — русский поэт, публицист, ученый, один из зачинателей движения за научную организацию труда в нашей стране.

ЯНКА КУПАЛА (Иван Доминикович Луцевич; 1882—1942) — народный поэт Белорусской ССР. Лауреат Государственной премии СССР.

ЯКУБ КОЛАС (Константин Михайлович Мицкевич; 1882—1956) - народный поэт Белорусской ССР. Лауреат Государственных премий СССР.

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (1884—1967) первые свои книги — «Ярь» и «Перун» — написал за десять лет до Октября. Отдав дань увлечению символизмом и акмеизмом, впоследствии он стал активным созидателем социалистической культуры. Его перу принадлежат многочисленные переводы стихов с различных языков, а также либретто к операм «Фиделио», «Лоэнгрин», «Иван Сусанин» и др.

КНЯЗЕВ Василий Васильевич (1887—1937) начинал как поэт-сатирик, автор басен, пародий, частушек, сказок. В годы революции и гражданской войны - боец Красной гвардии. Автор революционных стихов и песен, часть которых переложена на музыку (в том числе популярная «Песня Коммуны»).

МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич (1891—1938) вошел в русскую поэзию как один из ярких представителей акмеизма. Для его стихов характерны конкретно-вещественное восприятие окружающего мира, насыщенность культурно-историческими ассоциациями и мотивами, возвышенный — «одический» — стиль. В 1933 г. им написана книга «Разговор о Данте», в которой он размышляет о сущности поэзии.

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (1892—1941) поэт с трагически сложной жизненной и творческой судьбой. С 1922 по 1939 г. она на чужбине, в эмиграции, где жила одиноко и нищенски-трудно: «одна ... против всех». Не удивительно, что тема Родины — одна из самых пронзительных в ее самобытном, новаторском творчестве. Наследие Цветаевой огромно: это книги лирики, восемь стихотворных драм, семнадцать поэм, мемуарная и литературоведческая проза, дневники. «Подлинное новаторство ее поэтической речи, — отмечает Всеволод Рождественский,— было естественным воплощением в слове мятущегося, вечно ищущего истины, беспокойного духа».

Русь советская (стр. 181). **Сахаров** Александр Михайлович — (1894—1952) — издательский работник, друг Есенина.

О Пушкине (стр. 184). Написано к 125-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина.

Смерть пионерки (стр. 185). В сохранившейся стенограмме беседы с деткором «Пионерской правды» Багрицкий рассказал, как было создано это стихотворение: «У меня есть отдельное стихотворение «Человек предместья», которое предшествует «Смерти пионерки»... В семье железнодорожника, отца с мелкособственническими взглядами, выросла девочка Валя Дыко, которая свои действия и взгляды резко противопоставила действиям и взглядам отца. Она была пионеркой очень активной, председателем отряда. Она была очень рьяной пионеркой в противоречие своему домашнему быту. Она была товарищем моему сыну. Но вот она заболела скарлатиной... Перед смертью к ней пришла мать и принесла ей крест. И она даже перед смертью... подняла руку, отдала салют и так умерла... Ее так и похоронили. Вот этот факт, как она умерла, меня мучил два года. Я чувствовал, что об этом надо написать, и обязательно. Написать о том, как умерла эта девочка. И вот я написал это стихотворение «Смерть пионерки» — в виде сказки. Я ясно представлял себе, что ее надо написать как можно проще, рассказать о том, почему она дорога мне. Мне хотелось показать, что даже смерть ее незабываема, что несмотря на то, что она умерла,— песнь о ней останется жива, и что с песней о ней пойдут пионеры...»

АНТОКОЛЬСКИЙ Павел Григорьевич (1896—1978) — поэт лиро-эпического стиля, автор поэм «Франсуа Вийон» (1934), «Сын» (1943), «В переулке за Арбатом» (1954), сборников «Мастерская» (1958), «Высокое напряжение» (1962), «Четвертое измерение» (1964), «Ночной смотр» (1975), «Конец века» (1977). Один из лучших переводчиков французской поэзии и поэзии народов СССР.

Послание друзьям (стр. 191). **Бажан** Микола (Николай Платонович; р. 1904) — украинский советский поэт, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР. **Чиковани** Симон Иванович (1903—1966) — грузинский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР. **Зарьян** Наири (Айастан Егиазарьян; 1901—1969) — армянский советский писатель. **Вургун** Самед (Самед Юсиф-оглы Векилов; 1906—1956) — азербайджанский советский писатель, общественный деятель, лауреат Государственных премий СССР. **Ушаков** Дмитрий Николаевич (1873—1942) — советский филолог, редактор и составитель «Толкового словаря русского языка». **Даль** Владимир Иванович (1801—1872) — русский писатель, лексикограф, этнограф, составитель «Пословиц русского народа», создатель «Толкового словаря живого великорусского языка». **О Родная Земля! Ты уже за холмами еси.**— Переведенная Антокольским строка из «Слова о полку Игореве».

КАЗИН Василий Васильевич (1898—1981) — автор поэтических сборников «Рабочий май» (1922), «Избранное» (1978), главная тема которых — освобождающий труд

ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ Василий Иванович (1898—1949) — поэт, автор многих популярных песен. Лауреат Государственной премии СССР.

ИСАКОВСКИЙ Михаил Васильевич (1900—1973) — певец советской деревни, многие его стихи стали популярными песнями («Прощание», «Катюша», «Огонек», «Враги сожгли родную хату...», «Снова замерло все до рассвета...»). Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР.

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич (1903—1958) в своем творчестве прошел сложный путь от гротескно-иронического обличения нэповского быта («Столбцы», 1929) до философского осмысления темы преобразования природы, морально-этических проблем. Выдающийся мастер перевода из грузинской, украинской, венгерской поэзии, автор одного из лучших в советской литературе поэтических переложений «Слова о полку Игореве».

УТКИН Иосиф Павлович (1903—1944) — поэт-лирик. А. В. Луначарский о нем писал так: «Уткину присущ чрезвычайно мягкий гуманизм, полный любовного отношения к людям. Эта любовь не сентиментальна. Она горяча и убедительна. Она совершенно легко сочетается с мужеством революционера и порою даже с необходимой для революционера жестокостью... Но там, где обе эти ноты — сознание революционного долга, заключающегося в служении перестройке на высших началах всей человеческой жизни, и сердечная нежность — соединяются в один аккорд, получается особенно очаровательная музыка» (Луначарский А. Иосиф Уткин // Прожектор.—1925.— № 22.— С. 14). В годы Великой Отечественной войны поэт погиб, возвращаясь с Западного фронта.

Перед картой электрификации (стр. 208). **Рябушинский П. П.** (1871—1934) — русский банкир и промышленник, один из лидеров контрреволюции.

САЯНОВ Виссарион Михайлович (1903—1959) — поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

ЖАРОВ Александр Алексеевич (1904—1983) — поэт, один из основоположников комсомольской поэзии.

Взвейтесь кострами (стр. 211) — популярная пионерская песня двадцатых — тридцатых годов.

РУДЕРМАН Михаил Исаакович (р. 1905) — автор сборников стихов «Эстафета» (1930), «Звездный пробег» (1933), «Песня о тачанке» (1937), «Земля весенняя» (1958) и др., а также многих стихов для детей. И доныне пользуется большой популярностью его «Песня о тачанке» (1935), положенная на музыку К. Я. Листовым.

БРОВКА ПЕТРУСЬ (Петр Устинович; 1905—1980) — народный поэт Белорусской ССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР.

КИРСАНОВ Семен Исаакович (1906—1972) — в двадцатые годы соратник Маяковского по журналу «Леф», выступал с ним на поэтических вечерах в разных городах страны. Активно экспериментировал в области поэтической формы. Лауреат Государственной премии СССР.

Вы из Мадрида (стр. 216). **«Мы из Кронштадта»** — историко-революционный фильм (1936, режиссер Е. Л. Дзиган, сценарий Вс. Вишневского) **Аранжуэс** — город в Испании близ Мадрида. **Мол** и **Франко** — фашистские генералы в Испании 1936—1937 гг.

ДЕМЕНТЬЕВ Николай Иванович (1907—1938) - автор книг для детей и рассказов в стихах о людях - творцах социализма («Пастух», «Новый метод», «Таня», «Закон», «Мать» и др.).

БЕРГГОЛЬЦ Ольга Федоровна (1910—1975) всенародную славу завоевала своей героической общественно-литературной деятельностью в осажденном Ленинграде. Автор многих книг стихов и поэм: «Февральский дневник» (1942), «Ленинградская поэма» (1942), «Первороссийск» (1950), автобиографической книги «Дневные звезды» (1959). Лауреат Государственной премии СССР

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович (1910—1971) — великий советский поэт, автор завоевавшей всенародную славу «Книги про бойца» — «Василий Теркин», поэм «Страна Муравия», «Дом у дороги», «За далью — даль». Лауреат Ленинской и Государственной премии СССР.

ЧЕКМАРЕВ Сергей Иванович (1910—1933) — поэт, трагически погибший в годы коллективизации.

СОФРОНОВ Анатолий Владимирович (р. 1911) — поэт, драматург, публицист. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственных премий СССР.

Как у дуба старого (стр. 233) — популярная песня тридцатых годов.

СМЕЛЯКОВ Ярослав Васильевич (1913—1972) — певец комсомольской романтики, героики труда. Автор книги «Работа и любовь» (1932), поэмы «Строгая любовь» (1956), цикла стихов «Разговор о главном» (1959). Лауреат Государственной премии СССР.

IV

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви (стр. 240). **Костров Тарас** (А. С. Мартыновский; 1901—1930) — редактор «Комсомольской правды» и журнала «Молодая гвардия», на страницах которого было напечатано стихотворение.

Собаке Качалова (стр. 246). **Качалов В. И.** (1875—1948) — народный артист СССР.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (стр. 249). **Шаганэ** — имя учительницы Шаганэ Нерсесовны Тальян, с которой Есенин познакомился в Батуми зимой 1924—1925 гг. **Шираз** — город в Иране, родина Саади и Хафиза.

Памяти Рейснер (стр. 258). **Рейснер** Лариса Михайловна (1895—1926) — русская советская писательница. В годы гражданской войны боец, политработник Красной Армии. Автор очерковых книг и циклов «Фронт» (1924), «Афганистан» (1925; написана после поездки с первым советским посольством в Афганистан в 1921 г.), «Гамбург на баррикадах» (1925), «Уголь, железо и живые люди» (1925), «Декабристы» (1926) и др.

«Красавица моя, вся стать...» (стр. 260). **Поликлет** из Аргоса — древнегреческий скульптор и теоретик искусства, живший в V в. до н. э. До нас в копиях дошли его бронзовые статуи «Дорифор», «Диадумен», «Раренал Амазонка», а также два фрагмента из сочинения «Канон» об идеальных пропорциях человеческого тела.

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (1891—1967) — прозаик, публицист, поэт, общественный деятель. Лауреат Международной Ленинской премии и Государственных премий СССР.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Всеволод Александрович (1895—1977) — автор книг «Земное сердце» (1933), «Окно в сад» (1939), «Русские зори» (1962), в которых нашла отражение главная черта его лирики — верность классической традиции русского поэтического слова.

ЩИПАЧЕВ Степан Петрович (1899—1979) в годы гражданской войны сражался в рядах легендарной Чапаевской дивизии. Лауреат Гос. премий СССР.

КОЧЕТКОВ Александр Сергеевич (1900—1953) — поэт, драматург, переводчик.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Октября 5

I

Владимир МАЯКОВСКИЙ
Ода революции 20
Левый марш (матросам) 21
Александр БЛОК
Двенадцать (отрывок из поэмы) 23
Скифы 25
Валерий БРЮСОВ
Только русский 27
Товарищам интеллигентам (Инвектива) 28
«Я вырастал в глухое время...» 29
Андрей БЕЛЫЙ
Христос воскрес (отрывок из поэмы) 29
Демьян БЕДНЫЙ
Проводы 32
Главная Улица 35
Джамбул ДЖАБАЕВ
Гимн Октябрю. Перевод с казахского *П. Кузнецова* . . . 40
Анатолий ЛУНАЧАРСКИЙ
Марсово поле (надписи на памятнике борцам революции) . 42
Василий КАМЕНСКИЙ
Чудо-Республика — Россия 44
Встречайте утро революции 46
Велимир ХЛЕБНИКОВ
Воля всем 47
Не шалить! 47
Анна АХМАТОВА
«Мне голос был. Он звал утешно...» 48
«Не с теми я, кто бросил землю...» 48
Николай АСЕЕВ
Кумач 49
Марш Буденного 50
Синие гусары 51
Она продолжается 53
Рюрик ИВНЕВ
Смольный 57
Петроград 59
Павло ТЫЧИНА
На площади. Перевод с украинского *Н. Ушакова* . . . 59
Галактион ТАБИДЗЕ
Аргонавты новой эпохи. Перевод с грузинского *П. Антокольского* 60
Сергей ЕСЕНИН
Кантата 60
Эдуард БАГРИЦКИЙ
Освобождение (отрывок из поэмы) 61
Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым . . . 61
Николай ТИХОНОВ
Баллада о гвоздях 66
Перекоп 67

Николай УШАКОВ
Ночь на 25-е 68

Алексей СУРКОВ
Конармейская песня 69
Октябрь 70

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ
Улялаевщина (отрывок из эпопеи) 73

Александр ПРОКОФЬЕВ
Разговор по душам 76

Владимир ЛУГОВСКОЙ
Песня о ветре 78

Михаил СВЕТЛОВ
Гренада 83
В разведке 86
Песня о Каховке 88

Михаил ГОЛОДНЫЙ
Судья Ревтребунала 89
Песня о Щорсе 92
Партизан Железняк 93

Леонид МАРТЫНОВ
«Между домами старыми...» 95

Борис КОРНИЛОВ
Фронтовики 96

Виктор ГУСЕВ
Октябрьский смотр 97

Павел ВАСИЛЬЕВ
Из «Патриотической поэмы» 100

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ
Маяковский (Последняя ночь государства Российского) 102

Джек АЛТАУЗЕН
Стихи о Ветлуге 103

II

Владимир МАЯКОВСКИЙ
Владимир Ильич! 110
Мы не верим! 111
Разговор с товарищем Лениным 113

Валерий БРЮСОВ
Ленин 116

Анатолий ЧИЛИГАРОВ
Картина 117

Аксо АКОПЯН
В. И. Ленин. Перевод с армянского *А. Тарковского* 118

Сулейман СТАЛЬСКИЙ
Ленин. Перевод с лезгинского *Э. Капиева* 119

Семен ГУДЗЕНКО
Снежинки 121

Николай АСЕЕВ
Реквием 123

Павел ПОЛЯНОВ
«Портретов Ленина не видно...» 124

[illegible]
Пять ночей и дней (На смерть Ленина)

Галактион ТАБИДЗЕ
«Однажды ночью мы сквозь снег...» Перевод с грузинского *И. Поступальского* . . . . .
Сергей ЕСЕНИН
Капитан земли 125
Борис ПАСТЕРНАК
Из поэмы «Высокая болезнь» 126
Максим РЫЛЬСКИЙ
Тень вождя. Перевод с украинского *Б. Тургенова* 129
Владимир СОСЮРА
«Падают снежинки, тает нежный холод...» Перевод с украинского *В. Звягинцевой* 130
Егише ЧАРЕНЦ
«Ленин! Ленин — но не митинговый...» Перевод с армянского *М. Павловой* 131
Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ
Партбилет № 224332. 131
Александр ПРОКОФЬЕВ
«Когда мы в огнеметной лаве...» 132
Муса ДЖАЛИЛЬ
Ленинцы. Перевод с татарского *В. Торопыгина* 133
Владимир МАЯКОВСКИЙ
Не юбилейте! 134
Товарищу Нетте, пароходу и человеку 136
О дряни 140
Прозаседавшиеся 142
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка 144
Во весь голос (отрывок из поэмы) 145
Джамбул ДЖАБАЕВ
Песня о братстве народов. Перевод с казахского *К. Алтайского* 149
Аветик ИСАКЯН
Дым отечества. Перевод с армянского *С. Мар* 152
Алексей ГАСТЕВ
Оратору 156
Встреча 157
Ноша 158
Янка КУПАЛА
За все... Перевод с белорусского *Г. Куренева* 160
Якуб КОЛАС
Эхо. Перевод с белорусского *М. Исаковского* 161
Сергей ГОРОДЕЦКИЙ
Одиннадцатый год 162
Василий КАМЕНСКИЙ
Декрет 163
Весна деревенская 167
Василий КНЯЗЕВ
Песня Коммуны 168
Павло ТЫЧИНА
«Как бомба, пущенная пушкой...» Перевод с украинского *И. Поступальского* 170
Чувство семьи единой. Перевод с украинского *И. Брауна* 172
Осип МАНДЕЛЬШТАМ
Актер и рабочий 173

III

Владимир МАЯКОВСКИЙ
Не юбилейте! 136
Товарищу Нетте, пароходу и человеку 140
О дряни 142
Прозаседавшиеся 144
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка 145
Во весь голос (отрывок из поэмы) 149
Джамбул ДЖАБАЕВ
Песня о братстве народов. Перевод с казахского *К. Алтайского* 152
Аветик ИСАКЯН
Дым отечества. Перевод с армянского *С. Мар* 156
Алексей ГАСТЕВ
Оратору 157
Встреча 158
Ноша 160
Янка КУПАЛА
За все... Перевод с белорусского *Г. Куренева* 161
Якуб КОЛАС
Эхо. Перевод с белорусского *М. Исаковского* 162
Сергей ГОРОДЕЦКИЙ
Одиннадцатый год 163
Василий КАМЕНСКИЙ
Декрет 167
Весна деревенская 168
Василий КНЯЗЕВ
Песня Коммуны 170
Павло ТЫЧИНА
«Как бомба, пущенная пушкой...» Перевод с украинского *И. Поступальского* 172
Чувство семьи единой. Перевод с украинского *И. Брауна* 173
Осип МАНДЕЛЬШТАМ
Актер и рабочий 175

Марина ЦВЕТАЕВА
Лучина
Стихи к сыну
Родина 176
Челюскинцы 176
«О, слезы на глазах!..» 178
Сергей ЕСЕНИН 179
Русь советская 181
Эдуард БАГРИЦКИЙ 181
О Пушкине
Смерть пионерки 184
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ 185
История
Послание друзьям 190
Василий КАЗИН 191
Рабочий май
Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ 192
Марш веселых ребят
Николай УШАКОВ 192
Мастерство
Михаил ИСАКОВСКИЙ 194
Вдоль деревни
Письмо Буденному 194
Владимир ЛУГОВСКОЙ 195
Письмо к Республике от моего друга
Большевикам пустыни и весны 197
Письмо 200
Николай ЗАБОЛОЦКИЙ 203
Венчание плодами
Иосиф УТКИН 205
О юности
Перед картой электрификации 207
Виссарион САЯНОВ 208
«Семнадцатилетние мальчики...»
Александр ЖАРОВ 209
Взвейтесь кострами
Михаил РУДЕРМАН 211
Песня о тачанке
Петрусь БРОВКА 212
Земля. Перевод с белорусского *Б. Ясенского*
Леонид МАРТЫНОВ 213
Путь революционера
Семен КИРСАНОВ 214
Вы из Мадрида
Николай ДЕМЕНТЬЕВ 216
Мать
Ольга БЕРГГОЛЬЦ 219
«Не утаю от Тебя печали...»
Александр ТВАРДОВСКИЙ 223
Песня урожая 223
«Я иду и радуюсь. Легко мне...» 224
Встреча 225
«Кружились белые березки...» 227
Станция Починок
[illegible] ЧЕКМАРЕВ 228
Размышления на станции Карталы

Павел ВАСИЛЬЕВ
Демьяну Бедному 231
Анатолий СОФРОНОВ
Как у дуба старого 233
Ярослав СМЕЛЯКОВ
Баллада о числах 233
Возвращение Димитрова после Лейпцигского процесса . 234

IV

Владимир МАЯКОВСКИЙ
Про это (отрывок из поэмы) 238
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви . 240
Неоконченное 245
Сергей ЕСЕНИН
«Не жалею, не зову, не плачу...» 245
Собаке Качалова 246
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» 247
«Не криви улыбку, руки теребя...» 247
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» . . 248
Из цикла «Персидские мотивы»
«Я спросил сегодня у менялы...» 248
«Шаганэ ты моя, Шаганэ...» 249
«Свет вечерний шафранного края...» 249
«В Хороссане есть такие двери...» 250
«Голубая родина Фирдуси...» 251
«Руки милой — пара лебедей...» 252
Анна АХМАТОВА
«Земной отрадой сердца не томи...» 252
«Ангел, три года хранивший меня...» 253
«Небывалая осень построила купол высокий...» 253
«А, ты думал — я тоже такая...» 253
«Пусть голоса органа снова грянут...» 254
«Пока не свалюсь под забором...» 254
Клевета 255
Муза 256
«Мне ни к чему одические рати...» 256
Николай АСЕЕВ
«Не за силу, не за качество...» 256
Борис ПАСТЕРНАК
Памяти Рейснер 258
«Любить иных — тяжелый крест...» 259
«Все снег да снег,— терпи и точка...» 259
«Любимая,— молвы слащавой...» 260
«Красавица моя, вся стать...» 260
«О, знал бы я, что так бывает...» 262
Илья ЭРЕНБУРГ
«Наши внуки будут удивляться...» 263
Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Расставанье с юностью 265
Николай ТИХОНОВ
«Праздничный, веселый, бесноватый...» 268
«Не заглушить, не вытоптать года...» 269
Степан ЩИПАЧЕВ
Березка 270
«Любовью дорожить умейте...» 270

Михаил ИСАКОВСКИЙ
Прощание 272
Катюша 272
И кто его знает... 274
Александр КОЧЕТКОВ
Баллада о прокуренном вагоне 275
Владимир ЛУГОВСКОЙ
Послесловие 277
Курсантская венгерка 279
Иосиф УТКИН
Письмо 281
Песня бодрости 282
Типичный случай 283
Леонид МАРТЫНОВ
«Мы — футуристы невольные...» 284
Подсолнух 285
Борис КОРНИЛОВ
Песня о встречном 289
Александр ТВАРДОВСКИЙ
Шофер 290
Мать и сын 291
Соперники 293
«Погляжу, какой ты милый...» 294
«Звезды, звезды, как мне быть...» 296
Ярослав СМЕЛЯКОВ
«Гаснут звезды...» 297
Лирическое отступление 298
«Я посвятил всего себя искусству...» 300
«Если я заболею...» 301
Будущее 301

ПОЭЗИЯ ОКТЯБРЯ

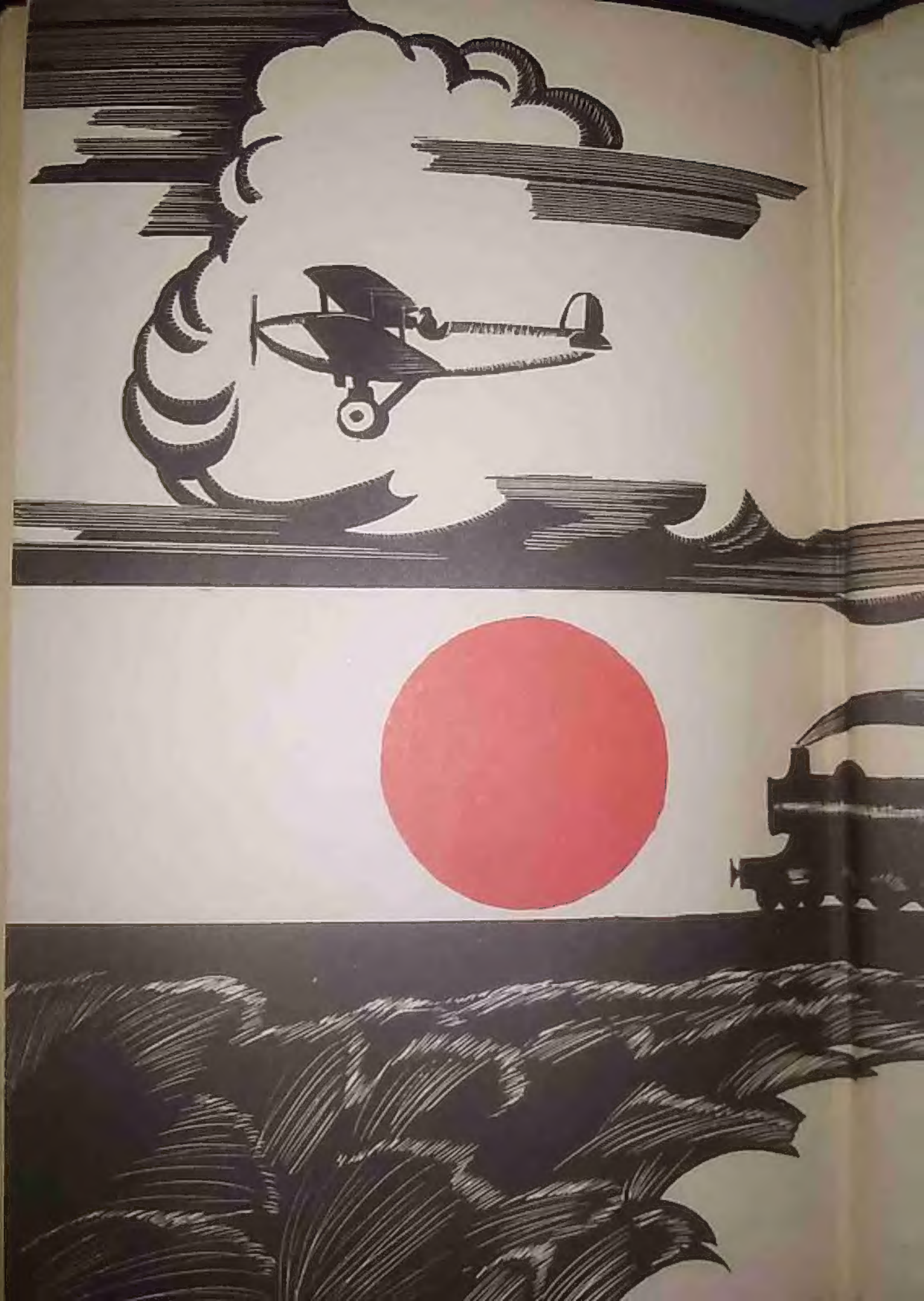
1917—1940

Составление и комментарии
Тимофея Федоровича Прокопова

Редакторы *А. В. Ведрашко, Е. И. Правоторова*
Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
Технический редактор *А. В. Пригода*
Корректор *А. А. Баринова*

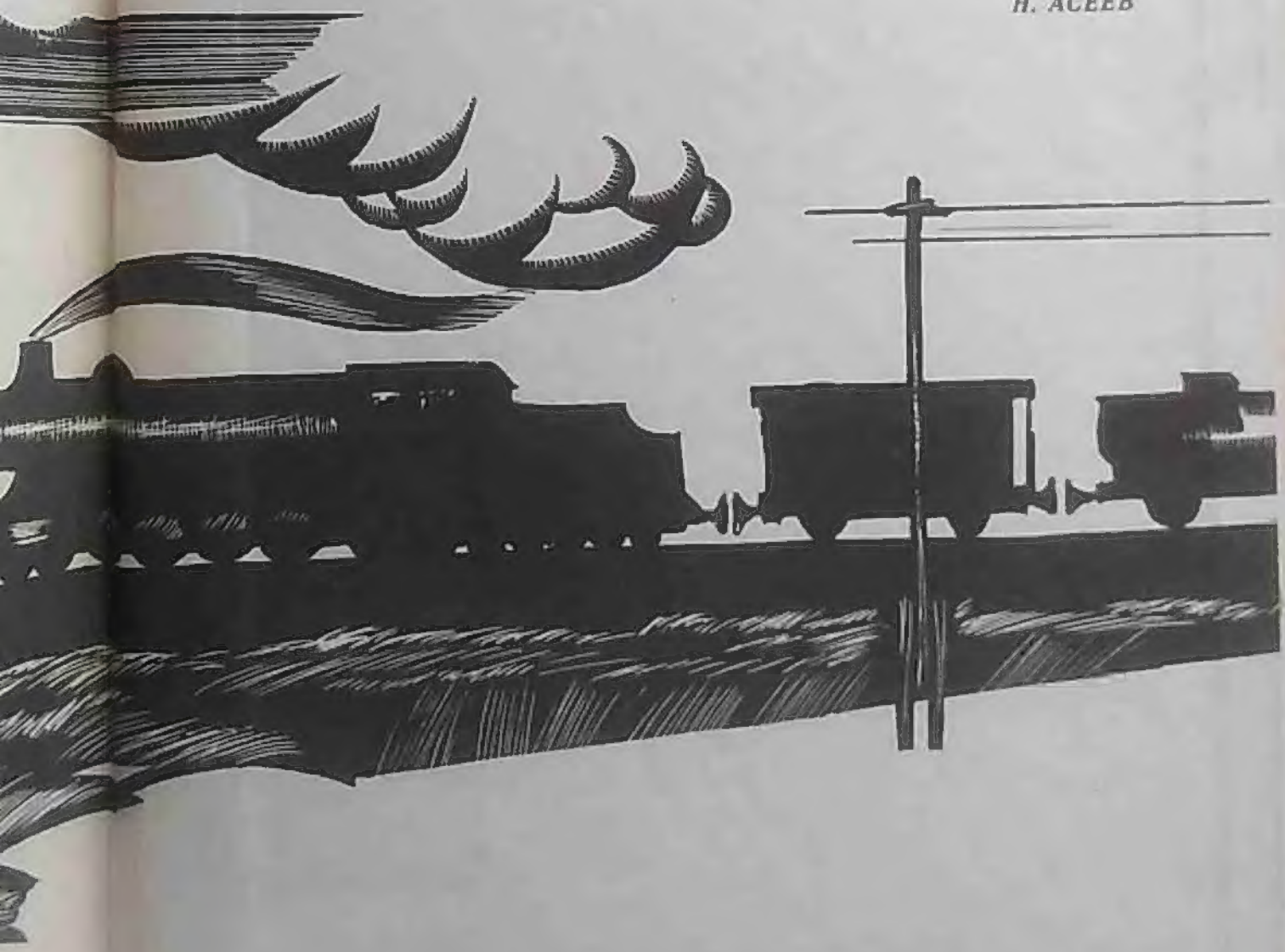
ИБ № 9890

Подписано к печати с диапозитивов 13.05.87. А07224. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 2. Гарнит. литер. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20+0,25. форз. Усл. кр.-отт. 74,75. Уч.-изд. л. 18,31+0,40 форз. Доп. тираж 227 000 экз. Заказ № 1616. Цена 1р. 20 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Идем,
как в семнадцатом
шли во вьюге,
века подпирая
тяжестью тел.
Идем
и не верим,
что где-то воздастся:
за путь нам награда —
тревоги года;
и новое в мире
растим государство,
не виданное
нигде
никогда.

Н. АСЕЕВ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

1 р. 20 к.

